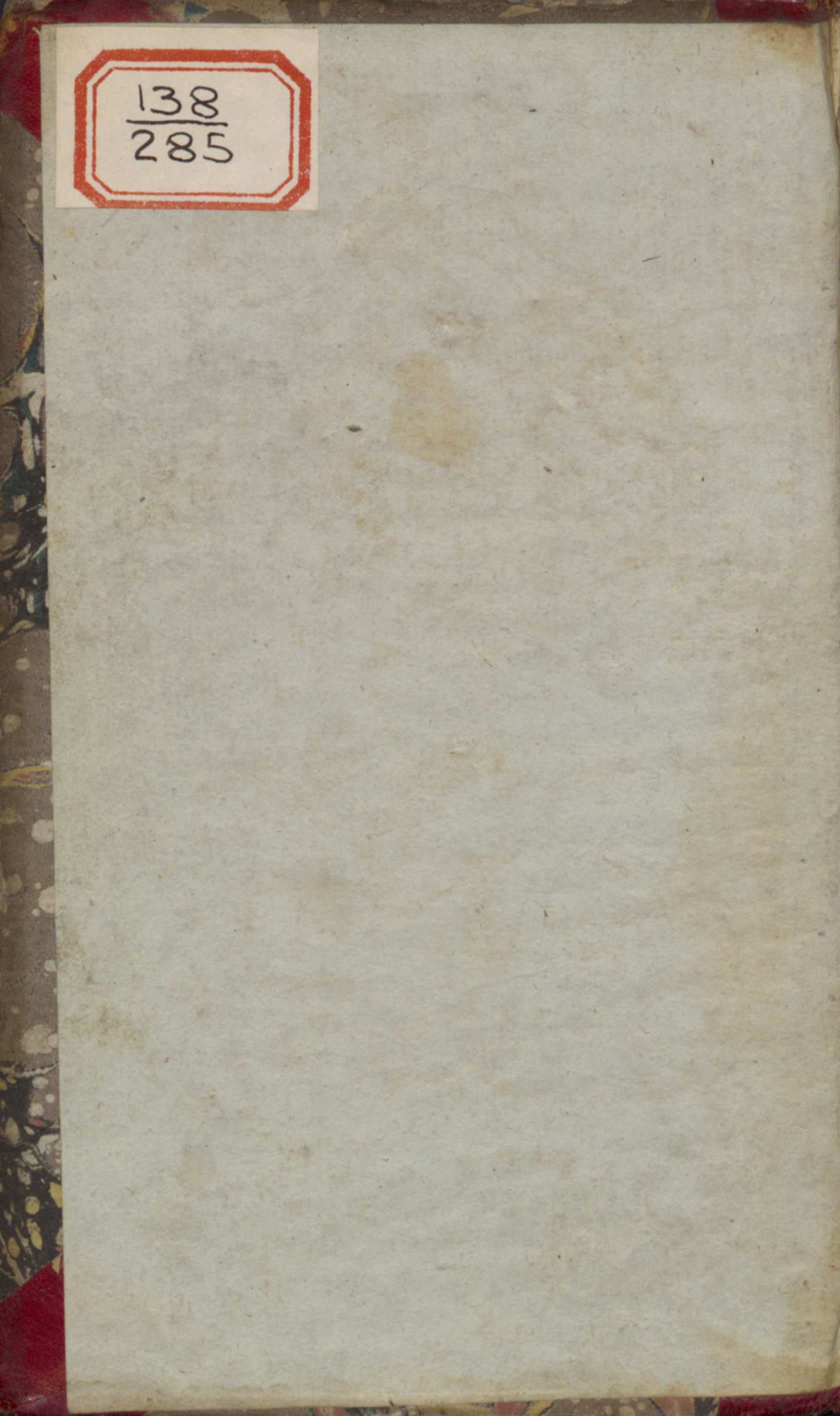
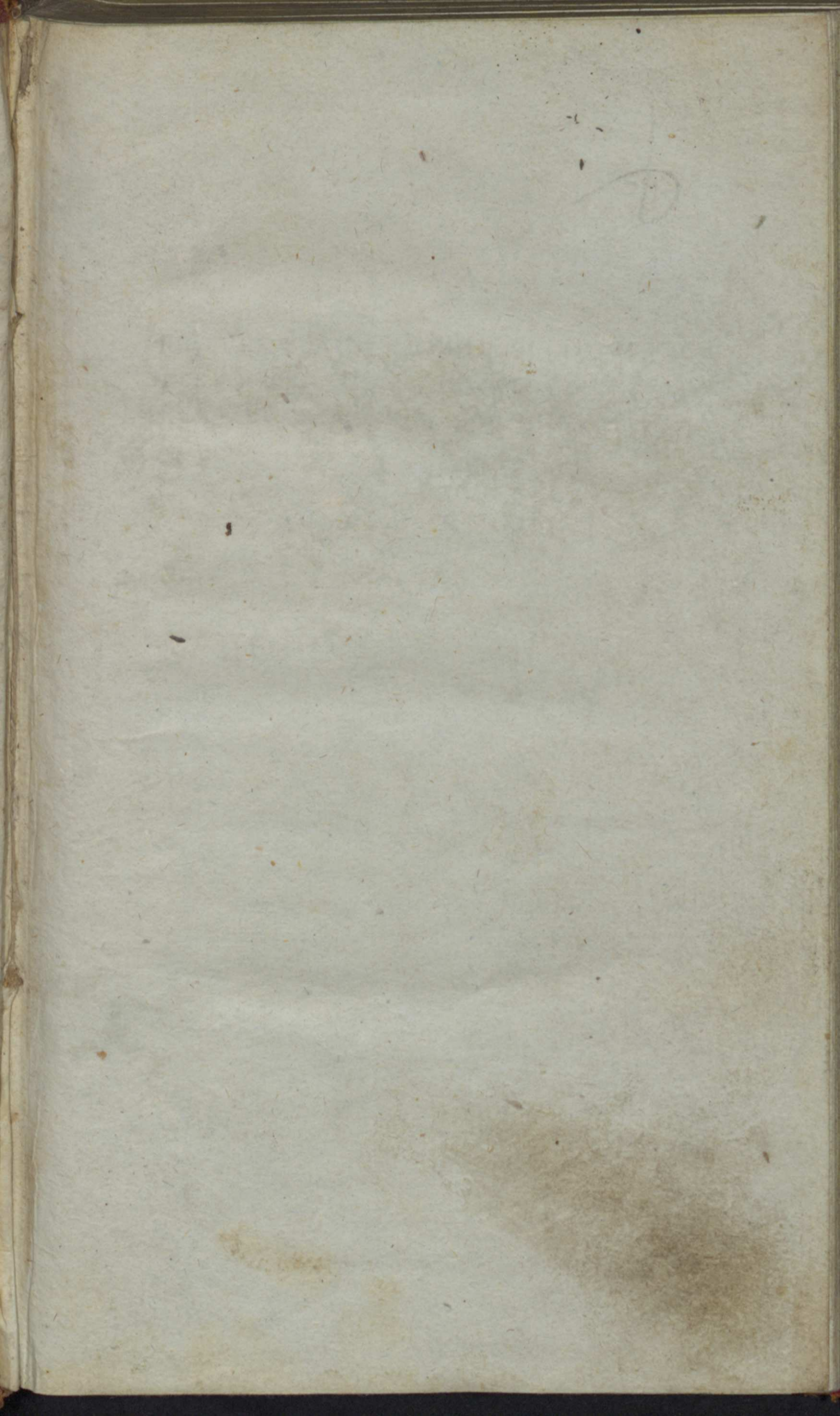

138
285

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЕДУАРДА БОМСТОНА,

описанныя имъ самимъ чрезъ переписку съ С. Пріо, Юлїею, Клерою, Волмаромъ и другими,

служащія

дополненіемъ

къ

НОВОЙ ЭЛОИЗѢ.

La voix du sentiment ne peut nous égarer,
et l'on n'est point coupable en suivant la nature.

PARNI, *opuscul.*

Переведенныя съ Французскаго
Андреемъ Версиловымъ.

ВЪ С. Петербургѣ,
печатано въ Императорской Типографіи, 1798.

Книга подъ названїемъ: *Приключенїя Едуарда Бомстона,* и проч. — въ Санктпетербургской Ценсурѣ разсматривана, и поелику въ оной не находится ничего противнаго данному Ценсорамъ о разсматриванїи книгъ наставленїю; для того оная симъ къ напечатанїю и одобряется. Генваря 4 дня, 1798 года.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЕДУАРДА БОМСТОНА.

ПИСЬМО 1.

Лордъ Бомстонъ къ С. Пріо.

Туринъ.

Ты ожидалъ обо мнѣ извѣстій изъ Франціи, но получаешь оныя изъ Италіи. Я ѣду въ Римъ, въ который клялся никогда болѣе не возвращаться. Уже приближаюсь я къ той Неаполитанской Цирцеѣ, (ибо такъ ты ее называешь) имѣющей опасное обиталище свое въ семъ городѣ; я клялся никогда не видаться уже съ нею; не по тому, чтобъ я боялся быть уловленъ красотою и прелестнымъ голосомъ ея въ сѣти, но что я совершенно лишился надежды направить къ добродѣтели сердце сея женщины, неудержно предавшейся сладострастію.

Всѣ способы тщетно ею употребленные къ удовлетворенію своихъ желаній, разные предлоги къ опровер-женію моихъ предложеній о бракѣ, несмотря на живость ея страсти, содѣлали ее столько подозрительною въ моихъ глазахъ, что я рѣшился прервать мое обхожденіе съ нею; одобреніе твое моего предпріятія утвердило мою рѣшительность. Я принялъ было намѣреніе возвратиться въ отечество, въ нѣдрѣ онаго окончить свои приключенія; тамъ хотѣлъ я приуготовить вамъ убѣжище, гдѣ мудрость и добродѣтель, которые тщетно я старался соединить съ любовію, могли бы соединиться съ дружествомъ: но какъ самыя милыя наши склонности должны уступить и малѣйшему долгу, то обязаны ли мы жертвовать всемъ сильнѣйшей причинѣ, когда сей самой долгъ составляетъ удовольствіе.

На пути моемъ въ Женеву я получилъ отъ Маркизы письмо въ отвѣтъ на то, въ которомъ я открылъ

ей свое намѣреніе; въ немъ писано, что она охотнѣе лишится всего, нежели потерять надежду невидѣть меня болѣе. Что любовь содѣлывающая все возможнымъ, успокоила Маркизу и въ чувствованіи различія вѣры; и что желаніе ея соединить свою участь навсегда съ моею, превыше всѣхъ встрѣчавшихся трудностей. Она присоединила въ письмѣ, что полагая препоны ея благополучію, я долженъ буду отвѣчать за всѣ заблужденія, въ которыя отчаяніе можетъ ее ввергнуть; напротивъ того содѣйствуя ея намѣреніямъ, я могу почитать все содѣланное ею въ послѣдствіи добро, собственно моимъ твореніемъ.

Естьли похвально существу нашего рода возвратить природной его видъ, то несравненно славнѣе обратить къ добродѣтели красавицу, которая однимъ взглядомъ въ состояніи развратить сердца. О С. Пріо! Се гласъ неба! блаженъ смертный слышащій его, блаженъ достойный его слышать!

Прощай, любезный другЪ! я рѣшился продолжать свой путь до Рима, не остонавливаясь нимало, по чему и писать кЪ тебѣ не прежде буду, какЪ по пріѣздѣ вЪ сей городЪ.

ПИСЬМО 2.

РимЪ.

Она моя! РазумЪ и любовь наконецЪ взяли верхЪ надЪ ея предразсудками.

ОдержавЪ такимЪ образомЪ побѣду, чего не могу я ожидать отЪ стараній моихЪ и ревности.

Огнь цѣломудрія, а не огнь сладострастія сЪ сихЪ порЪ будетЪ блистать на глазахЪ ея! Она содѣлается достойною Юліи, она будетЪ подражать совершенствамЪ ея, и благополучіе мое будетЪ умножаться по мѣрѣ успѣховЪ ея вЪ добродѣтели.

БракЪ отложенЪ до пріѣзда нѣкоторыхЪ родственниковЪ изЪ Неаполя. Всякая медленность безпокоитЪ Мар-

кизу; а я въ двое терплю; ибо трепещу еще, не происходитъ ли нетерпѣливость ея отъ однихъ чувствъ, между тѣмъ какъ моя съ жаромъ стремится къ великому предпріятію.

ПИСЬМО 3.

Не льзя сдѣлаться совершенно свободнымъ и великимъ, не разорвавъ или не свергнувъ цѣпь предразсудковъ, скованную добровольно слабыми смертными. Не завися особенно ни отъ какого обстоятельства, предъ всѣми изгибаясь, не страшась никакого сужденія, кромѣ своего собственнаго, должно поставлять источникъ своего щастія въ одномъ только чувствованій своихъ добрыхъ намѣреній. Сіе благородное чувствованіе поставляетъ насъ превыше многихъ, а иногда выше и самихъ себя. Различныя сужденія людей, часто неправедныхъ и держащихъ всегда одну какую нибудь сторону, наконецъ перестаютъ на насъ

дѣйствовать. Сердце дѣлается единымъ нашимъ вождемъ, а природа служитъ намъ единымъ образцемъ. Слѣдуя движеніямъ одного и внушеніямъ другой, мы повинуемся чистѣйшему закону, единому достойному человѣка: удаляясь или обезображивая его, мы дѣлаемся только злыми.

Сіе внутреннее и неопредѣлимое чувствованіе должно быть перьвою причиною нашихъ дѣяній. Покоримъ себя божественнымъ его вдохновеніямъ, и безъ сомнѣнія достигнемъ великой цѣли нашей судьбы. Слѣдуя управленію его, я освободилъ себя отъ множества смѣшныхъ обычаевъ, посягающихъ на нашу свободу; избѣжалъ многихъ обрядовъ изобрѣтенныхъ для черни, а не для меня. Когда колеблюсь я великимъ сомнѣніемъ, когда разумъ мой молчитъ; тогда я ищу свѣтильника истинны во глубинѣ моего сердца, а не въ книгѣ законовъ.

Такъ, любезный мой С. Пріо, забывая всѣ сіи химеры, чтобы сдѣлаться человѣкомъ, я послѣдую въ то

же самое время чувствованію сердца и разума.

При помощи густаго мрака слѣдующей ночи, Богъ, природа, священникъ и свидѣтели соединятъ меня навсегда съ Маркизою.

ПИСЬМО 4.

Узелъ связанъ! Я выхожу изъ объятій ея! Первая во всей Италіи красавица принадлежитъ мнѣ! Полученіемъ руки ея не долженъ я ни тщеславію, ни богатству, но чистѣйшей и совершеннѣйшей любви. Но смѣю-ли я признаться? Никогда, никогда не былъ я столько обманутъ въ своемъ чаяніи! Сколь благополучіе, которое я вкусилъ, низко предъ благополучіемъ ожиданнымъ мною!

Среди лобзаній нашихъ представлялось мнѣ блѣдное и грозное привидѣніе. Осквернившій ложе родства не столько бы причинилъ мнѣ ужаса. Правда, ласки ея меня восхищали, но я

вкушалъ удовольствіе исполненное тоски. Маркиза думала, что сердце мое билось отъ радости тогда, когда біенія его были для меня ударомъ кинжала какого нибудь злаго духа. Таковато сила мнѣнія, что она потрясаетъ сердце самаго философа, осмѣлившагося возстать противъ нее. Кажется, любезный С. Пріо, человѣчество заключило договоръ съ природою при издаваніи законовъ, отъ исполненія коихъ зависитъ удовольствіе совѣсти, и которыхъ нарушеніе мучитъ угрызеніями. Не рѣдко сіи законы разрывали союзъ съ природою, однако сія послѣдняя всегда оставалась вѣрною своему договору. Страсть Маркизы должна быть чрезвычайна, поелику она осмѣлилась, не смотря на суевѣріе свое и предразсудки, возстать противъ гласа озлобленнаго закона. Я же, не ожидая долгое время родственниковъ ея изъ Неаполя, намѣренъ исправить опущенное мною; когда бы сіе только послужило къ удовлетворенію оставшемуся предраз-

судку, который не можетъ никогда совершенно быть изтребленъ. Самая глупость не недостойна мудреца, когда она можетъ успокоить его сердце.

ПИСЬМО 5.

Она обманула меня недостойнѣйшимъ образомъ! Она не вдова; мужъ ея служитъ въ Вѣнскомъ гарнизонѣ. Одинъ изъ моихъ единоземцовъ, имѣвшій съ нимъ знакомство, получилъ отъ него письмо, дабы ей вручить. Безчестная! Она вовлекла меня въ такое преступленіе, котораго я гнушаюсь; презрѣннѣйшій злодѣй мнѣ кажется не столько виновенъ, какъ я. Не только осквернилъ, отнялъ, похитилъ благо другому принадлежащее, но въ то самое время присоединилъ къ тому ударъ измѣнника, которому цѣлая природа не въ состояніи подать врачеванія. Нещастный! можетъ быть воспоминаніе о супругѣ своей было единымъ твоимъ утѣшеніемъ въ от-

даленіи; ты чаялъ найти въ первыхъ ея объятіяхъ награжденіе за толь долгое отсутствіе! Такъ, обманчивыя ея клятвы, вселяя въ сердцѣ твое спокойствіе, тѣмъ болѣе содѣлали прелести ея для тебя драгоцѣнными! Какъ могу я уврачевать рану мною нанесенную тебѣ? И къ чему тебѣ послужитъ то, что сердце мое болѣе страдаетъ, нежели твое? Сіе-то заставляло тебя иногда колебаться, вѣроломная женщина! На семъ основывалось то медленіе, которымъ ты умѣла такъ хорошо обмануть меня! Какъ ты будешь пользоваться твоею побѣдою! Тебѣ удалось сдѣлать меня подлымъ рабомъ своей страсти, привести въ дѣйство то, что я почиталъ не возможнымъ.

О! женщины, женщины! опасное претыканіе мудрости и добродѣтели; отъ васъ увядаютъ цвѣты прекраснаго возраста; вы отравляете питіе безсмертія подносимое намъ честію и славою, налагаете оковы на нещастнаго раба вашихъ прелестей, похищаете у него покой, вольность, щастіе;

вы усыпаете цвѣтами сѣти раставленныя вами для уловленія его, нападаете на него коварнымъ образомъ, и покаряете себѣ, не давъ времени противъ васъ вооружиться. Существо или непонятная мечта скорбей и сладострастій! вы, которыя подъ видомъ благополучія умѣете пользоваться лучшими нашими чувствованіями для наложенія на насъ ига; и покаряете себѣ сладострастнаго сладострастіемъ, мудраго мудростію, самаго добродѣтельнаго собственною его добродѣтелію.

Но время прервать сіи поносные узы, и выйти изъ состоянія слабости, въ которую я впалъ.

Великое зло требуетъ великаго врачеванія. Я поѣду въ Вѣну, открою самъ глаза нещастному ея мужу, сдѣлаю ему всѣ удовлетворенія, какихъ только онъ потребуетъ, и покажу ему яснѣе характеръ жены плѣняющей его.

И такъ, научась изъ печальнаго моего опыта, дабы остаться на пути благополучія и добродѣтели, дол-

жно быть нечувствительну и умѣть противостоять трогательному гласу сихъ прелестныхъ Сиренъ; я сіе сдѣлаю, не имѣя нужды какъ Улиссъ, чтобъ ноги и руки мои привязаны были къ мачтѣ корабельной.

ПИСЬМО 6.

Венеція.

Лишь только начался день, и я услышалъ голосъ перваго гондолщика, (судовщика) то немедленно всталъ, чтобы написать къ тебѣ о особливомъ приключеніи, случившемся со мною вчера по пріѣздѣ въ сей городъ.

Я хотѣлъ еще однажды вкусить удовольствіе, которымъ часто наслаждался, проѣзжаясь по водѣ около сего удивительнаго города. Солнце уже оставляло весьма ясное небо. Горячіе пары закрывали всѣ башни города и позлащали верхи безчисленныхъ колоколней. Венеція, выходя изъ нѣдра волнъ, представлялась Царицею морей.

Сіе прекрасное зрѣлище повергло меня въ изумленіе. Величество сего не измѣримаго города, чудная и удивительная его вольность, мудрость его правленія воспламеняли воображеніе мое, и представляли мыслямъ моимъ предметы высочайшіе и полезнѣйшіе человѣчеству.

Вдругъ пріятной звукъ музыки соединяется съ сими чувствованіями, и пробуждаетъ меня. Я поднялъ занавесъ; увидѣлъ охотничьи рога и трубы въ лодкѣ, слѣдовавшей непосредственно за мною.

Нѣжные тоны ихъ соединялись съ сладостною гармоніею царствовавшею въ природѣ. Гласы ихъ были столь трогательны! мнѣ казалось, что лодка ихъ управляема была по тонамъ музыки. Сіе привело мнѣ на мысли воспоминаніе о Римѣ; отъѣздъ мой въ Вѣну показался мнѣ скоропоспѣшенъ, безразсуденъ и даже опасенъ. Мнѣ представлялся въ сердцѣ моемъ голосъ Маркизы, говорящей со мною въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ. —

Куда ты ѣдешь, любезный мой? ты убѣгаешь той, которая тебя обожаетъ, дабы повергнуть ея въ бездну нещастій! Ахъ! естьли то можетъ почесться преступленіемъ, что я не могла противиться владычеству любви; не наказывай меня за зло, коего ты виновникъ!

Когда злой духъ забавлялся симъ образомъ распаленіемъ моей чувствительности, слуга мой отдернулъ занавесъ и объявилъ, что чужестранецъ изъ ближайшей лодки хочетъ со мною говорить, что имѣя съ собою музыку, онъ почитаетъ заудовольствіе, естьли я вмѣстѣ съ нимъ поѣду.

Я перешелъ въ его лодку. Первой предметъ глазамъ моимъ представившійся, человѣкъ въ Мундирѣ, котораго черты мнѣ не возжно было примѣтить, ибо начинало нѣсколько темнѣть — Я вамъ не знакомъ, говорилъ онъ, но подойдите ближе, и вы найдете во мнѣ сходство съ Маркизою Малатестою, живущею въ Римѣ! Я братъ ее и требую отъ васъ удо-

вольствія. — Вы имѣете на то право. Я обезчестилъ вашу фамилію, но безъ намѣренія; я готовъ вамъ сдѣлать оное; но могу ли я возвратить вамъ, такъ какъ и себѣ, то, что мы потеряли оба чрезъ нещастной мой союзъ съ вашею сестрою.

Луна доставляетъ намъ довольно свѣта. Предъ нами островъ С. Іоанна, гдѣ я посвящалъ нѣкогда многіе часы на размышленіе о Маркизѣ; мнѣ кажется, что не льзя найти выгоднѣйшаго для насъ мѣста.

Отвѣта на сіе я не получилъ: лодку управляли къ берегу сего острова, музыка начала играть вновь, и пріятной вѣтръ благопріятствовалъ нашимъ желаніямъ. Офицеръ далъ знакъ своимъ людямъ. Мы сошли одни на островъ. Никогда не видывалъ я столь прекрасной ночи, столь чистаго и столь яснаго неба: но сердце мое не вкушало онаго удовольствія! Мы оба вошли въ оранжевую аллею. Отошедши весьма въ отдаленное мѣсто, я взялся за ефесъ моей шпаги. —

Остановись, вскричалъ мой противникъ, узнай свою жертву прежде заколенія ея! — Она упадаетъ къ моимъ ногамъ. — Такъ, С. Пріо, это была Маркиза! Отними у меня жизнь, варваръ, говорила она, обнаживъ грудь свою! Вотъ мое сердце, сердце, которое не содѣлало иного преступленія, о кромѣ того, что тебя любило; оно никакому злу не причастно, кромѣ безмѣрной любви, которой ты предметъ! Я рѣшилась умереть отъ руки твоей, чтобъ смерть для меня тѣмъ самымъ сноснѣе была. Не могши вкушать щастія ни на одну минуту въ отдаленіи отъ тебя, не тысящекратно ли лучше умереть, нежели жить въ разлукѣ? Не предавай меня ужасу моего жребія, и окончи будущее, о коемъ единое воображеніе заставляетъ меня трепетать! — Вздохи прервали ея голосъ. Я былъ сраженъ подобно громовымъ ударомъ. Сердце мое говорило въ ея пользу, должность принуждала меня быть глухимъ къ ея требованіямъ; самое молчаніе мое было весьма

краснорѣчиво. Такъ! Милордъ, продолжала она съ нѣжностію; я виновна, вѣроломна, я тебя обманула; но какое другое средство оставалось мнѣ овладѣть тобою при всѣхъ строгихъ твоихъ правилахъ? Страсть моя содѣлавшись бѣшенствомъ, знала ли предѣлы? Я хотѣла быть щастливою, или умереть! Я имѣла въ объятіяхъ моихъ любезнѣйшаго изъ смертныхъ, и я скорѣе откажусь отъ жизни, нежели лишусь надежды быть любимою имъ! Едуардъ! присоединила она, схвативъ съ восхищеніемъ мою руку, мой жребій зависитъ отъ единаго твоего взгляда. Вспомни тѣ сладостные восторги, которые любовь представляла для нашего наслажденія. Будь правосуденъ, раздѣляй и горести ея! — Я бросилъ на нее взоръ; и сей взоръ былъ истолкователемъ моего сердца.— Увы! продолжала она, спокойнѣйшимъ тономъ, я пріѣхала въ Венецію въ надеждѣ отвратить тебя отъ поѣзда въ Вѣну. Я надѣялась на твою чувствительность: пагубной обманъ! Же-

стокой! Я уступаю всѣ права, которыя имѣла на твое сердце! Я покоряюсь сему ужасному приговору! Но не оставляй меня; содѣлай меня своею ученицею, своей воспитанницею, своимъ другомъ! Я надѣюсь во всемъ успѣть, ибо я перестаю быть твоею любовницею. Предавъ мученіямъ любви, по крайней мѣрѣ пощади меня отъ мученій отчаянія!

Глаза ея наполнились слезами, и я не прежде могъ остановить ихъ, какъ обѣщавшись ѣхать съ нею вмѣстѣ въ Римъ. Однако я положилъ условіе съ нею, чтобы она забыла навсегда то короткое обхожденіе, которое мы имѣли. Я объявилъ, что она можетъ сдѣлаться моимъ другомъ, но любовницею никогда уже не будетъ.

Рѣшившись на другой день ѣхать съ нею въ Римъ, мы возвратились вмѣстѣ въ Венецію. Я проводилъ ее въ комнату, чтобы она успокоилась нѣсколько, и ожидалъ дня, дабы увѣдомить тебя прежде отъѣзда о семъ странномъ приключеніи.

ПИСЬМО 7.

Загородной домъ.

Едва мы пріѣхали въ Римъ, какъ Маркиза самымъ убѣдительнымъ образомъ просила меня не оставлять ее и проводить съ нею одинъ мѣсяцъ въ загородномъ домѣ, принадлежащемъ Кардиналу Д***. Чрезъ сіе я могъ узнать, что она ему родственница; ибо мнѣ извѣстно, что онъ презираемъ всѣми членами коллегіи, которые по большей части люди достойные уваженія, съ которыми онъ весьма мало имѣетъ сношеній.

Въ деревнѣ, говорила она мнѣ, я надѣюсь съ вами обращаться такъ, какъ требуетъ дружество, сіе чувствованіе, въ которомъ вы сдѣлались искуснымъ учителемъ. Что касается до меня, я еще очень слаба; и какъ первыя начала показались для меня весьма трудными, то мнѣ потребна для успѣха особливая дѣятельность; вы въ этомъ свѣдущи болѣе меня,

ученіе неимѣетъ никакой связи съ безпокойствами городскими. Имѣя особливой въ наученіи даръ, вы можете, не смотря на худыя мои дарованія, обѣщать себѣ много успѣховъ отъ своей ученицы. Можетъ быть я окажу съ вами въ одинъ мѣсяцъ болѣе успѣховъ, нежели сколько бы могла въ нѣсколько лѣтъ съ другимъ.

Чемъ болѣе кто привязанъ къ любимой имъ особѣ, я говорилъ самъ себѣ, чемъ болѣе на нее онъ смотритъ, тѣмъ менѣе становится она привлекательна.

То, что Маркизѣ кажется прелестнымъ во мнѣ, скоро покажется ей обыкновеннымъ; можетъ быть наскучивъ всегда меня видя, она дойдетъ до того, что я буду ей въ тягость, или по крайней мѣрѣ она будетъ равнодушна?

И что можетъ быть для нея выше сего щастія? Потеря меня, на которую она принуждена себя осудить, ей стоитъ болѣе, нежели она примѣчаетъ. Блѣдныя щеки, томные

и слабые взгляды, вся наконецъ наружность ея изъявляетъ то, что тщетно старается она скрывать.

А я надѣюсь въ сie время обрѣсти то, чего еще не достаетъ къ моему покою и тишинѣ; ибо чѣмъ болѣе научаемся мы собственнымъ опытомъ узнавать сей прелестный полъ, тѣмъ болѣе почтенie наше къ нему слабѣетъ. Маркиза нѣсколько времени меня въ томъ обманывала, но я увидѣлъ ее теперь въ точномъ видѣ; покрывало обмана упало, и она уже не въ состоянiи будетъ возмущать мой покой, или приводить въ замѣшательство мои предпрiятiя.

Воззрѣнie на Боговъ и Ироевъ, коихъ образы окружаютъ меня здѣсь, не можетъ ли произвесть во мнѣ благопрiятнаго впечатлѣнiя? Не должно ли одушевить меня воспоминанie о тѣхъ великихъ мужахъ, коихъ духи блуждаются около почтенныхъ своихъ гробницъ? Стараясь шествовать по стопамъ ихъ, долженъ ли я позволять совратить себя взглядами од-

ной женщины? Отечество мое, друзья, не болѣе ли имѣютъ власти надъ моимъ сердцемъ? Возможно ли, чтобы мой духъ снизшелъ до подлости и униженія, въ то самое время, когда чувства мои предаются удовольствію? Нѣтъ, я разорву сіи недостойные узы, скованные привычкою: добродѣтель есть первая страсть мудраго; она должна поставлять его превыше любви; ею одушевленный онъ жертвуетъ жизнію своею любовницѣ, а любовницею своей должности.

ПИСЬМО 8.

Римъ.

Я весьма жалѣю, что долгое мое молчаніе обезпокоило нѣжную твою дружбу! но трепещу воспоминая, сколь мало требовалось времени для прерванія навсегда нашей переписки.

Пребываніе въ загородномъ домѣ было для Маркизы новымъ претыканіемъ. Не бывъ развлечена никакимъ

предметомъ, она думала достигнуть своего намѣренія тѣмъ легче, что не хотѣла повидимому меня покинуть съ тѣмъ, чтобы дать мнѣ чувствовать нужду въ красотѣ ея. Деревенская вольность заставляла ее въ своихъ уборахъ имѣть небреженіе, дѣлавшееся содня на день опаснѣйшимъ; она водила меня по самымъ пріятнымъ мѣстамъ; мы вошли съ нею вмѣстѣ въ темную рощицу, гдѣ природа и искуство истощили всѣ силы свои; и подъ видомъ премѣненія своея любви въ дружество, она не стыдилась никакого со мною обхожденія. — Какое пріятное услажденіе, говорила она иногда, прижимать друга къ своей груди! но, когда уста ея произносили имя друга, сладострастные ея взгляды выражали имя любовника.

Живучи съ прелестною женщиною, бываютъ такія минуты, въ которыя сама природа воззываетъ мудраго къ человѣчеству. Сіе чувствованіе начинало оказываться во мнѣ. Тщетно старался я потушить его;

я преодолѣлъ его, но съ ужасомъ примѣтилъ, что мои усилія были ослаблены невидимою силою.

Къ щастію моему изъ нетерпѣливости своей Маркиза перемѣнила тонъ: почитая потерянным все то время, въ которое она употребляла одну нѣжность, она рѣшилась испытать тронуть меня равнодушіемъ. Холодныя обхожденія, сухія учтивости уже заступили мѣсто нѣжныхъ и страстныхъ ея поступковъ. Я того и желалъ: увѣренъ будучи, что она начинала хладѣть ко мнѣ, я намѣренъ былъ изъявить ей свою о томъ радость, и обнявъ ее сказалъ: раздѣляйте мое благополучіе! Страсть ваша начинаетъ угасать, постараемся оба не возбуждать ее; хотя бы дружество самое въ томъ пострадало, примемъ мѣры уничтожить ее совершенно.

Она вырвалась изъ объятій моихъ ни чего не говоря, бросила на меня суровой взглядъ, и не чувствительно пришла въ первое свое состояніе. Поелику сія хитрость не имѣла желаемаго

успѣха, то я увидѣлъ входящаго къ намъ Римскаго Аббата, которому она притворно оказывала всѣ благосклонности. Я затрепеталъ, и стыдился, примѣтивъ въ своемъ сердцѣ первые слѣды страшнаго чудовища ревности; ибо хотя я твердо рѣшился оставить всѣ свои права на Маркизу, однако не могъ рѣшиться уступить оныхъ никому, кромѣ законнаго владѣтеля. Но я имѣлъ время разсудить о сей малой опасности, и тогда же примѣтилъ, что она старалась единственно поиграть моею ревностію, чтобъ получить то, чего притворное ея равнодушіе доставить ей не могло. Тогда собравъ всю мою веселость, я старался, сколько возможно было, благопріятствовать удовольствіямъ сихъ двухъ любовниковъ; и мое обхожденіе съ Аббатомъ такого было свойства, что не показывало никакого прискорбія. Но въ ту самую минуту, когда я менѣе всего надѣялся, Аббатъ изчезъ, и Маркиза мнѣ призналась въ томъ, что прежде уже я отгадалъ.

Послѣ сего я увидѣлъ себя въ новой опасности. Страсть ея не была ничемъ развлечена, уединеніе благопріятствовало оной, нужда поддерживала, и она могла свободно приводить въ дѣйство самыя скрытныя свои намѣренія. Дѣятельная жизнь питаетъ добродѣтель, но покой истощаетъ ее! Я чувствовалъ уронъ въ своихъ силахъ, не бывъ въ состояніи остановить. Мнѣ не льзя было бѣжать отселѣ; я далъ слово проводить цѣлой мѣсяцъ съ нею. Оставшись здѣсь, я видѣлъ предъ собою гробъ добродѣтели своей. Я думалъ только объ одномъ средствѣ . . . . Что есть жизнь сія? говорилъ я самъ себѣ. Минутная игрушка. Но добродѣтель преходитъ за предѣлы нашей жизни, она безсмертна! . . . Естьли должно умереть для спасенія ея, я умру! не для того, что мы немощны, но что мы такъ слабы, что чувства всечастно торжествуютъ надъ нами. Кто менѣе опасается смерти, нежели преступленія, тотъ никогда не можетъ

быть принужденъ сдѣлаться преступникомъ.

Сіе послѣднее средство признанное мною неизбѣжнымъ, начертало на лицѣ моемъ печаль, которую Маркиза примѣтила. Она толковала ее въ свою пользу, и причиною оной полагала взаимное мученіе, которое мы оба сносили.

Вчера прогуливались мы въ обширномъ саду загороднаго дома въ то самое время, когда сумерки заступили мѣсто послѣднихъ солнечныхъ лучей. Дневной жаръ и вечерняя прохлада соединясь вмѣстѣ, составляли благораствореніе воздуха, которое представлялось стихіею сладострастія. Маркиза привела меня въ одно отдаленное мѣсто, куда я немогъ никогда проникнуть. Мы вошли въ небольшой гротъ; сошли по марморной лѣстницѣ, ведущей къ тремъ различнымъ террассамъ, украшеннымъ фонтанами и водопадами. Обои сего грота составлялъ самой тонкой мохъ, при подошвѣ находился весьма зеленый дернъ.

цвѣты, рѣдкіе кустарники, мирты, лавры, оранжевыя деревья, украшенныя цвѣтами, составляли величественной лѣсокъ, непроницаемый для солнечныхъ лучей. Въ густотѣ его видно было не большое количество воды, среди которой поставлена была статуя богини любви, выходящей изъ бани. Сіе мѣсто было окружено креслами и натуральными жертвенниками, которые казались олтарями, воздвигнутыми и посвященными божеству сихъ мѣстъ отъ Амуровъ.

Поелику дружество есть пріятнѣйшее чувствованіе, говорилъ я Маркизѣ подходя къ статуѣ, то не льзя повѣрить, чтобъ древніе, знавшіе совершенно цѣну его, старались представить въ сей высокой модели образъ любви, а не образъ дружества; и я увѣренъ, что люди часто обманываются, приписывая одному славу принадлежащую другому. — Ты ошибаешься, Милордъ! Одинъ энтузіазмъ воздвигаетъ памятники; дружество есть чувствованіе гораздо разсуди-

тельнѣйшее, нежели чтобъ оно могло вдохнуть толь высокое рукъ твореніе. Посмотри на нее лучше . . . Это не дружество, а любовь! — Всякъ, отвѣчалъ я ей, судитъ по образу своихъ мыслей. Я, для котораго дружество есть пріятное пламя, пламя божественное, палящее, но не сожигающее! я обрѣтаю его въ сей статуѣ.

Она бросилась мнѣ на шею, не говоря ни слова. Слезы катились по распаленнымъ ея щекамъ. Маркиза казалась жертвою мщенія божества, находившагося предъ нами, котораго вся ярость должна излиться на меня. Восхищенія ея содѣлались сильными искушеніями моей рѣшительности. Поцѣлуи ея были пламенными стрѣлами, которыми разъяренное божество меня пронзало, дабы заглушить мою философію и мою добродѣтель. Сама природа покровительствовала любви и вооружалась противъ меня.

Сжалься надо мною, вскричала Маркиза, или отними у меня жизнь. Я не могу оставить тебя, не освобо-

дившись отъ пожирающаго меня пламени. Благій геній привелъ мнѣ на мысль обѣщаніе мое, и возбудилъ во мнѣ мысль о смерти, единое средство, оставшееся къ освобожденію отъ сихъ трудныхъ сраженій, безъ поврежденія чести моей. Казалось, что я слышу гласъ провидѣнія. Я вырвался изъ объятій Маркизы, сказавъ ей: такъ, скоро я освобожу тебя отъ сего мученія!

Оставляю немедлѣнно Маркизу, Бѣгу въ свою горницу, заряжаю одинъ пистолетъ. Въ послѣдній разъ воспоминаю о своемъ отечествѣ, о друзьяхъ; и опасаясь, чтобъ сіе воспоминаніе не смягчило меня, принимаюсь за оружіе. Въ сіи минуты Маркиза летитъ ко мнѣ... Вырываетъ у меня пистолетъ, даетъ выстрѣлъ за окно, и упадаетъ къ моимъ ногамъ. — Небо! такимъ ли способомъ ты хочешь облегчить мои горести? Я твоя убійца? Ахъ нещастная! Сноснѣе лишиться всего, что я имѣю любезнаго въ свѣтѣ! Признаюсь тебѣ, Милордъ, я хотѣла испытать послѣднее покушеніе

на твое сердце. Страсть меня ослѣпляла, но клянусь у ногъ твоихъ, что не остается теперь ничего опасаться со стороны моей. Я изгоню изъ сердца своего огнь пожирающій меня. Прости моему заблужденію, живи для щастія другихъ.

Я поднялъ ее, мы возвратились въ садъ, и на другой день поѣхали въ городъ, хотя не прошло еще болѣе половины мѣсяца.

ПИСЬМО 9.

Римъ.

Я никогда о томъ не думалъ; она либитъ истинно. Лишившись всей надежды удовлетворить своимъ желаніямъ, она хочетъ побѣдить великодушіемъ и добрыми поступками страсть свою, и явить мнѣ примѣръ безкорыстнѣйшей любви. Такъ она забываетъ себя самую для меня; уборы ея дѣлаются пристойнѣе, рѣчи разсудительнѣе, поступки благороднѣе. Уже не

видно въ ней того желанія нравиться другимъ, желанія столько сильнаго въ женщинахъ. Кажется, что я содѣлался единственною пружиною ея дѣяній: естьли я бросаю на нее пріятной взглядъ, всѣ черты лица ея воспламеняются; когда подтверждаю ея слова, она приходитъ въ восторгъ; естьли принимая иногда участіе въ обстоятельствахъ ея, воспоминаю о истинномъ благѣ, раскызываю о красотѣ геройства, заставляющаго любить добродѣтель и гнушаться порока, то сіи неизвѣстныя явленія съ начала удивляютъ ее, но скоро потомъ чувствованіе справедливости и чести производитъ въ душѣ ея чудное восхищеніе, и наконецъ она удивляется имъ чрезвычайно.

Желающій обратить къ добродѣтели властолюбивое сердце, долженъ приступать къ сему надежнымъ, но нечувствительнымъ образомъ, дабы не оскорбить его самолюбія и гордости, чрезъ насильное отвращеніе отъ привычекъ и любимыхъ имъ правилъ. Вотъ

планъ, которому я долженъ слѣдовать.

Однако я холодно еще смотрю на сіе неизвѣстное явленіе. Ежели оно откроется въ ея пользу, то вся моя философія не въ состояніи будетъ утѣшить меня въ томъ, что судьба другому, а не мнѣ, опредѣлила сію непонятную женщину.

ПИСЬМО 10.

Римъ.

Все, что мудрость и любовь имѣютъ общаго, состоитъ въ томъ, чтобы умѣть извлекать полезныя слѣдствія изъ печальнѣйшихъ обстоятельствъ. Гоненіе, мученіе, нещастія всякаго рода; вотъ елей, возжигающій священную ихъ лампаду. Когда всѣ непостоянныя благи жизни сея оставляютъ ихъ, они возстаютъ съ великою силою противъ жестокости судьбы, преслѣдующей ихъ, и чрезъ то новую получаютъ силу.

Прискорбное положеніе, въ кото-

ромъ любовь Маркизы находилась до сего времени, принесло ей много пользы. Препятства не только ее не ожесточили, но придали еще любви ея пріятнѣйшій, нѣжнѣйшій и остроумнѣйшій оборотъ. Вчера вечеромъ она провела меня въ маленькую оранжерею, откуда видна была большая часть Рима. При помощи горячаго моего воображенія, я перенесъ сіи башни, церкви, всѣ нынѣшнія строенія, и на мѣстѣ ихъ поставилъ тѣ древнія зданія, не подражаемыя творенія художества, которыя времени и людямъ угодно было разрушить. Словомъ, я возстановилъ древній Римъ. Здѣсь видѣлъ я Капитолію во всей славѣ, тамъ пышный дворецъ Императоровъ, тамъ храмы, амфитеатры, водоводы, торжественныя колесницы, мавзолеи, площадь всеобщаго собранія Римлянъ, сего гордаго народа. Въ исступленіи своемъ я мнилъ, что вижу триумфъ во всемъ его великолѣпіи; Императоръ увѣнчанный лаврами, окруженный облаками куренія шелъ въ

Капитолію, для принесенія богамъ благодаренія за полученныя побѣды. Невольники влекли его колесницу. Благополучный народъ смотрѣлъ на величественнаго побѣдителя. Гласы побѣды раздавались со всѣхъ сторонъ. Я слышалъ такъ же глухой звукъ цѣпей влеченныхъ царями . . . Въ сіе время Маркиза меня взяла за руку; мечта изчезла, восхитительныя сіи картины пропали, и я жалѣлъ, что ничего предъ собою не зрю, кромѣ новаго Рима; я вскричалъ: увы! почто состояніе твое такъ отлично отъ прежняго? — Ты долженъ въ томъ поставлять виною себя, отвѣчала Маркиза; сія печальная перемѣна не твое ли твореніе? Сей неожидаемый отвѣтъ кончилъ мои мечтанія и извлекъ меня изъ сладостнаго сновидѣнія. Городъ Римъ, говорилъ я улыбаясь, можетъ хвалиться особою, удостоившею говорить за него; но мнѣ кажется, что не справедливо вы приписываете паденіе сей великой Имперіи мнѣ. Она замолчала, и начала сіе дѣло лучше,

нежели я могъ ожидать. Она пробѣжала трепещущими глазами все пространство горизонта, и притворное спокойствіе, которое наружно она принимала, открывало волненіе души ея. — Хотя не ко мнѣ, но къ городу Риму относится высокое сіе мнѣніе, однако я хочу присвоить его себѣ. Такъ, Милордъ, я хочу сдѣлаться таковою, какова прежде была! — Сказанное вами, Маркиза, есть для меня неизъяснимою загадкою. — Такъ, я хочу придти опять въ прежнее состояніе, и возвратить вамъ то щастіе, которое вы нѣкогда вкушали въ моихъ объятіяхъ . . . . О Едуардъ! ты видишь, что часто женщина бываетъ въ состояніи оказать вамъ то, чего ваша философія не ожидала бы никогда . . . . Лора! Едва выговорила она сіе слово, кабинетъ, именованный ею *святилищемъ любви*, немедленно отворился. Молодая дѣвица, исполненная пріятностей и красоты вышла изъ онаго: одѣяніе ея было простое, но прелестное. Маркиза шла къ ней на

встречу и меня вела.—Судьбѣ угодно, сказала она трепещущимъ голосомъ, чтобы мы не раздѣляли пріятностей любви; прими ихъ по крайнѣй мѣрѣ отъ руки моея. Да заступитъ Лора мое мѣсто! да владѣетъ она цѣною моего постоянства; но да будетъ она одна. Для меня довольно того, естьли когда нибудь въ ея присутствіи ты вздумаешь о той рукѣ, отъ которой ее получилъ.

Едва я вышелъ изъ удивленія, какъ она стала между нами. Взяла наши руки и говорила мнѣ. — Приди Едуардъ! Никогда съ такою невинностію не вводила я тебя во святилище любви. — Непостижимая женщина! вскричалъ я, противясь намѣренію ея ввести насъ въ кабинетъ: я удивляюсь величію души вдохнувшей тебѣ сей поступокъ; но чемъ заслужилъ я, любезная Маркиза, чтобъ явиться предъ глазами твоими столь низкимъ, столь достойнымъ презрѣнія, и подобнымъ безсловеснымъ животнымъ, которые, будучи водимы единственно врожденны-

ми склонностями и чувственнымъ возжеланіемъ, не сообразуются ни времени, ни мѣсту? Ахъ! естьли ты меня считаешь не столько разборчивымъ, чтобъ я могъ вкусить плодъ твоего приношенія въ собственномъ твоемъ домѣ, то сія жертва маловажна, и я не заслуживаю сожалѣнія. Впрочемъ любовь къ сему мѣсту сильна ли будетъ заставить тебя смотрѣть равнодушно на оскверненіе слѣдовъ удовольствія, которое мы нѣкогда здѣсь вкушали? — Сіи слѣды уже не существуютъ, отвѣчала она перемѣнным голосомъ, слезы изгладили ихъ! Не смотря на сіе, слова мои имѣли хорошій успѣхъ. Маркиза оставила наши руки и повергласъ въ кресла недалеко стоявшія, чувствуя смятеніе свое. — Поелику ты не хочешь принадлежать мнѣ, продолжала она, то я желаю, чтобы никому не принадлежалъ: но естьли любовь должна лишиться своихъ правъ, позволь по крайней мѣрѣ ей располагать оными. Для чего благотвореніе мое тебѣ въ тягость? Мо-

жетЪ быть страшиться быть неблагодарнымЪ? ВотЪ . . . . Прими, (препоручаетЪ мнѣ Лору) но клянись, что небудешь имѣть связи ни сЪ какою другою женщиною. Я принялЪ Лору, и то же смятеніе повергло меня кЪ ногамЪ Маркизы. Странное великодушіе! вскричалЪ я; естьли пріятности ваши и красота дѣлаютЪ честь вашему полу, то благородство вашихЪ мыслей поставляютЪ васЪ выше онаго. НѣтЪ, любезная Маркиза, жестокая судьба, разрушающая любовь нашу, не только не похищаетЪ ничего у вашихЪ достоинствЪ, но напротивЪ того придаетЪ онымЪ пріятнѣйшій образЪ. Вы рождены сЪ тѣмЪ, чтобЪ вамЪ удивлялись, обожали васЪ. Дражайшія мои чувствованія, продолжалЪ я, (прижимая сЪ нѣжностію ея руку кЪ сердцу своему) будутЪ принадлежать вамЪ до послѣдняго моего издыханія; и естьли они завлекутЪ меня когда нибудь далеко, образЪ вашЪ и память вашего великодушія меня направятЪ на путь правды.

Она подняла меня, съ видомъ удовольствія, примѣтивъ произведенное во мнѣ впечатлѣніе симъ непонятнымъ поступкомъ. Лора прислуживала намъ во время ужина. Я зрѣлъ въ глазахъ Маркизы, во всѣхъ ея поступкахъ, образъ величія и того благородства, которое тщетно я желалъ найти прежде въ ея прелестяхъ. При семъ случаѣ, казалось, мы понимали совершенно одинъ другаго. Во взорахъ ея видимы были одни только знаки добродѣтели, и естьли она умѣла читать въ моихъ глазахъ, то конечно примѣтила, что новыя ея чувствованія весьма сходствовали съ моими. Удовольствіе наше возвѣщало торжество совершеннѣйшей дружбы. Каждое слово, каждая рѣчь дышала искреннѣйшею нѣжностію. Подобно двумъ друзьямъ спасшимъ себя взаимно отъ предстоящей опасности, мы показывали видъ взаимнаго нашего другъ другу одолженія за свое избавленіе.

Лора была молода и прелестна;

но погруженный въ бездну мыслей произведенныхъ во мнѣ Маркизою, я обращалъ на нее весьма слабые взгляды. Глаза ея всегда встрѣчавшіеся съ моими, показывали волненіе, которое я не имѣлъ намѣренія увеличить. При концѣ ужина, поданному ли знаку Маркизы или по собственному своему движенію, она вышла. Я узналъ, что безчеловѣчные родители продали ее Кардиналу Д*** дядѣ Маркизы; что сія дѣвица не смотря на безчестной родъ жизни, въ которой она была вовлечена, умѣла сохранить остатки скромности и благородства, отличающіе ее отъ другихъ дѣвицъ сего рода. — Вотъ для чего, присоединила Маркиза, я хотѣла соединить нравственное съ Физическимъ; ибо отселѣ одни наши души лишь должны имѣть сообщеніе. Жертва принесенная ею, важное сраженіе, благородная и спокойная ея наружность, происходившая отъ чувствованія, одушевлявшаго ее и для меня опаснаго; все сіе трогало меня безмѣрно и проницало до

основаній моей Философіи. Препоны прошиволежащія до сихъ поръ нашему соединенію, вдругъ изчезли изъ глазъ моихъ. Разумъ уступилъ мѣсто природѣ. Я не усматривалъ другихъ законовъ, кромѣ законовъ любви, благодарносши двухъ душъ, произведенныхъ одна для другой. Едва Маркиза примѣтила колеблющуюся мою добродѣтель, какъ вдругъ сія земная Венера взяла всѣ способы къ ускоренію своей побѣды . . . Горя любовію, она влечетъ меня въ свои объятія . . . Скоро я узнаю Италіанку . . . Вырываюсь изъ рукъ ея, и убѣгаю.

ПИСЬМО XI.

Римъ.

Природа и добродѣтель имѣютъ свои собственныя права; но ревность, съ каковою они стараются ихъ утвердить, гораздо дѣятельнѣе у одной, нежели у другой. Пока природа не удовлетворила своимъ желаніямъ, весь-

ма трудно, а иногда и не возможно, добродѣтели пребыть вѣрною своимъ законамъ.

Маркиза ободренная продолжающимся со мною обращеніемъ, и воспоминаніемъ протекшихъ удовольствій, дѣлала меня ежедневно игрушкою своихъ прелестей. Иногда удавалось ей едва не погасить во мнѣ огнь добродѣтели. Опасность была неминуема, и я уже готовъ былъ уступить силѣ природы. Тонкость воображаемой разборчивости оставила меня въ сію минуту . . . Я ушелъ къ Лорѣ. Входя въ ея покой, я удивлялся необыкновенной чистотѣ царствовавшей вездѣ, что весьма рѣдко можно найти въ Италіи, а особливо въ таковыхъ домахъ. Она сидѣла за своею работою; увидя меня содрогнулась. Я учтиво ей поклонился, но съ видомъ вольности, на которую обстоятельства ея, казалось, мнѣ давали право. Она взаимно пожелала мнѣ здравія, скромно и робко, не вставая съ своего мѣста; сіе заставило меня подумать, что она изъ числа

тѣхъ достойныхъ любви и коварныхъ дѣвицъ, которыхъ опытъ научилъ, что самое сладострастіе, для полученія большей цѣны, должно быть часто прикрыто завѣсою скромности и цѣломудрія. Смотря съ большимъ вниманіемъ, я примѣтилъ на лицѣ ея печаль, чего не видѣлъ съ начала. Ты печальна, Лора? я сказалъ ей — Ахъ! тѣмъ болѣе я достойна сожалѣнія. — Я думалъ, что посѣщеніе мое тебя обрадуетъ. — Но вы видите, что оно причиняетъ мнѣ печаль — Однако я имѣю лѣкарство отъ печали, которое скорое оказываетъ дѣйствіе. Сей перстень, сказалъ я, (снимая съ своей руки) имѣетъ великую Симпатическую силу.—Вы меня считаете гораздо суевѣрнѣе, нежели какова я въ самомъ дѣлѣ, отвѣчала она, отхватывая поспѣшно свою руку; я не вѣрю сей Симпатической силѣ, и прошу беречь сіе лѣкарство для особъ, которыя легкомысленнѣе меня.

Я кладу перстень на столъ; она мнѣ его возвращаетъ. Выведенъ буду-

чи изъ терпѣнія симъ поступкомъ, который я почелъ за смѣшное своенравіе; не смотря на сопротивленіе я обнимаю ее. Она проситъ, вырывается, плачетъ, *испускаетъ крикъ; послѣ сихъ усилій убѣгаетъ во внутренность своихъ покоевъ.* — Убѣйте меня, естьли хотите, кричала она перемѣнившимся голосомъ; одна смерть моя доставитъ вамъ побѣду. Взоры, тѣлодвиженія, смятеніе ея не были уже двусмысленны. Не вѣря тому, что я видѣлъ и слышалъ, и желая яснѣе проникнуть въ сіе чудное для меня сопротивленіе, Лора! я сказалъ ей тихимъ голосомъ, успокойся. Я не намѣренъ болѣе тебя тревожить . . . . Не бойся ничего . . . Я подошелъ ближе къ сей странной дѣвицѣ, посадилъ ее на софу, а самъ сѣлъ напротивъ и ожидалъ въ молчаніи рѣшенія сего чуднаго явленія.

Она не говорила ни слова, глаза ея были потуплены въ низъ; дыханіе было не равно, грудь ея трепетала, все возвѣщало безмѣрное волненіе ея

души. Наконецъ я прервалъ молчаніе: не обманываюсь ли я? Развѣ вы не Лора Дизанна? — Я Лора, сказала она трепещущимъ голосомъ . . . . Что же? прервалъ я съ насмѣшливою улыбкою. Можетъ быть вы оставили прежній образъ жизни? —. Увы! нѣтъ, я всегда такова же; весьма не легко выйти изъ пропасти, въ которую мы ввержены бываемъ. — Губы ея дрожали при сихъ словахъ, глаза пылали; но голосъ ея сдѣлался такъ нѣженъ, такъ трогателенъ . . . . Я не зналъ, что мыслить. Наконецъ мнѣ пришло въ голову, что она лишилась ума. Для чего же, любезная Лора, для чего вы одного меня лишаете вашей благосклонности? Скажите, чѣмъ я заслужилъ вашъ гнѣвъ? — Мой гнѣвъ! вскричала она съ чувствительностію? Ахъ! я не имѣла любви ни къ одному изъ тѣхъ, которыхъ принимала. Я всѣхъ могу терпѣть, выключая васъ одного. — Но для чего, Лора? изъясните мнѣ сіе лучше, я васъ не понимаю. — Ахъ! понимаю ли я себя? Все, что я знаю,

есть то, что вы не должны касаться меня никогда . . . Нѣтъ, повторила она еще съ яростію, никогда неприкасайтесь ко мнѣ. Одна мысль, что примете меня въ свои объятія, такъ какъ публичную дѣвицу, заставитъ меня умереть съ печали. Краска въ лицѣ ея возгорѣлась. На глазахъ ея изображались знаки тоски и отчаянія. Сіе зрѣлище крайне меня тронуло; почему я и старался ее уговаривать, обходясь съ нею гораздо тише, честнѣе и дружественнѣе. Она убѣгала моихъ взглядовъ, закрывала свое лице. Я взялъ ее руку, давая тѣмъ знать, сколь великое беру участіе въ обстоятельствахъ ея: она взаимно сжимала нѣжно мою, поднесла ее къ своимъ губамъ, вздохнула, и слезы покатились ручьями изъ глазъ ея. Сія рѣчь, хотя была довольно ясна, оставляла нѣсколько еще во мнѣ сомнѣній. Я хотѣлъ ихъ разогнать. Говорите, Лора, продолжалъ я; взгляните на меня; читайте въ глазахъ моихъ участіе, впечатлѣнное вашимъ жребіемъ; положи-

тесь на меня, скажите мнѣ, любезная Лора, что тревожитъ такъ жестоко сердце ваше? Она возвела къ небу свои слезами омоченные глаза, и отерла локономъ своихъ прекрасныхъ влосовъ, разбросанныхъ небрежно по плечамъ, слезу примѣченную ею на рукѣ моей.

Милордъ! ты не видѣлъ, сказала она, никого столь достойнаго сожалѣнія какъ я. Лѣта моего юношества суть однѣ, въ которыхъ я вкушала щастіе. Увы! они пробѣжали какъ молнія, и подобно оной предшествовали мраку и бурямъ. Я провождала дни безъ скуки, свойственной моему возрасту, незнала состоянія бѣдности, въ которой родители мои такъ истаевали, что доведены бывъ до крайности, и наконецъ незная, какъ извлечь себя изъ сего горестнаго состоянія, не имѣли другаго средства, какъ содѣлать меня нещастною жертвою . . . . Они продали меня Кардиналу Д*** Я была молода; имѣла нѣсколько тщеславія; и въ семъ заключалась вся моя вина, но сіе есть

обыкновенное свойство людей моихъ лѣтъ. Поелику Кардиналъ довольствовалъ оное всемъ, то я считала себя на верхъ щастія вознесенною, и приписывала даже себѣ много чести, что онъ унижается столько для меня. Однако престарѣлая моя тетка иногда опечаливала меня, проклиная какъ меня, такъ и состояніе мое; но Кардиналъ всегда меня успокоивалъ, увѣряя, что въ поведеніи моемъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Увы! я думала, что онъ долженъ знать болѣе моей тетки! . . . Такимъ-то образомъ увялъ первой цвѣтъ моей юности тогда, когда я имѣла весьма мало опытности. Жизнь моя была ни что иное, какъ безпрестанная игра моего малосвѣденія, вовлекшаго меня въ тысячу заблужденій. Кардиналъ сдѣлавшись слабымъ, и достигнувъ старости, началъ меня пренебрегать. Образъ прежней моей жизни содѣлалъ для меня сіе пренебреженіе весьма чувствительнымъ, и я была увѣрена, что для наполненія пустоты, чув-

ствованной мною въ сердцѣ, непремѣнно должно жить по прежнему. Многіе господа дѣлали мнѣ посѣщенія. Самъ Кардиналъ, многихъ изъ нихъ находя часто въ моихъ покояхъ, симъ не огорчался, но и показывалъ свое желаніе, чтобы кто нибудь заступилъ его мѣсто. Я подозрѣваю, что бывъ родственникомъ Маркизы Малатесты, не предложилъ ли онъ меня и вамъ. Надежда быть представленной молодому Агличанину, произвела во мнѣ величайшее удовольствіе; ибо старый Кардиналъ мнѣ былъ уже въ тягость, и при томъ я имѣла великое мнѣніе о щедрости Аглинскаго народа. Ты показался мнѣ пріятнѣе всѣхъ видѣнныхъ мною доселѣ; но сіи блистательные виды, льстящіе моему воображенію, представляли мнѣ благополучіе, въ которомъ одно только тщеславіе, моя господствующая страсть, принимало участіе: сердце мое не чувствовало отъ того никакого еще движенія. Но когда я стояла противъ Маркизы, когда примѣчала взоры, и

слышала ваши рѣчи; то ощутила не опредѣлимое и сладостное чувствованіе. Я не имѣла никакого понятія о томъ щастіи, о которомъ вы съ толикимъ жаромъ твердили: картина благополучія, изображаемая тогда вами мнѣ совсѣмъ была не извѣстна, однако она возхищала меня, и колебала мое сердце ужасомъ, смѣшеннымъ съ удовольствіемъ и жалостію. Кровь протекавшая въ моихъ жилахъ разгорячалась. Не обыкновенное чувствованіе было начертано на всѣхъ вашихъ тѣлодвиженіяхъ. Я вдругъ увидѣла въ глазахъ вашихъ образъ любви; предметъ вдохнувшій ее содѣлался для меня любезнымъ. Новой видъ щастія уже ласкалъ моему мятущемуся воображенію. Но сіе восхищеніе скоро изчезло, и я, бросивъ нѣсколько взоровъ на самую себя, открыла глаза на свое состояніе. Ахъ! нещастная, говорила я себѣ; права, которыя бы я могла имѣть на сіе благополучіе, уже не существуютъ. Я никогда уже не могу любить, въ надеждѣ ихъ возвратить. Увы! я тре-

бую только соизволенія обожать его въ молчаніи, питаться воздухомъ, которымъ онъ дышетъ, встрѣчать еще иногда сіи обворожающіе взгляды, отворившіе для меня новое небо. Что я говорю! вскричала она поспѣшно вставши, какой возторгъ меня колеблетъ, какое безуміе владѣетъ моими чувствами! Милордъ! убѣгай меня, оставь меня моему нещастному жребію! Ахъ! я то чувствую, онъ не будетъ меня долго мучить.

Нѣтъ, Лора, сказалъ ей я; чувствующій такъ живо свои заблужденія, какъ вы, легко можетъ исправить оныя. Успокойся, ободрись, старайся о себѣ самой, дабы мнѣ по возвращеніи своемъ найтить тебя спокойнѣе. — Боже мой! вскричала она, я не совсѣмъ нещастна; ибо вы сожалѣете о мнѣ. Вы хотите еще однажды меня удостоить вашего присутствія. Возможно ли? Могу ли я того ожидать? — Вы можете на сіе надѣяться, естьли обѣщаете мнѣ быть спокойнѣе — Ваше увѣреніе должно

быть въ томъ вѣрнымъ залогомъ.

Радость блеснула, подобно молніи, сквозь влажное облако покрывавшее прекрасные ея глаза; и въ священномъ изступленіи забывъ, что я протестантъ, она изпускала самыя горячія моленія, чтобы Богоматерь явила мнѣ всевозможныя благи.

ПИСЬМО 12.

Римъ.

Лора была на софѣ; обѣ крестообразно лежащія ея руки поддерживали ее голову. Глаза ея были затворены; мокрыя щеки, слезы, блиставшія сквозь ея пальцы, заставили меня думать, что она плакавши, не давно уснула. Съ одного боку лежали у ней четки: естьли бы при семъ были солнечные часы и мертвая голова, то бы сіе зрѣлище представляло прекраснѣйшій образъ кающейся Магдалены.

Ахъ! естьли бы какой благодѣтельный Геній сообщилъ мнѣ свою силу; съ какимъ удовольствіемъ по-

святилъ бы я лѣта моея жизни, что бы утѣшить душу сей бѣдной дѣвицы, стенящей подъ бременемъ мученій! Я смотрѣлъ на нее нѣсколько минутъ, и вышелъ такъ тихо отъ нея, какъ и вошелъ.

ПИСЬМО 13.

Римъ.

Лора говорила правду; я ни кого не видѣлъ нещастнѣе ея. Всѣ мученія, наносимыя часто любовію не могутъ нимало сравниться съ тѣми, которыя сноситъ сія бѣдная дѣвица. Вѣрная любовница, жертва своей собственной любви, безъ сомнѣнія достойна сожалѣнія; однако она не совсѣмъ нещастна, она вкушала щастливые дни; пріятныя воспоминанія услаждаютъ иногда ея горести, и чувствованіе твердости дѣлается для нея неизчерпаемымъ источникомъ утѣшенія. Та, которая любитъ безъ надежды полученія, терпитъ огорче-

нія болѣе или менѣе мучительныя, по мѣрѣ жестокости ея страсти; однако для нее остается еще въ печали слабый лучъ надежды, утѣшающій ее. Но обстоятельства Лоры совсѣмъ инаковы; сія бѣдная дѣвица не имѣетъ никакой надежды. Кто можетъ на одну минуту остановить ручьи слезъ ея? Правда, развлеченіе раждающейся любви составляетъ сладостное чувствованіе. Различныя движенія предшествующія ей обѣщаютъ намъ такую степень благополучія, которая всегда бываетъ гораздо ниже существенности. Лора наслаждалась симъ первымъ восхищеніемъ. Но, увы! оно продолжалось только одну минуту. Лишь только хотѣла она увѣриться, что сіе неизвѣстное услажденіе было не обманчивой сонъ, вдругъ усмотрѣла ужасную картину своего положенія. Все, что питаетъ надежду и желанія любящихся, обращается въ отчаяніе въ душѣ ихъ. Обладаніе тѣмъ, что она любила, представляется глазамъ ея поношеніемъ низкой и

подлой твари, которую осыпаютъ ласками въ то самое время, когда презираютъ. Достойнство щастливой любви для нее уже кажется безчестіемъ. Такимъ образомъ сильнѣйшія ея мученія произходятъ отъ собственныхъ ея желаній; чѣмъ легче для нее удовольствовать ихъ, тѣмъ болѣе участь ея должна быть ужаснѣе для нея самой. Безъ надежды, безъ чести, безъ помощи, она для того научилась познавать истинную любовь, чтобы сожалѣть о пріятностяхъ ея.

Но тѣжъ самыя причины, которыя унижаютъ ее предъ собственными ея глазами, возвышаютъ предъ моими. Сія раждающаяся страсть есть для меня надежнымъ доказательствомъ, что сѣмя добродѣтели еще неподавлено въ сердцѣ ея, и что одна долговременная привычка, покрывшая, такъ сказать, его толстою корою, препятствовала произрастѣнію его. Вотъ что принуждаетъ меня брать участіе въ обстоятельствахъ сей нещастной дѣвицы; и ежели она, какъ я

надѣюсь, приобрѣтетъ другія добродѣтели своего пола; тогда я буду ее почитать столько, сколько теперь сожалѣю объ ней. Но въ ожиданіи сего, что мнѣ можно сдѣлать для ея спокойствія? Чего можетъ она надѣяться отъ меня, кромѣ слабаго участія, которое можетъ брать честное и чувствительное сердце въ жалостномъ предметѣ, имѣющемъ еще довольно чести, чтобъ чувствовать стыдъ свой? Я не осмѣливаюсь твердить ей о положеніи ея; говорить объ немъ ей самой, значитъ умножать ужасъ, чувствуемый уже ею; въ прочемъ одно слово можетъ содѣлаться опаснымъ, когда я воспалю въ ней надежду, которая никогда въ дѣйствіе приведена быть не можетъ. Величайшимъ нещастіемъ для безчестнаго ремесла есть то, что чрезъ оставленіе онаго ничего выиграть не льзя.

ПИСЬМО 14.

Римъ.

Разсматривая сего дня храмъ С. Петра, я воображалъ, сколь много бы ты пораженъ былъ однимъ взглядомъ на сіе не измѣримое зданіе, когда церковь С. Петра въ Лондонѣ произвела въ тебѣ столь сильное впечатлѣніе. Я самъ будучи менѣе тебя склоненъ къ удивленію, и видѣвши уже оное часто, не могу пройти величественную площадь ведущую къ оному, чтобъ видъ его не изгналъ изъ души моей низкое размышленіе. Чтобъ ты сказалъ, С. Пріо, возходя по тѣмъ пышнымъ лѣсницамъ ведущимъ во храмъ, проходя тѣ великолѣпныя колоннады, уставленныя почтеннымъ соборомъ великихъ мужей, видя прохладительные пары, производимые двумя великолѣпными фонтанами, изъ коихъ безпрестанно выбрасываемыя воды, какъ бы образуютъ не въ дальнемъ разстояніи источникъ безсмертія! Что бы ты сказалъ, проходя около того

Обелиска, который изъ средины площади гордо возвышается до облаковъ; уединенъ и безъ подпоры, онъ поддерживается собственною своею тяжестію, при подошвѣ его лежатъ четыре чрезвычайной величины льва. Нѣтъ, С. Пріо, ты не прошелъ бы не остановившись. Ты почувствовалъ бы себя какъ бы остановленна не видимою рукою; ты удивлялся бы сему безсмертному памятнику, и въ немъ узрѣлъ бы прекрасное изображеніе мудреца, который, почерпая свои высокія понятія изъ собственнаго своего сердца, не зависитъ ни отъ кого, и умѣетъ дать господствующую власть страстямъ своимъ. Восхищаясь разсужденіями о всѣхъ совершенствахъ еще намъ не свѣдомыхъ, и какъ бы возносясь превыше себя самаго, ты нашелъ бы сей амфитеатръ, сколько онъ въ прочемъ ни обширенъ, очень сжатымъ; ты взошелъ бы съ поспѣшностію по лѣсницамъ, и не останавливаясь пробѣжалъ бы священную галлерею, дабы воздать въ храмѣ

честь не видимому присутствію Божества.

ПИСЬМО 15.

Римъ.

Лора превышаетъ всѣ надежды, данныя мнѣ ея любовію. Стремленіе ея къ добродѣтели не сомнительно; не только чувствительность ея сердца то доказываетъ, она имѣетъ сверхъ того все то, что придаетъ добродѣтели видъ благородства, она возвышается надъ обыкновеннымъ чиномъ людей. Великодушіе и другія чувствованія существуютъ въ ея сердцѣ, подобно тѣмъ подавленнымъ сѣменамъ, которыя вдругъ возрастаютъ, какъ скоро отнята будетъ подавляющая ихъ сила.

Дабы нѣсколько разсѣять уныніе сей бѣдной дѣвицы, не давно послалъ я къ ней туалетъ, со многими другими Аглинскими мѣлочами. Она приказала меня благодарить, но спустя полчаса

слуга ее принесъ мнѣ все назадъ съ сею запискою:
,,Я потеряла право отвергать подар-
,,ки; однако осмѣливаюсь вашъ ото-
,,слать назадъ съ тѣмъ, что, можетъ
,,быть, вы имѣете намѣреніе чрезъ
,,него оказать презрѣніе свое ко мнѣ.
,,Ежели вы ко мнѣ пришлете обратно;
,,то я принуждена уже буду его при-
,,нять . . . . Но я почту, что вами
,,обладаетъ весьма безчеловѣчное ве-
,,ликодушіе.,,

Ты будешь столько же удивляться, какъ и я С. Пріо, сему письмецу, въ которомъ она умѣла соединить такъ хорошо смиреніе съ величествомъ: въ немъ виденъ такъ же нѣкоторой родъ достоинства. Признавать свое ничтожество, значитъ изглаждать свое поношеніе. Вотъ обстоятельства сей бѣдной кающейся дѣвицы! Блуждаяся въ ужасномъ состояніи, въ которое вовлечена, она умѣла соблюсти благородный характеръ, показывающій, что добродѣтель имѣетъ еще права свои надъ нею; и вотъ

что заставляетъ меня принимать участіе въ ея обстоятельствахъ, и дѣлаетъ ее столь достойною почтенія въ глазахъ моихъ! И такъ, признаться должно, что, хотя я не имѣю точно причины гордиться любовію Лоры, сія любовь имѣетъ нѣчто такое, что производитъ въ сердцѣ моемъ удовольствіе.

ПИСЬМО 16.

Римъ.

Находясь при Лорѣ, я ощущаю въ себѣ тѣ чувствованія, которыя часто я имѣлъ, заботясь о больномъ другѣ. Малѣйшая помощь, поданная ей мною, составляетъ для меня великое услажденіе. Когда любовь заставляетъ ее на минуту забыть дѣйствительную свою болѣзнь; я люблю смотрѣть, какъ она съ довѣренностію прикладываетъ свои горящія щеки къ моей рукѣ, бросаетъ томные на меня взоры, и принимаетъ съ самою нѣж-

ною благодарностію утѣшительныя средства приносимыя ей дружествомъ моимъ. Тогда краска въ лицѣ ея возпаляется; спокойствіе какъ бы возраждается опять въ ея душѣ, робкая улыбка, примѣчаемая на ея устахъ, какъ бы возвѣщаетъ возвращеніе надежды. Она поднимаетъ свою голову, какъ будто одушевлена новою жизнію. . . Но скоро за симъ слѣдуетъ размышленіе; опять погружается она въ печаль; тяжкія мученія горестей вновь берутъ свое дѣйствіе надъ нею; и потоки слезъ заступаютъ мѣсто того спокойнаго вида, который мнѣ стоило великаго труда произвесть.

ПИСЬМО 17.

Римъ.

Вчера Маркиза спросила меня, видѣлъ ли я въ другой разъ Лору? Я отвѣчалъ: видѣлъ. — Часто ли вы бываете у ней? — Иногда, сказалъ я! — Шесть разъ были, сказала она мнѣ съ

злобною улыбкою, считая по своимъ пальцамъ дни и часы съ такою точностію, каковой я и самъ не въ состояніи бы былъ соблюсти. — Но божусь вамъ, что одно дружество вводило меня къ ней — Какъ, вы ее посѣщаете, и остаетесь у нее? Что вы дѣлаете у сей дѣвки, сказала она мнѣ съ гнѣвомъ? Да что мнѣ въ томъ нужды? Такая особа, какова Лора, неможетъ никогда нарушить спокойствія Маркизы Малатесты! . . . . Однакожъ она имѣетъ все то, что нужно, дабы нравиться. . . . Молодость. . . . Красоту! — Но безъ пріятностей! — Она умна, чувствительна! — Можетъ быть, къ своему нещастію; но она всегда Лора. — Сіе достоинство болѣе всего нужно для Агличанина, находящагося въ изступленіи. — Какое страшное изступленіе! — Она старалась сколько возможно удержать свои слезы, и я тщился ее успокоить. Любезная Маркиза, говорилъ я голосомъ довѣренности, сіи слезы, которыя къ досадѣ моей видны на

прекрасныхъ вашихъ глазахъ, были бы гораздо непорочнѣе, естьли бы вы знали положеніе бѣдной Лоры. Трогательная картина нашей дружбы вдохнула ей чувствованія, устрояющія ея нещастіе. Веденная ею доселѣ жизнь терзаетъ ее жестокими раскаяніями. Она имѣетъ нужду въ утѣшеніи. Можетъ быть мнѣ удастся обратить сію нещастную къ добродѣтели, которую злой духъ умѣлъ у ней похитить прежде, нежели она достигла лѣтъ разсужденія. Будьте увѣрены, Маркиза, что она достойна сожалѣнія болѣе, нежели другаго какого нибудь чувствованія.

Она просила меня оставить ее одну; я повиновался. На другой день послалъ я къ ней Китайскій туалетъ, приказавъ сказать, что я намѣренъ отужинать съ нею.

Я засталъ ее предъ новымъ туалетомъ. Радость блистала на глазахъ ея. Она разсматривала въ ономъ всякую часть особенно съ новымъ удовольствіемъ. Искушеніе ревнованія,

чувствованнаго ею ввечеру, какъ будто бы совсѣмъ было погашено.

Спустя нѣсколько времени послѣ моего прихода ее вызвали; она вышла, и стремительно опять возвратилась. На лицѣ ея можно было видѣть смятеніе, она схватила часть туалета, выбросила его за окно, а другую бросивъ подъ ноги себѣ, упала почти безъ чувствъ въ кресла. Я легко понялъ, что приобыкнувъ меня искушать, она хотѣла дать мнѣ знать назначеніе сего подарка.

Скоро послѣ сего она пришла въ чувство, побѣжала въ свой кабинетъ, и бросивъ на меня яростные взоры, хлопнула сильно дверью, и заперлась. Зная совершенно ея нравъ и ея бѣшенство, я симъ ни мало не оскорбился; но для изтребленія столь неприятныхъ впечатлѣній, произведенныхъ во мнѣ симъ зрѣлищемъ, удалился въ загородный домъ де Медицисъ. Дерева, коихъ тѣньми окруженъ оный, наполняли воздухъ пріятнѣйшими благовоніями; я ходилъ нѣсколько разъ

около статуи, представлявшей дочерей Ніовы; и не прежде ихъ оставилъ, какъ вечерніе сумерки начали налагать на нихъ свое темное покрывало. Ихъ нещастная участь приводила мнѣ на память жребій Лоры. И тогда я былъ тронутъ болѣе, нежели въ другое время; она казалась весьма достойною моего сожалѣнія, и я торжественно клялся никогда ее не оставлять.

ПИСЬМО 18.

Римъ.

Стыдъ, которой чувствуетъ чрезвычайно бѣдная Лора, погашаетъ въ ней всѣ прочія чувствія открывавшіяся иногда. Печаль есть единственною ея пищею. Сіе чувствованіе сколь живое, столько же и досадное, не могло быть разсѣяно; ужасная печаль, причиняемая поношеніемъ, которое не можетъ ни чемъ быть отвращено, горькіе упреки сердца, которое еще зна-

етъ свою цѣну, и чувствуетъ погубленнымъ себя на вѣки, все сіе разпространяетъ въ душѣ ея унынie, чувствительнѣйшія угрызенія и глубочайшую тоску.

Своевольные господчики, посѣщавшіе ее прежде по привычкѣ, или по необузданному природному характеру, въ присутствій ея сохраняютъ уже нѣкоторое уваженіе, не извѣстное имъ до сихъ поръ; они забываютъ тонъ разпутства, не вольное смятеніе погашаетъ ихъ похотливыя желанія, и бывъ тронуты жребіемъ ихъ жертвы, они возвращаются, оплакивая ее и стыдясь самихъ себя.

Ужаснѣйшее отчаяніе, овладѣвшее сею нещастною дѣвицею, представляетъ ей повсечастно чашу горести, которую она испиваетъ до изтощенія. Иногда она удерживаетъ себя изъ угожденія единственно мнѣ; но сіе бываетъ только для того, чтобы опять начать съ большею силою. Она проклинаетъ самымъ страшнымъ образомъ Кардинала, купившаго ее невин-

ность, дабы пожертвовать безчестнымъ своимъ прихотямъ, и въ сіи минуты гнѣва повторяетъ поступки, содѣлывающіе его, не смотря на высокое достоинство, подлѣйшимъ изъ человѣковъ.

Бѣдная Лора! Она дышетъ только мщеніемъ! какъ будто бы можно симъ средствомъ возвратить свою честь! Иногда она предпринимаетъ идти и броситься къ ногамъ его Святѣйшества, и обвинить Кардинала, иногда испытываетъ облегчить свою печаль, разпространяя дѣйствія оной упреками, въ которыхъ она имѣетъ письменное свидѣтельство. Но едва начнетъ, какъ изрываетъ письмо на тысячу кусковъ, находя оное всегда слабѣе того, что она чувствуетъ, и что хочетъ изобразить.

Хотя я нещажу ничего для ея спокойствія; однако почитаю сіе послѣднѣе средство мщенія за выгоднѣйшее для нее, принудивъ Кардинала ей опредѣлить пенсію, которою бы она могла жить.

ПИСЬМО 19.

Римъ.

Ревнивость Маркизы выше всякой степени. Она приказываетъ вырывать всѣ лавры * въ своемъ саду, говоря, что сіе имя ей несносно, и что нѣкоторая особа, носящая его, столь же мало будетъ пощажена. Всѣ ея разговоры состоятъ изъ злословій противъ женщинъ, ведущихъ распутную жизнь.

Возможно ли, говоритъ она иногда, чтобы такой человѣкъ, какъ вы, могъ найти удовольствіе въ обхожденіи съ такими тварями? Могла ли я когда подумать, что бы Едуардъ, сей мудрый и важный Агличанинъ, окончилъ такимъ образомъ? Тотъ, который предъ женщиною первой степени игралъ ролю добродѣтельнаго философа, позволяетъ себя плѣнять слабымъ прелестямъ безчестной дѣвицы! — По крайней мѣрѣ она еще не за му-

* Laure, имя Лора и Лавръ.

жемъ, говорилъ я, бросивъ на нее взглядъ, долженствовавшій проникнуть до глубины ея совѣсти. Она свободна. Ея погрѣшность, естьли она причастна оной, упадаетъ только на нее одну, или на обманувшихъ ее. Она не похищаетъ ничего у своего супруга. Маркиза не знала, на которую сторону обратить глаза. Ея безпокойство было чрезвычайное, я достигнувъ моего намѣренія, сожалѣлъ о ея смятеніи, и старался извлечь ее изъ онаго. Справедливы ли мы, любезная Маркиза, продолжалъ я спокойнѣйшимъ голосомъ? Тотъ, кто снисходителенъ къ другимъ, имѣетъ право быть таковымъ же противъ самого себя. И съ котораго времени, думаете вы, любовь содѣлалась единымъ движеніемъ моихъ дѣяній? Сожалѣніе не есть ли дань, возложенная на наши сердца природою? Долженъ ли я оставить бѣдную Лору въ ея печальной участи? Раскаевающейся и безъ всякой помощи, могу ли я отказать въ утѣшеніи и помощи? И сіе не естьли слѣдствіе,

присоединилъ я улыбаясь, вашей доброй рекомендаціи?

Сія шутка, казалось, ее не раздражала; но она настояла, чтобъ я клялся невидѣться болѣе съ Лорою; не могши въ томъ успѣть, она прибѣгла къ угрозамъ, которыя кончились наступленіемъ часа идти въ оперу, куда я и проводилъ ее.

Тогда представлена была *оставленная Дидона*. (Didona abandonnata) Она бѣсилась при каждой минутѣ на пѣвца, игравшаго сію ролю. Наконецъ она вскричала: не щастный Кастратъ! Сіе восклицаніе было столь громко, что во всѣхъ ближнихъ ложахъ услышали его, и всѣхъ глаза устремились на нее. Тѣлодвиженія и пламенные взоры Маркизы дополнили неодушевленное представленіе пѣвца; и я добровольно или принужденно былъ обязанъ играть ролю хладнокровнаго и добродѣтельнаго Енея.

ПИСЬМО 20.

Римъ.

Ахъ, любезный С. Пріо! естьли бы я и никогда не зналъ, что добродѣтель имѣетъ своихъ Ангеловъ хранителей, не возможно бы было мнѣ о томъ сомнѣваться послѣ вчерашняго дня.

Я узналъ, что вчера должно было пѣть: Miséréré, (помилуй мя боже) творенія Жомеллія, въ церквѣ Св. * * * Я туда поспѣшилъ; а чтобъ лучше оное слышать, я избралъ мѣсто въ углу церкви. Сія музыка есть превосходнѣйшее произведеніе искуства; она сколько проста, столько же и высока; сколь трудна для пѣнія, столькожъ напротивъ того и согласна, столь трогательна, и столь усладительна для души.

Она мнѣ казалась поразительнѣе, обширнѣе въ идеяхъ и совершеннѣе нашей *Stabat mater*, творенія Пергалеза, которую безпрестанно столько прославляютъ. Пріятное и сильное восхи-

щеніе возвышало бытіе мое. Казалось я видѣлъ безчисленное множество должностей возложенныхъ на меня, и сіе поражало меня. Я желалъ бы осыпаться прахомъ, и изпустить ручей слезъ. Я былъ увѣренъ, что нѣтъ ни одного грѣха, въ которомъ бы не можно получить прощенія отъ неба, прося его съ толикимъ изліяніемъ сердца, какое вдыхаетъ сія сладостная музыка. *Я плакалъ*, какъ говоритъ *Дантъ, всѣми моими чувствами и помышленіями!* Всѣ изходища моего сердца были открыты для пріятнѣйшихъ ощущеній. Сіе чувствованіе довело меня до всего того, что для меня есть любезнаго. Я думалъ объ васъ, объ Юліи. Я оплакивалъ нещастный жребій вашей любви. Я думалъ о Лорѣ, и проливалъ слезы о ея заблужденіяхъ. Черная картина страждущаго человѣчества начертавалась въ моей колеблющейся душѣ темнѣйшими красками: но скоро пріятнѣйшее воображеніе оную разсѣяло. Образъ добродѣтели мнѣ представился во всемъ

своемъ божественномъ блескѣ. Безпредѣльная довѣренность и чрезвычайная ревность, которые я имѣю къ ней, обратили мои взоры на величественное ея присутствіе: я пробѣжалъ съ нею тѣ страны, гдѣ все, что есть прекраснаго, великаго и изящнаго пріятно ласкало моему воображенію.

Наконецъ утомленъ будучи своими мечтаніями, я посмотрѣлъ вокругъ себя. Но какое было мое удивленіе! Музыки уже не было слышно, толпа народа изчезла, свѣчи были погашены; единый слабый блескъ лампады колебался предъ олтаремъ, и отражалъ блѣдные свои лучи на священную ночь храма.

Я поспѣшно всталъ, всѣ двери были затворены. Я былъ принужденъ предаться всему ужасу сей темноты. Уже давно я желалъ насладиться симъ зрѣлищемъ: оно тѣмъ было для меня пріятнѣе, чѣмъ причина доставившая оное для меня была сладостна. Я совершенно предался меланхолическимъ

своимъ впечатлѣніямъ. Статуи Святыхъ и Героевъ разставленные вездѣ, останавливали блуждающіе мои взоры, и величественная тишина, царствовавшая вкругъ меня дала мнѣ примѣтить ужаснымъ своимъ безмолвіемъ предѣлъ величества человѣческаго, и лѣпообразный марморъ потѣмнявшій гордость ихъ. Но пріятная надежда, преодолѣвающая сію печальную судьбу своими утѣшительными прелестями, ободрила устрашенную мою душу. Я никогда не чувствовалъ горячайшаго желанія учинить что нибудь великое, коего бы память была начертана не на камнѣ, но на сердцахъ моихъ современниковъ и потомства. Я желалъ собрать въ сей храмъ всѣхъ великихъ и знаменитыхъ мужей изъ четырехъ частей свѣта, дабы съ ними вмѣстѣ содѣйствовать благополучію человѣчества! Я ходилъ между величественными гранитовыми и марморными колоннами, не слыша ничего, кромѣ стука производимаго моими ступенями въ сихъ священныхъ сводахъ,

и плачевнаго звука колокола, возвѣщавшаго полночь.

Вдругъ нечаянный шумъ поражаетъ мои уши; дверь церковная стучитъ, отворяется. Я вижу входящаго одного Капуцина, за нимъ другаго, ведущаго за руку женщину, и наконецъ третьяго, затворяющаго за ними дверь. Я сталъ подалѣе. Они подошли къ великому жертвеннику. Длинная фата покрывала сію женщину, слабую, колеблющуюся на всѣ стороны, влекомую сими монахами. Платокъ не дозволялъ мнѣ видѣть ея черты; приближившись къ олтарю, она возвела глаза въ верхъ; я смотрѣлъ на проливаемыя ею слезы. — Боже мой! вскричала она, и при первомъ звукѣ ея голоса я узналъ Лору. Что мнѣ дѣлать въ сіе время въ храмѣ? Полночный колоколъ уже ударилъ. . . . Но вы улыбаетесь, и показываетесь спокойны; можете ли вы мнѣ доставить тишину, составляющую ваше благополучіе? — Я подходилъ ближе тихонько, будучи исполненъ удивленія. — Мы

сдѣлаемъ еще больше, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.—Да наградитъ васъ Богъ за то стократно! — Стань на колѣни! (Она поверглась) молись, и проговори седмь разъ *Отче нашъ*; святой Кандидъ такъ поступалъ предъ смертію. Развѣ вы меня привели въ сей храмъ умертвить?—Не заслуживаешь ли ты смерти? — Ахъ, по истиннѣ заслуживаю. . . . Но скажите мнѣ, не Кардиналовы ли вы повелѣнія намѣрены исполнить? Ея мужество воспрепятствовало мнѣ прервать въ сію минуту сіе ужасное зрѣлище. — Такъ, сей приказъ есть Кардинала—Я благодарю его; онъ всегда старался предупреждать мои желанія; но донесите ему, что въ семъ случаѣ онъ оказалъ мнѣ величайшее благодѣяніе. Въ доказательство моей благодарности отдайте ему то, что я имѣю любезнѣйшаго у себя. (Она сняла съ своей шеи золотую цѣпочку, на которой висѣлъ портретъ одной пріятельницы, бывшей въ ея младости.) А вы, храбрые мужи! раздѣлите между собою сіи без-

дѣлицы. (При семъ выняла она свои серги, и отдала одному изъ нихъ, который пошелъ ближе къ свѣчѣ осмотрѣть ихъ.) По окончаніи моей молитвы, продолжала она, исполняйте вашу должность.

Лора молилась нѣсколько минутъ съ спокойнымъ и не робкимъ видомъ; наконецъ чрезвычайно прослезилась. Въ сіе время я увидѣлъ блистающій ножъ въ рукѣ одного изъ сихъ бездѣльниковъ, переодѣтыхъ въ монаховъ, между тѣмъ, какъ два другіе поднимали двери подземнаго погреба; время было ихъ остановить. Лора! вскричалъ я, не опасайся ничего, Едуардъ здѣсь для спасенія тебя! Я бросился въ то же самое время среди сихъ плутовъ, и одинъ свистъ моея шпаги навелъ имъ великой ужасъ. Ножъ упалъ изъ рукъ палача и церковные своды повторили звукъ его. Изверги! вскричалъ я имъ, вы, которые въ почтеннѣйшемъ образѣ хотите совершить ужаснѣйшее преступленіе, вы недостойны, чтобы я омочилъ руки въ

крови вашей, но вы не избѣжите того; надобно чтобы весь Римъ васъ узналъ. Они бросились на колѣни, и требовали пощады. Я вырвалъ у одного изъ нихъ ключи церковные, и увелъ Лору, которая сильно просила оставить ее умереть, дѣлая мнѣ нѣжныя упреки въ томъ, что я отнималъ у нее единственное утѣшеніе, ожидаемое ею. Сіи нещатные остались недвижимы. Я отворилъ, и опять затворилъ церковь: провелъ Лору въ ее квартиру, гдѣ она отдохнувъ нѣсколько расказала мнѣ, что будучи въ отчаяніи, она писала къ Кардиналу письмо, исполненное жесточайшихъ упрековъ и ужаснѣйшихъ угрозъ; что онъ отвѣчалъ ей утѣшительнѣйшимъ и самымъ ласковымъ образомъ, назначивъ ей свиданіе въ обыкновенномъ мѣстѣ, гдѣ она была принята сими тремя беззаконниками, приведшими ее поспѣшно въ сію церковь. Я старался ее успокоить столько, сколько могъ. Я взялъ предосторожность послать къ ней трехъ изъ моихъ людей, и по-

елику я не могъ спать, то хотѣлъ, дождавшись дня, расказать вамъ сiю странную исторiю. Я поѣду сего утра къ сему безчестному Кардиналу, дабы представить ему зеркало, въ которомъ онъ себя увидитъ въ настоящемъ видѣ. Я постараюсь отъ него получить награжденiе для бѣдной оры, и научу его знать характеръ Агличанина.

ПИСЬМО 21.

Римъ.

Кардиналъ еще былъ въ постелѣ за часъ предъ полуднемъ. Я приказалъ доложить его Преосвященству, что мнѣ нужно говорить съ нимъ о весьма важномъ дѣлѣ; онъ приказалъ меня пустить. Я его нашелъ сидящаго предъ каминомъ въ краснобархатномъ колпакѣ и въ шелковомъ тогожъ цвѣта платьѣ; лице его было заспано, онъ держалъ въ рукѣ щитокъ.

Я сказалъ ему, что будучи чуже-

странецъ пришелъ просить у него покровительства въ весьма важномъ дѣлѣ. — Чужестранецъ, отвѣчалъ онъ, съ притворною благосклонностію, имѣетъ сугубое право на покрокительство правленія. Дѣло, о которомъ я имѣю говорить, продолжалъ я, относится къ одной изъ моихъ знакомокъ, съ которою самымъ безчеловѣчнѣйшимъ образомъ поступили въ прошедшую ночь. Она молодая Римлянка, которую я имѣю много причинъ защищать. — Какъ ее зовутъ? — Лора! — *Лора!* перехватилъ онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Сіе имя весьма извѣстно здѣсь. Не знаете ли вы имени ея фамиліи? — Пизанна! Онъ содрогнулся отъ ужаса, покрывая лице свое щиткомъ, чтобы скрыть чрезвычайную въ себѣ перемѣну, послѣдовавшую противъ его воли. — Развѣ она умерла, сказалъ онъ въ смятеніи; какой вы помощи отъ меня требуете? — Мнѣ кажется, что я неговорилъ вашему Преосвященству, что она умерла. Лице его сдѣлалось краснѣе его

колпака. Ваше Преосвященство! мы здѣсь одни. Вы знаете больше меня участь бѣдной Лоры. Щастливый случай сдѣлалъ меня въ сей ночи ея избавителемъ. Она заслуживаетъ ваше сожалѣніе. Состояніе, въ которомъ она жила по сіе время для нее уже несносно. Ваше Преосвященство! вы можете ее изъ онаго извлечь, доставивъ ей пособія, которыхъ требовать она имѣетъ довольное право. — Какъ? что мнѣ до сей Лоры? Знаю ли я ее? И кто вы таковы, вы, который осмѣливаетесь мнѣ говорить такимъ образомъ о женщинѣ распутной жизни? Вы не знаете кто я таковъ? — Обольститель Лоры; тотъ, который, чувствуя себя не въ состояніи пользоваться сею нещастною, приказалъ ее убить въ прошедшую ночь. — Бездѣльникъ! — Я вынялъ ключи изъ своего кармана. Вотъ, говорилъ я ему, ключи отъ церкви Св. *** гдѣ убійство, котораго вы почитаете себя непричастнымъ, должно было совершиться. Я иду повергнуть ихъ къ

ногамъ Святѣйшаго Папы. Я Лордъ Бомстонъ, другъ вашей невѣстки Маркизы Малатесты. Сіи ключи и мое имя довольно возгласятъ въ мою пользу. Онъ меня удержалъ въ то самое время, какъ я хотѣлъ выпти. — Не спѣшите, Милордъ, мнѣ сказалъ онъ улыбаясь. Чего вы требуете, чтобъ я для нее сдѣлалъ? — Удовлетвореніе, требуемое мною, хотя не соотвѣтственно причиненному озлобленію, есть пенсія состоящая изъ пяти сотъ дукатовъ! — Какъ! вы осмѣливаетесь мнѣ то предписывать? Кто можетъ меня къ тому принудить? — Ежели не честность, то по крайней мѣрѣ благоразуміе. Я пошелъ въ его кабинетъ, написалъ обязательство, онъ подписалъ оное, и я принудилъ его заплатить за годъ напередъ.

Все сіе я послалъ къ Лорѣ, приказавъ сказать ей о моемъ поступкѣ. . . . Сколь нетерпѣливо я ожидаю знать, какое она изъ того сдѣлаетъ употребленіе.

П. П. Изъ письма Лоры видно, что

она вступила въ Монастырь де Р. * * * Она проситъ меня защищать ее противъ сильныхъ людей, желающихъ ея погибели, которыхъ удаленіе ее въ монастырь можетъ оскорбить. Не теряя времени я прибѣжалъ къ ней, гдѣ имѣлъ довольно времени приказать все увязать и перенести въ безопасное мѣсто.

ПИСЬМО 22.

Римъ.

Приведши въ порядокъ дѣла Лоры, я поѣхалъ посѣтить ее въ новомъ уединеніи: кучеръ мой остановился у воротъ монастыря, чтобъ дать проѣхать другой каретѣ: это была карета Маркизы. Проѣзжая она подала мнѣ знакъ неудовольствія и ярости. Я трепеталъ опасныхъ изъ сего слѣдствій для Лоры, и поспѣшалъ въ монастырь. На мѣстѣ всеобщаго свиданія я увидѣлъ кругъ Монахинь, среди коихъ находилась новая ихъ сестра.— Должно, чтобы она вышла отъ насъ

сего дня, вскричала одна изъ нихъ. Какая дерзость! сказала другая; такая особа, какъ вы, осквернила бы нашъ монастырь! Отдавъ всѣмъ мое почтеніе съ видомъ, изъявляющимъ нѣкія сомнѣнія о святости, наружно ими принимаемой, я съ почтеніемъ началъ говорить съ настоятельницею. Поелику я знаю, сказалъ я ей, ту особу, о которой вѣроятно идетъ дѣло; то позвольте мнѣ, государыня, спросить у васъ, какое ея есть преступленіе? Лора, имѣвшая по сихъ поръ потупленные глаза, подняла оные услышавъ мой голосъ, и прибѣжала къ решеткѣ. — Маркиза Малатеста выходитъ отсюда, сказала она мнѣ; она порицала меня, что я презрительнѣйшая тварь изъ всего Рима. Въ семъ монастырѣ меня терпѣть болѣе не хотятъ. Я просилъ ее успокоиться, и не имѣть ни малѣйшей опасности. Хотя сіе обстоятельство прискорбно для моей пріятельницы, говорилъ я сему благочестивому собранію; однако доставило мнѣ удовольствіе видѣть

столь прелестный сонмъ невинныхъ красотъ, посвященныхъ божеству. Сколь блаженны вы, избѣгнувъ въ нѣжной младости міра, представляющаго тысячу искушеній. Вы привели тѣмъ въ безопасность ваши прелести, и въ то же самое время прекраснѣйшее украшеніе, невинность; вы представляете теперь небесамъ и землѣ пріятнѣйшее зрѣлище, какое только можетъ быть въ природѣ.

Одна открывала нѣсколько свое покрывало; другая показывала прелестную свою ножку, и всякая давала знать разными малыми движеніями, что заблужденіе Лоры начинало казаться имъ нестолько ужаснымъ. Лора, продолжалъ я, не была столько щастлива. Бывъ обольщена въ своей младости, она сдѣлалась виновною, прежде нежели могла то понимать. Увы! она наконецъ пришла въ самое себя, и въ слѣдствіе своего раскаянія она избрала сіе мѣсто, дабы удовлетворить за свои заблужденія. Вспомните о прекрасной Могдаленѣ, покая-

ніе содѣлало ее любезнѣйшею самому нашему Спасителю. — Вы говорите очень хорошо, отвѣчала мнѣ настоятельница; но поелику мы не имѣемъ чести знать васъ, то извините, что мы не столь много вѣримъ вашимъ словамъ, сколько они заслуживаютъ. Я просилъ ее отложить до другаго дня исполненіе приговора, дабы мнѣ имѣть время представить ей поруку, противъ коей бы она не могла ни въ чемъ противорѣчить. Она согласилась на мое требованіе. Я приказалъ себя везти тотчасъ къ Кардиналу; онъ признался мнѣ, что Маркиза сдѣлала сіе покушеніе противъ Лоры съ его согласія и одобренія. Онъ увѣдомилъ также, что она имѣла участіе и въ вышесказанномъ убійствѣ. Я употребилъ съ начала прозьбу, а потомъ и угрозы, дабы принудить его отписать къ настоятельницѣ письмо, въ которомъ бы представилъ себя порукою въ Лорѣ, такъ что она совершенно теперь обезпечена съ сей стороны.

ПИСЬМО 23.

Римъ.

Римляне имѣютъ отъ древняго ихъ величія одинъ только марморъ и писанія. У нихъ не видно даже и слѣдовъ той высокости чувствованій, дщери вольности, составлявшей первое свойство ихъ предковъ: сіе народное чувствованіе столько изглажено, что они не способны даже чувствовать достоинство тѣхъ прекрасныхъ дѣяній, которыя столь часто случались между ими. Какъ же сіи преобразившіеся люди, коихъ стѣсненныя сердца не имѣютъ уже ни одной капли крови, протекавшей въ жилахъ отцовъ ихъ, какъ могли они думать, чтобы моя связь съ Лорою была безкорыстна? Ихъ скотская чувственность находя Лору столь прелестною, что мои о ней неутомимыя попеченія казались имъ подозрительными. Унизившись до сей степени, сіе нравственное ихъ разсвирепѣніе есть единственнымъ утѣшеніемъ, остающимся

для нихъ въ семъ недостаткѣ. Какъ могли бы они сносить свою участь, естьли бы чувствовали еще, что воздержаніе отъ удовольствій есть часто совершеннѣйшимъ наслажденіемъ?

Однако, дабы избѣгнуть всѣхъ подозрѣній, которыя бы могли имѣть о Лорѣ въ монастырѣ, мы согласились видѣться рѣже, но награждать то письмами. Такимъ образомъ я отвратилъ всѣ страхи, приведши жизнь мою въ безопасность противъ убійцъ, покушающихся на дни мои, когда я хожу съ нею видѣться: ибо часто подвергался я величайшей опасности.

ПИСЬМО 24.

Бомстонъ къ Лорѣ.

Римъ.

Когда перестанете вы, любезная Лора, безразсудно предаваться печали, снѣдающей цвѣтъ вашей младости? Когда я буду въ состояніи остановить ваши слезы, и видѣть опять въ

глазахъ вашихъ веселіе? Не уже ли всегда будете вы отвергать утѣшенія, приносимыя мною страждущей вашей душѣ? Когда вы перестанете быть собственнымъ своимъ врагомъ? Вмѣсто того, чтобы скрывать, или уменьшать свои погрѣшности, будучи жестоки и несправедливы противъ себя самой, вы поставляете удовольствіемъ увеличивать оныя предъ глазами свѣта, и представлять ихъ въ своемъ воображеніи въ большемъ видѣ, нежели каковы они дѣйствительно суть.

Нѣтъ Лора, вы не столько виновны, какъ думаете; не по тому, чтобы я старался обмануть васъ въ безпорядкѣ прошедшей вашей жизни; самое великое снисхожденіе не можетъ никогда представить оную въ непорочномъ видѣ предъ строгими глазами невинности и чести. Но когда влекли васъ по стезѣ, на которую вы теперь смотрите съ ужасомъ, вы шли безопасно, какъ будто бы шествовали по стезѣ добродѣтели: одно и другое равно для васъ было не извѣстно. Сколь

легко обмануть бѣдную дѣвицу, оставленную себѣ самой, и коея всѣ чувствованія еще не тверды! Тщеславіе свойственное вашимъ лѣтамъ и вашему полу, скоро потушило слабый голосъ сомнѣнія; усыпленный разумъ непринялъ еще никакого участія въ вашихъ заблужденіяхъ. Одно совершенное познаніе добра и зла опредѣляетъ преступленіе или добродѣтель. Никто не обвиняется за то, что онъ вовлеченъ въ шайку разбойниковъ, но что остался добровольно въ оной, зная, гдѣ онъ былъ. Когда ваше заблужденіе заслуживало ужасное имя преступленія, то раскаяніе ваше не соотвѣтственно ли оному? Какое большее удовлетвореніе можете вы сдѣлать своей оскорбленной совѣсти, какъ прервавъ и бросивъ, какъ вы и поступили, постыдныя узы долговременной привычки, и оживить первоначальныя права добродѣтели среди развращеннаго міра? Прекраснѣйшее зрѣлище, какое только можетъ смертный представить Божеству, есть

сраженіе сердца съ порокомъ и полученная надъ нимъ побѣда. Ахъ! любезная Лора! будьте болѣе справедливы, и не презирайте въ себѣ того, чему вы удивляетесь въ другихъ.

ПИСЬМО 25.

Лора къ Бомстону

*въ Монастырѣ де Р. * * *.*

Письмо ваше, Милордъ! кажется, успокоило мое сердце; но жестокая истинна изгнала вдругъ всю пріятность сего покоя. Вы мнѣ не однократно сказывали, что не мнѣніе другихъ должно насъ восхищать, но чувствованіе собственной нашей совѣсти. Ахъ! сей змѣй, раздирающій мое сердце, остался бы глухъ при утѣшительномъ гласѣ самаго неба! Какимъ же образомъ можете вы разогнать ужасную ночь, покрывающую мою душу? Не меньше ли я обезчесчена, что была малосвѣдуща? Одно подозрѣніе

заставитъ всегда давать ложный видъ чести невинной дѣвицы; чегожъ должна я надѣяться? Презрѣнна, предана своему стыду, обезславлена не возвратно. Удобнѣе убѣлить кожу Негра, нежели изгладить пятно, покрывающее меня. Когда бы вся земля соединилась вмѣстѣ, чтобъ перемѣнить въ уваженіе то презрѣніе, которое питаютъ ко мнѣ, думаете ли вы, чтобы сія честь могла перемѣнить внутреннее чувствованіе преслѣдующее меня? О добродѣтель! и ты неумолимая невинность! таково есть мщеніе ваше, что осквернившіе васъ однажды лишаются васъ невозвратно.

Покажите мнѣ средство противъ ужаснѣйшаго изъ всѣхъ мученій, противъ презрѣнія самаго себя. Тогда начну я, Милордъ, имѣть надежду видѣть благополучные дни. Увы! безмѣрное ваше великодушіе васъ обманываетъ, и подобно очарованію, премѣняетъ въ сожалѣніе то презрѣніе, которое вы должны имѣть ко мнѣ. Но сіе очарованіе нѣкогда минется, и вы

не увидите болѣе въ Лорѣ ничего, кромѣ оставленной и обезчещенной дѣвицы, какова я и въ самомъ дѣлѣ. Ахъ! что я говорю; заклинаю васъ, не доходите до сего; сіе приращеніе горести повергнетъ меня въ отчаяніе. Оставте мнѣ по крайней мѣрѣ утѣшительную мысль, что вы меня не презираете.

О ты, любезнѣйшій изъ смертныхъ! Оставь меня! Отврати свои взоры отъ меня, и избери достойнѣйшій предметъ! Воздухъ, окружающій меня зараженъ ядомъ. Разсуди о томъ, кто ты. . . И о томъ, кто я. . . Старайся о соблюденіи своея чести. Избавь меня отъ печальнаго чувствованія стыда, которымъ покрываетъся чело мое въ присутствіи твоемъ, которой унижаетъ, и въ то же самое время возвышаетъ меня. Оставь меня моей судьбѣ; она не будетъ совершенно нещастна. Можетъ быть продолженное раскаяніе укротитъ скорѣе небо, нежели мое собственное сердце. Любовь будетъ ино-

гда забавою въ моей скукѣ. Воспоминаніе любимаго предмета, всегда находящагося въ свѣжей памяти, исхититъ меня отъ печали; но сіе, признаться должно, будетъ для того, чтобы послѣ чувствовать ихъ живѣе: наконецъ истощившись отъ сей насильной перемѣны, я найду въ нѣдрѣ всеобщей нашей матери то спокойствіе, котораго я лишилась навсегда въ жизни сей.

ПИСЬМО 26.

Бомстонъ къ Лорѣ.

Римъ.

Не теряй бодрости, любезная Лора! Научись познавать себя! Ты достойна себя самой, вспомоществуй добродѣтели, начинающей вступать опять въ свои права. Отри слезы, теряющія свое достоинство по мѣрѣ теченія ихъ. Правда, раскаяніе есть первой шагъ къ добродѣтели, но чтобы достигнуть оной, оно не должно

быть сопровождаемо унынїемъ и отчаянїемъ. Не слезы, любезная Лора! но плоды раскаянїя утвердятъ тебя на пути, въ которой ты вступила съ похвальнымъ мужествомъ: внимай своему разуму, вмѣщающему толь великїя понятїя о той истиннѣ, которую ты отъ меня часто слышала. Наши добрыя и худыя дѣянїя должны быть судимы одною нашею совѣстїю. Одна минута можетъ поправить безразсудность чувственныхъ заблужденій и погрѣшностей; но вѣчность не сильна истребить ядъ развращеннаго сердца. Возможно ли, любезная Лора, чтобы сїе усладительное изображенїе чувствительности, начертанное на лицѣ твоемъ, могло быть произведено подлою душею? Могли ли бы вы улыбаться, смотря на страждущую невинность, или страдать взирая на щастїе другаго? Могли ли вы быть столько притворны, чтобы излить въ чашу прїятной лести вѣроломный ядъ злости? Уста ваши могутъ ли улыбаться, или льстить въ то время,

когда ваше сердце проклинаетъ, или презираетъ? Могли ли бы вы играть почтенною добродѣтелію, которая въ тишинѣ своей не примѣчаетъ никогда зла, и стараться открыть ея таинства съ тѣмъ, чтобы сдѣлать перевесъ противъ ея? Можете ли вы прервать для подлой прибыли священные узы дружества? Или поразить нечаянно кинжаломъ, оправленнымъ поношеніемъ, славу честнаго человѣка? Прикрыть ложь и вѣроломство наружными знаками вѣрности? Чувствуете ли вы прельщенную невинность, или вздохи нещастныхъ, обременяющіе вашу совѣсть? Безпокоитесь ли вы во время сна ужасными видѣяніями, требующими мщенія? Ахъ! Лора! нечувствуете ли вы при каждомъ изъ сихъ вопросовъ пріятнаго чувствованія противнаго? Для чего сильнѣе трепетало ваше сердце, когда я представлялъ вамъ картину великаго и благороднаго дѣянія? Для чего вы украшали торжество гонимой добродѣтели тѣми плѣнительными слезами, которыя Ге-

нїй человѣчества скрываетъ въ своей урнѣ, какъ драгоцѣнные жемчуги? Когда вы хотѣли мнѣ читать страданія бѣдной Клементины, или погребеніе нещастной Клариссы, что отнимало у васъ голосъ, и покрывало глаза ваши влажнымъ облакомъ, препятствовавшимъ продолжать вамъ чтеніе о семъ печальномъ произшествіи? Не движеніе ли сердца, клонящагося къ добродѣтели? Естьли человѣкъ, котораго бы благополучію вы завидовали, или котораго бы вы не старались содѣлать щастливымъ, естьли бы только отъ васъ зависѣло? Самый Кардиналъ, величайшій вашъ злодѣй, не могъ ли бы въ случаѣ нужды положиться на ваше сожалѣніе? И въ то самое время, когда читали мое письмо, не желали ли вы стократно, чтобы судьба доставила вамъ средства явить всему свѣту свои благія склонности, и обрести свое собственное благополучіе въ щастій другихъ? Ахъ! Лора! вы отчаеваетесь еще о себѣ самой! Будучи въ недоумѣніи, не уже

ли предлежащій вамъ путь должны вы усыпать слезами и жалобами? Но вмѣсто того, не лучше ли скорою и надежною ногою идти по крутому пути ведущему къ святилищу добродѣтели? Научившись изъ опыта, не уже ли вы должны быть столько же слабы, какъ и та, которая не путешествовавъ никогда, останавливается каждую минуту, дабы смотрѣть съ ужаснымъ видомъ на пропасть представляющуюся ей, или которая продолжаетъ съ твердостію далѣе свой путь, поелику ни что не останавливаетъ шествія ея?

ПИСЬМО 27.

Лора къ Бомстону.

*въ Монастырѣ де Р. * * **

Естьли одно только развращенное сердце можетъ остаться навсегда испорченнымъ, то я нахожу въ своемъ, чѣмъ загладить свой стыдъ. Я буду всегда презрѣнна, но не буду

заслуживать уже того, избѣгнувъ ужасности порока; страхъ презрѣнія для меня будетъ не столько чувствителенъ. Ахъ! что мнѣ нужды во всѣхъ презрѣніяхъ цѣлаго свѣта? Едуардъ меня почитаетъ! да зритъ онъ на свое твореніе, да осклабляется на оное; онъ одинъ наградитъ меня за все. Когда честь въ томъ невыиграетъ ничего, то по крайней мѣрѣ любовь. Такъ, я ему обѣщаю въ сердцѣ, воспаленномъ имъ, чистѣйшее обиталище. Пріятнѣйшее чувствованіе! я не оскверню болѣе твоихъ сладостей. Я не могу быть щастливою; и не буду никогда, мнѣ то извѣстно. Увы! я недостойна сладостей любви, но сердце мое не чувствуетъ никогда другихъ.

ПИСЬМО 28.

Бомстонъ къ Лорѣ.

Римъ.

Заря разогнавшая тьму ночи, проведенной въ ужасныхъ страхахъ, не

столько для меня пріятна, какъ первые лучи спокойствія, примѣчаемаго мною въ душѣ твоей. Они восхищаютъ мое сердце, подавая надежду на блистательнѣйшій свѣтъ. Не теряй бодрости, любезная Лора! я усматриваю еще для тебя въ будущемъ пріятные и спокойные дни. Но ты не отдаешь себѣ справедливости. Я не могу и не хочу принять честь, приписываемую тобою мнѣ, не только по тому, что она можетъ быть опасна моему самолюбію, но еще по тому, что она принадлежитъ одной тебѣ! не я тебя спасъ; ты сама, твое собственное сердце. Блуждающаяся, но чувствительная твоя душа, имѣла только нужду въ одномъ лучѣ свѣта, дабы побѣдить все противолежащее ея дѣятельности. Остерегайся недовѣрять твоимъ собственнымъ силамъ; тотъ, кто сомнѣвается о своихъ способностяхъ, остается всегда безуспѣшенъ. Такъ, любезная моя Лора! я говорю чистосердечно, что я никогда бы тебя столько непочиталъ, естьлибъ ты

штоликихЪ не имѣла дорованій. Ты была бы можетЪ быть мудрою безЪ добродѣтели; но теперь ты Ироиня, тѣмЪ достойнѣшая удивленія, что сраженія выдержанныя тобою важны. Не думай однакожЪ, чтобы я жалуясь на твои прошедшія заблужденія, хотѣлЪ ихЪ увеличить; сохрани меня БогЪ, я только хочу тебѣ представить картину оныхЪ вЪ существенномЪ ихЪ видѣ. ЧѣмЪ болѣе твой стыдЪ былЪ унизителенЪ, тѣмЪ болѣе ты имѣла нужды вЪ бодрости и силѣ для торжествованія надЪ онымЪ, и для разогнанія густаго облака, покрывавшаго твою душу. Я тебѣ повторяю, что ты чрезЪ сіе учинилась мужественнѣе вЪ моихЪ глазахЪ и любезнѣе моему сердцу. Молодое деревцо искривленное сильною бурею, и спрямившееся собственною своею силою, имѣетЪ сугубое право на наши старанія. Цвѣты изпускаютЪ пріятнѣйшія благовонія послѣ дождя и ненастья. Стоячая вода непоражаетЪ насЪ ни мало, но величественное зрѣлище мо-

ря обращаетъ наше вниманіе; мы усматриваемъ корабль борющійся съ волнами; онъ погибаетъ; наша чувствительность содрогается; мы раздѣляемъ усилія, употребляемыя имъ для побѣжденія волнъ, и возхищаемся отъ радости, увидя оный благополучно достигающій пристани.

ПИСЬМО 29.

Лора къ Бомстону.

въ Монастырѣ де Р. . .

Я не обезчещена. Добродѣтельный человѣкъ принимаетъ участіе въ моей судьбѣ. Любовь! я не жалѣю уже тѣхъ слезъ, тѣхъ вздоховъ, коихъ ты мнѣ стоишь; ты уже за все мнѣ заплатила. Ты возродила во мнѣ мужество и ты составляешь мое награжденіе. Научивъ меня любить свои должности, ты содѣлываешься первою изъ всѣхъ. Ахъ! какое благополучіе еще сохраняется для меня! Любовь? такъ,

ты одна возвышаешь меня; ты изхищаешь меня изъ преступленія, безславія! Нѣтъ, ты изыдешь изъ сердца моего вмѣстѣ съ добродѣтелію! О Едуардъ! когда содѣлаюсь я опять достойною презрѣнія, тогда развѣ перестану я тебя любить.

ПИСЬМО 30.

Бомстонъ къ С. Пріё.

Неаполь.

Сего вечера я пріѣхалъ въ Неаполь, и на дорогѣ познакомился съ однимъ человѣкомъ, котораго вы не отгадаете. Въ то самое время, какъ перемѣняли мы лошадей въ Капуѣ, Куріеръ бѣжавшій съ великою поспѣшностію, спрашивалъ, не Лордъ ли я Бомстонъ? Онъ сошелъ съ своей лошади и подошедъ къ моей коляскѣ, говорилъ, что иностранецъ, котораго онъ не знаетъ имени, долго меня искалъ въ Римѣ, и узнавъ о моемъ отъѣздѣ,

онъ немедленно погнался за мною; и поелику нужно говорить со мною о весьма важномъ дѣлѣ, то я окажу ему великую услугу, остановясь на нѣсколько минутъ.

Я вышелъ изъ коляски, вошелъ въ ближній трактиръ, и приказалъ отвести себѣ горницу. Едва въ оную я вошелъ, какъ вдругъ увидѣлъ съ поспѣшностію входящаго Австрійскаго Офицера. Печаль и отчаяніе написаны были на лицѣ его, глаза томные, голосъ плачевный и грозный. — Ты ли Лордъ Бомстонъ? сказалъ онъ вошедши; ты ли похитившій у меня навсегда покой, благополучіе, жизнь, и что всего дороже, честь мою? Тщетно я искалъ тебя въ Римѣ, но хотя бы ты былъ за предѣлами міра, я и тамъ бы преслѣдовалъ тебя! Пріиди, пріими наказаніе отъ руки безчеловѣчно тобою обиженнаго; или естьли не угодно сіе Небу, да не переживу я своего стыда! — При сихъ словахъ узналъ я нещастнаго мужа Маркизы Малатесты. Ты одинъ, сказалъ я ему, имѣешь право

со мною говорить такимъ образомъ. Я жалѣю о тебѣ, прощаю справедливое твое огорченіе, и желаю быть въ состояніи дать удовлетвореніе соотвѣтственное твоей горести. . . . — По крайней мѣрѣ не откладывай онаго, вскричалъ онъ прервавъ мою рѣчь; одна минута медленности есть вѣкомъ мукъ для мщенія; пожирающій огнь въ моихъ жилахъ не иначе можетъ быть погашенъ, какъ источникомъ крови; и пятно причиненное мнѣ, симъ только образомъ измовенно быть можетъ.—Увы! не отъ меня зависитъ утѣшеніе твое, или честь твоя; потеря ихъ столько же невозвратна, какъ и потеря времени, и ударъ нанесенный мною вамъ безъ намѣренія. . . . — Безъ намѣренія! повторилъ онъ, ударивъ ногою о землю. Такъ, Маркизъ, безъ намѣренія. Послѣ сего я расказалъ ему мое знакомство съ Маркизою; и что почитая ее вдовою, я сдѣлалъ ей брачныя предложенія, принятыя ею наконецъ для удовлетворенія ея страсти. Но что сей пагубной союзъ, въ кото-

рой она вовлекла меня, кончился вмѣстѣ съ моимъ заблужденіемъ. Нещастный Маркизъ, присоединилъ я, ты худо знаешь Едуарда Бомстона; ты думаешь, что сердце его менѣе твоего уязвлено. Для чего не въ моей власти состоитъ поправить, нещадя даже дней своихъ, причиненное тебѣ зло, изгладить мои раскаянія и твое безчестіе? — Ахъ! Милордъ, естьли ты совершенно таковъ, каковымъ себя представляешь, то прости моему гнѣву, и дай мнѣ удовлетвореніе, которымъ я долженъ неумолимому свѣту, своей части, состоянію своему. — Такъ, достойный уваженія супругъ, сердце твое имѣетъ нужду въ сей помощи.

Мы находились въ отдаленной залѣ, въ которой могли биться безъ всякаго шуму. Я взялъ одну изъ принесенныхъ имъ шпагу, и держалъ оборонительную сторону. Бой нашъ продолжался нѣсколько времени, наконецъ Маркизъ осердившись на тщетность своихъ усилій, и желая дать мнѣ

ударъ, неосторожно набѣжалъ на мою шпагу и упалъ безъ чувствъ. Первое мое стараніе было призвать на помощь и остановить кровь, пока лѣкарь придетъ. Сей меня увѣрялъ, что рана не смертельна. Я усильно просилъ его стараться о семъ больномъ, и отъѣхалъ, имѣя сердце огорченное отъ сего печальнаго происшествія. Я проѣхалъ сію щастливую землю, по коей ѣздилъ нѣкогда, какъ бы очарованъ, съ особливымъ восхищеніемъ, но нынѣ нечувствовалъ ничего, кромѣ печали. Я пріѣхалъ въ Неаполь, погруженный въ мрачную задумчивость, а Маркизъ спустя часъ за мною прибылъ въ уныломъ состояніи, какъ обыкновенномъ слѣдствіи его пагубнаго мученія. Онъ былъ принятъ однимъ искуснѣйшимъ лѣкаремъ, котораго я приказалъ сыскать для врачеванія его.

ПИСЬМО 31.

Бомстонъ къ Лорѣ.

Неаполь.

Добродѣтель твоя въ безопасности, любезная Лора! но спокойствіе твое подвержено величайшему страху. Какъ! ты признаешь любовь первою своею должностію? Лора! Лора! не закоснѣвай въ семъ мнѣній! Такъ она можетъ быть твоимъ другомъ; дни твои сладко будутъ протекать въ присутствіи ея; но остерегайся признать ее своимъ владыкою, ты погибнешь навсегда. Ахъ! для чего не можешь ты, чувствительнѣйшая дѣвица, для чего не можешь вкушать всѣ сладостныя ея движенія такъ, чтобъ онѣ не были возмущаемы никакими другими горестями, кромѣ тѣхъ, кои содѣлываютъ сіе наслажденіе совершеннѣйшимъ? Но какъ могу я надѣяться на исполненіе желаній сихъ? Любовь! носящій твои оковы долженъ лишиться драгоцѣннѣйшихъ благъ, по-

коя и вольности! Самое великое щастіе, приносимое тобою есть обольщеніе тѣмъ опаснѣйшее, что оно ведетъ къ чувствительнѣйшимъ печалямъ.

Самая совершенная взаимная любовь не изъята отъ горестей. Бѣдная Лора! сколь достойна ты сожалѣнія, что обратила страсть свою на человѣка, опредѣленнаго судьбою не для тебя. Я желалъ бы видѣть тебя щастливою; и естьли благополучіе твое не менѣе для тебя любезно, какъ для меня, то не убѣгай онаго, но перестань меня любить! Будешь ли ты въ состояніи сіе учинить? Ахъ! естьлибъ ты могла! но сіе чувствованіе выше силъ твоихъ. Та, которая любитъ въ первой разъ, любитъ вѣчно. Время и отсутствіе могутъ однѣ содѣлать нѣкоторую перемѣну.

Одно изъ важнѣйшихъ благодѣяній, оказанныхъ человѣку природою, состоитъ въ томъ, что они привычками мало по малу могутъ облегчать свои нещастія; привычка изцѣляетъ

скорби, которыя разуму превосходнѣйшему не возможно былоб усладить. Она непримѣтным образом уменьшает ежедневно обременяющую нас тягость так, что и не останется ничего, кромѣ слабаго воспоминанія. Сим образом, Лора, будешь ты научаться сносить мое отсутствіе, и наконец для тебя легко будет жить в разлукѣ. Я надѣюсь остаться нѣсколько еще времени в Неаполѣ; присылай ко мнѣ чаще извѣстія о себѣ, естьли же опасаешься чтоб письма твои не открыли прежнія твои раны, то лиши меня сего удовольствія. Молчаніе твое будет надежным знаком, что моя Лора начинает изцѣляться.

ПИСЬМО 32.

Лора к Бомстону.

в Монастырѣ де Р. . .

Вы говорите правду, Милорд; сердце мое приводило меня в заблу-

жденіе, я обманывалась. Нѣтъ, не любовь ты въ меня вдохнулъ, но совершеннѣйшее изступленіе чувствъ, пріятное обаяніе, происходящее отъ всего того, что только можетъ смертный вдохнуть благороднаго и усладительнаго. Я дала оному нещастное имя любви, причиняющее тебѣ столько беспокойства, для того что оно имѣло по видимому великое сходство съ симъ родомъ изступленія! Но Едуардъ уже мнѣ не внемлетъ! Величіе души толь жестокой похитило его у меня! Нещастная! Я еще дышу, но душа моей жизни меня оставила! Какъ могу я оставить сладкую привычку почерпать въ глазахъ его облегченіе моему сердцу, обремененному тоскою? Я не имѣю уже ни силы, ни способности; вся погружена въ горести! . . . Увы! лишившись его я лишилась всего; одни нещастія остаются со мною! Но когда онъ былъ со мною, всякое слово устъ его было ободреніемъ моимъ, всякой взглядъ лучемъ свѣта! Я была щастлива; и столь мало имѣла по-

нятія о благополучіи, что не могла сомнѣваться о постоянствѣ его. Щастіе, которое я вкушала въ пресутствіи его, или ожидая пріѣзда его, тѣмъ было мгновеннѣе, что оно было совершенно. Проводя жизнь мою въ семъ перемѣнномъ чувствованіи и наслажденіи, бывъ упоена сими двумя удовольствіями, я не знала, которое должна была я предпочесть. О Едуардъ! и такъ не любовь это была! Какое же другое чувствованіе могло содѣлывать меня столько щасливою? Я слышу тайной голосъ, который во глубинѣ сердца моего говоритъ: *это была любовь*! Но любовь достойна предмета распалившаго ее; любовь носящая награду свою съ собою; любовь чистая, непричастная корысти.

Ахъ! сколь много пролито слезъ въ моемъ уединеніи о жестокой участи, похитившей у меня всѣ права, данныя природою на утѣхи взаимной любви! Но сердце мое въ самыхъ величайшихъ изступленіяхъ никогда не было столько безразсудно, чтобы учи-

нить требованіе на благо потерянное мною невозвратно. Желанія мои довольствовались однимъ зрѣніемъ на божество моихъ мыслей.

Когда я слышала стукъ кареты везущей его, или когда жадные мои взоры усматривали его во всей красотѣ юности его, среди тѣхъ не статныхъ и блѣдныхъ Римлянъ, всѣ чувства мои летѣли на встрѣчу ему. При его приближеніи насильное нѣкое движеніе потрясало меня! Нѣтъ, ничто на земли не равняется съ тѣмъ удовольствіемъ, которое я обрѣтала, находясь окруженною одинакимъ съ нимъ воздухомъ; когда въ молчаніи удивлялась совершенствамъ его вида и души; когда предавалась божественному восторгу, распространяющему надъ смертными пріятное забвеніе самихъ себя, и украшающему мгновенное сновидѣніе жизни. Но когда глаза его встрѣчались съ моими; когда благотворныя его уста вдыхали въ меня бодрость и увѣряли, что не вовсе лишилась я щастія; когда, не

чувствительно осмѣлившись, возвела я робкій взглядъ на оскорбленную добродѣтель; когда наконецъ, какъ благотворный Ангелъ, онъ бралъ мою трепещущую руку, и какъ огнь добродѣтели входилъ во все мое существо: тогда, почитая себя благороднѣйшею и какъ бы вознесенною выше себя самой, я пробѣгала съ нимъ всѣ красоты природы, и мы парили вмѣстѣ въ возвышеннѣйшія страны. Гармонія сей величественной вселенной мнѣ казалась трогательнѣе и совершеннѣе. Ахъ! всѣ сіи протекшія удовольствія теперь содѣлались мѣрою моихъ нещастій. О! сладостныя мученія, я обожаю васъ! Вы пріятнѣе мнѣ всѣхъ благъ земныхъ! Угнѣтайте, терзайте меня; скорби мои содѣлаются моимъ услажденіемъ! Ахъ! естьлибъ мученія, сносимыя мною, могли превратиться въ удовольствія для предмета оныхъ; естьлибъ дни похищаемые горестями у моей жизни, могли быть приложены къ жизни его; тогда бы благополучнѣйшій смертный не могъ сравняться со мною.

Одно воображенie объ Едуардѣ восхищаетъ мою душу; я забываюсь для того, чтобъ только мыслить о немъ. И вотъ чѣмъ я награждаю отсутствie его. Приводя на память образъ его, я вхожу въ себя, и всѣ дѣянiя мои располагаю по вдохновенiю его! Имѣю ли я нужду въ мужествѣ или совѣтѣ? къ нему прибѣгаю. Я призываю его разумъ, и всегда получаю отъ него болѣе, нежели могла надѣяться. Онъ лiетъ въ раны мои спасительный бальзамъ, и даетъ мнѣ свои собственныя силы. Какъ послѣ бури умирающiй цвѣтокъ, принимаетъ съ благодарностiю попеченiя отъ благодѣтельной руки, старающейся возвратить ему первую красоту; такъ точно, Милордъ, душа моя предается всему, что ты ей приказываешь; она слѣдуетъ всѣмъ твоимъ предписанiямъ, и старается даже употребить въ свою пользу твое отсутствie, привыкая безъ роптанiя сносить нѣсноснѣйшую разлуку.

ПИСЬМО 33.

Лора къ Бомстону.

въ Монастырѣ де Р. . .

Лейтесь слезы любви! Вы мнѣ пріятнѣе протекшихъ радостей моихъ! Измыйте послѣдніе слѣды тѣхъ сладострастныхъ лобзаній, покрывающихъ стыдомъ мои щеки! Ахъ! для чего не сильны вы отнять отъ меня поношеніе, сдѣлать меня столько же чистою, какъ онъ, и достойною его объятій! Теките ручьями! . . . Теките драгоцѣнныя слезы! Погасите снѣдающій меня огнь! Излейте на меня забвеніе моихъ заблужденій. Успокойте мои страхи, и смущенія. . . . Подайте облегченіе моей страждущей душѣ! Упойте мое сердце надеждою и утѣшеніемъ. . . . Нещастная! я потеряла невозвратно всѣ мои права на послѣднее благо, которое могло еще сдѣлать меня щастливою!

ПИСЬМО 34.

Бомстонъ къ Лорѣ.

Павзилиппъ.

О Лора! Лора! твоя прекрасная душа уже превыше безчисленныхъ душъ твоего пола. Я ищу за предѣлами неизмѣримаго Океана предмета, могущаго съ тобою сравниться. Одна мысль о тебѣ изгоняетъ всѣ прелести сего важнаго вида. Здѣсь на горѣ Павзилиппѣ, въ деревнѣ одного искренняго моего друга, хотя вижу я надмѣнный Неаполь, защищаемый тройною цѣпью горъ, величественный но ужасный Везувій; хотя имѣю предъ глазами благополучныя страны *Портиси* и *Соренто*, обширное пространство морей, усѣянныхъ островами; однако съ тайнымъ удовольствіемъ преношусь въ твою маленькую и мирную келью.

Новыя чувствованія твои показываютъ мнѣ новый видъ щастія, который я предпочитаю божественной

картинѣ, находящейся предо мною, и всѣмъ пріятнымъ благовоніямъ, исходящимъ отвсюду. Образъ твой затмѣваетъ въ глазахъ моихъ всѣ красоты, и я съ удовольствіемъ примѣчаю, что я не тамъ нахожусь, гдѣ бы думалъ быть. Не здѣсь я ищу совершеннаго изображенія твоей прерожденной души, но тамъ, гдѣ лучшая часть моего бытія существуетъ. * Я усматриваю ее столь чистою какъ почтенной свѣтъ Пантеона, который сходя прямо съ небесъ, разливаетъ равную свѣтлость во всякомъ храмѣ, и проницаетъ насъ священнымъ удивленіемъ.

ПИСЬМО 35.

Лора къ Бомстону.

въ Монастырѣ де Р. . .

Возможно ли, Милордъ, чтобъ столь печальная вѣсть приходила изъ того

---

* По видимому въ Кларанѣ.

мѣста, гдѣ ты находишься? Сказывают, что ужасное изверженіе Везувія вновь угрожало опасностію Неаполю и жителям его: что разкаленные камни выбрасываемы были на нѣсколько миль оттуда; увѣряют даже, что сіе бѣдствіе не перестало бы, естьли бы С. Яннуарій, покровитель Неаполитанцев, не остановил теченіе онаго, укротив ярость подземнаго огня. Однако еще чрезвычайно опасаются, чтоб гора опять не возгорѣлась и не разрушилаб сей город и его окружности. Как скоро пришло сіе извѣстіе, я в крайнем находилась безпокойствѣ. Боже мой! как можешь ты, Милорд, быть в таком мѣстѣ, гдѣ драгоцѣнная жизнь твоя ежеминутно подвер жена великой опасности? Бѣги любезнѣйшій Едуард, бѣги далѣе от сего ужаснаго обиталища! Естьли окружности Рима ты считаешь столь же опасными, избери другое мѣсто, удаленное от сего страшнаго позорища смерти и раззоренія! Внемли гласу нещастной Лоры,

гласу дружбы, гласу отечества своего: бѣги, бѣги, пока еще не поздо! употреби въ пользу сіи минуты.

Сія жизнь весьма коротка для того, кто умѣетъ ею пользоваться. Должно простить безразсудному и слабому въ сокращеніи ея, онъ дѣлаетъ тѣмъ услугу человѣчеству; но тотъ, (ты самъ говорилъ мнѣ часто во время моего отчаянія) коего грудь заключаетъ еще благородную и человѣколюбивую душу, не имѣетъ права опредѣлять самовольно теченіе ея. О Едуардъ! естьли на земли смертный, коего душа была бы благотворнѣе, нѣжнѣе, чувствительнѣе, къ великимъ дѣяніямъ склоннѣе, души подавшей благодѣтельную помощь нещастной Лорѣ, естьли только онъ не Ангелъ, посланный на землю для блага человѣчества?

О Милордъ! естьли бы ты зналъ, сколь много я безпокоюсь послѣ сей печальной вѣсти! Зная, что уже простиралась ярость сего подземнаго огня до Рима, я трепещу при маломъ шумѣ,

при всякомъ существенномъ или воображаемомъ только ударѣ, что сiе не разрушенiе ли есть Неаполя; страхъ причиняетъ мнѣ тогда судорожныя движенiя, подобныя движенiямъ умирающаго человѣка. Ночь, изливающая на прочихъ нещастныхъ благотворную чашу забвенiя, умножаетъ болѣе мой ужасъ, и представляетъ въ ужасныхъ видѣнiяхъ поразительную картину сего страшнаго зрѣлища. Сего еще утра, казалось, я видѣла огненный потокъ подобный Тибру, стремящiйся съ высоты горъ и влекущiй въ пропасть свою все сопротивляющееся его ярости. Я хотѣла бѣжать, но съ Едуардомъ! Блуждаясь, бѣгая туда и сюда, я искала, звала тебя; увы! все было тщетно, я возвратилась на прежнее мѣсто. . . Какое видѣнiе! . . . Я видѣла тебя пожертаго пламенемъ! Ты шелъ ко мнѣ! Изъ средины сего пламени голосъ твой былъ еще слышенъ; ты далъ мнѣ нѣжный, но ясный знакъ, чтобъ я спасала себя; но желая броситься къ тебѣ, я про-

будилась въ сильнѣйшемъ движеніи, не могши изгнать изъ пораженнаго воображенія моего страшнаго образа сего сновидѣнія.

Божество употребляетъ часто самые малые знаки, для открытія таинствъ своихъ слабымъ смертнымъ. Можетъ быть сіе сновидѣніе есть предзнаменованіе высокости твоей. Будь вѣренъ своимъ правиламъ; я часто слышала отъ тебя, что мудрый, жертвующій безъ сожалѣнія своею жизнію добродѣтели, или неумолимой судьбѣ, долженъ быть такъ же весьма остороженъ, чтобы не подвергать оную опасности безъ нужды и пользы. Бытіе его, носящее неизгладимой знакъ высшаго опредѣленія, смерть причиненную малосвѣденіемъ почитаетъ недостойною его, и смотритъ на оную какъ на беззаконнаго покусителя на неоспоримыя права мудреца природы. . . . Примѣть, что для лучшаго увѣренія, я употребила гласъ разума; но сколь онъ хладенъ, сколь недостаточенъ предъ тѣмъ, который будучи сокрытъ

во глубинѣ моего сердца, желалъ бы возопить: возвратись, возвратись любезный Едуардъ! избавь меня отъ смертельнаго страха причиняемаго тобою, отъ тѣхъ мученій, которыя исторгаютъ мою душу. Ахъ! естьлибъ ты былъ хотя одну минуту свидѣтелемъ сего! можетъ быть ты бы склонился. Боже мой! не уже ли забылъ ты, что жизнь моя зависитъ отъ твоей? Не уже ли забылъ, что священный огнь, воспаленный во внутренности моей, можетъ горѣть только тобою? Не вѣдаешь ли, что въ разлукѣ съ тобою, я ни на минуту не имѣю покоя? Единое услажденіе мое есть думать о предметѣ моихъ печалей. Я уподобляюсь машинѣ безъ дѣйствія, или тѣмъ больнымъ растѣніямъ, которыя вдругъ, кажется, возрастаютъ, дабы истощивъ всѣ силы, вдругъ опять пропасть.

ПИСЬМО 36.

Бомстонъ къ С. Прíо.

Неаполь.

Ахъ! С. Прíо, для чего не былъ ты здѣсь на прошедшихъ дняхъ, дабы зрѣть со мною одно изъ великолѣпнѣйшихъ и важнѣйшихъ зрѣлищъ, представляемыхъ глазамъ слабыхъ смертныхъ природою, которое заставляетъ ихъ забывать на долгое время мiрскiя свои глупости, пронзаетъ ихъ благочестивымъ страхомъ и святымъ смиренiемъ.

Третьяго дня я всталъ еще прежде восхожденiя солнца, и по обыкновенiю моему обративъ первые мои взоры на Везувiй, лежащiй въ виду, съ удивленiемъ и ужасомъ увидѣлъ я два ручья Лавы, стремящiяся съ высоты горы; густой дымъ выходилъ изъ жерла и возвышался въ видѣ ужасныхъ и безобразныхъ горъ; нижняя часть часто воспламенялась изрыгаемыми горою огнями, между тѣмъ

какъ верхняя была потемнѣна множествомъ черноватыхъ угольевъ, которые устремлялись до чрезвычайной высоты. Сіи мрачные пары умножились непримѣтно, и разширялись въ видѣ дождевыхъ облаковъ. За полчаса предъ восхожденіемъ солнца большая часть оныхъ въ видѣ пука перьевъ была уже освѣщена лучами его. Сія масса походила на ужасный Колоссъ Алкіона, вырвавшагося изъ темницы своей, чтобъ вновь сразиться съ богами; онъ покрытъ былъ позлащеннымъ шишакомъ, жилы его были не кровью, но огнемъ наполнены. Ручьи воспламененной Лавы текли у ногъ его, и наводняли райскія окрестности *Портичи*. Блистательная утренняя звѣзда побледнѣла отъ сего зрѣлища и изчезла. Глубокое молчаніе царствовало надъ изумленною природою. Ни чего не было слышно, кромѣ нѣмаго рева грома причиняемаго яростію страшнаго Титана. Между тѣмъ какъ сія масса текла потоками со всѣхъ сторонъ, солнце продолжало свой путь;

скоро освѣтило оно все молніеносное сіе облако, уподоблявшееся тогда группѣ безобразныхъ Гигантовъ. Кто видѣлъ колоссальныя картины Мишель-Анжа, и будучи свидѣтелемъ таковаго явленія, тотъ бы подумалъ, что онъ почерпнулъ изъ онаго свои высокія понятія. Сіи огненные потоки нечувствительно простерлись до Неаполя, и повергли въ уныніе жителей пробужденныхъ симъ ужаснымъ трескомъ. Нѣсколько легкихъ облаковъ движимыхъ теченіемъ воздуха, приближились къ пропасти и поглотились ею. Наконецъ солнце показалось, но не торжествуя, какъ обыкновенно, надъ величайшими красотами природы; блѣдный, колеблющійся свѣтъ его печально протекалъ позади сего ужаснаго явленія. Хотя присутствіемъ его помрачалось пламя, изрыгаемое горою, однако въ самый полдень видны были вырывавшіеся изъ сей горящей пропасти огненные куски.

Легко понять, сколько надмѣнный Неаполь былъ смятенъ симъ зрѣли-

щемъ. Вмѣсто множества великолѣпныхъ экипажей, составлявшихъ обыкновенно неизмѣримую цѣпь, виденъ былъ только устрашенный народъ, бѣгающій по улицамъ босыми ногами; соединивъ руки, растрепавъ волосы, препоясанный терніемъ, стремящійся въ храмы, и испускавшій крики болѣзни и отчаянія, которые едва слышимы были по причинѣ рева подземнаго огня. Многіе восходили на высоты своихъ домовъ, дабы узрѣть неумолимый предметъ ихъ ужаса. Мужчины, женщины и молодые люди всякаго пола толпами бѣжали изъ ближайшихъ деревень, чтобъ найти убѣжище. Они входили въ сей городъ, несли на рукахъ своихъ дѣтей, гнали предъ собою свой скотъ, не имѣя надежды возвратиться когда нибудь въ мѣсто своего рожденія. Всѣ публичныя дѣла были остановлены. Цѣлой день сей былъ ничто иное, какъ печальная картина, представлявшая попеременно то ужасъ, то бѣдствіе.

Но сіе было ничто въ сравненіи

съ ужаснымъ видомъ сей горы, когда ночь начинала распространять свои покровы. Послѣ ужаснѣйшаго грома, огненные столбы устремились до толь неизмѣримой высоты, казалось, что они хотѣли проникнуть небесные своды; наконецъ, блистая раздѣлились на горящія уголья и воспламененные камни, изъ которыхъ одни терялись въ облакахъ, а другіе обратно упадали на гору, обращаясь въ огненные шары; другіе носимые силою теченія воздуха, повергались на многіе мили отсюда. Неизмѣримость морей отражала сей ужасной пожаръ столь далеко, сколь можетъ наше простираться зрѣніе. Адскіе духи, представлялось, бросили изъ своихъ жилищъ огненный мостъ на сію влажную равнину, дабы подать презирающимъ ихъ смертнымъ примѣръ могущества своего. Вся вершина Везувія казалась горящею пещію. Лѣсъ находившійся на ближайшей горѣ, объятъ былъ пламенемъ, морская вода кипѣла, и Небо, отъ коего одного ожидали помощи, казалось, само уча-

ствовало въ ярости пламени. Вся страна была освѣщена: въ первой разъ я узрѣлъ еще безъ удовольствія сіе обширное и величественное пространство!

Не льзя представить, сколь велико было всеобщее уныніе; стоны отчаянія, улицы наполненныя народомъ и дворянами, падающими попеременно на колѣни для призыванія святыхъ; слезящія матери бѣжали въ церковь, препоручая себя и дѣтей своихъ Ангеламъ и священникамъ. Увы! бѣдные священники не могли имъ подать никакой помощи; они сами ощущали въ сердцѣ своемъ смертельное мученіе; наконецъ беззаконіе, которое не страшась Бога, ищетъ употребить въ свою пользу мщеніе его, простерло свои руки на ограбленіе проходящихъ, на опустошеніе оставленныхъ домовъ, и на учиненіе всѣхъ возможныхъ злодѣяній.

Среди сего ужаснаго зрѣлища, вдругъ узрѣли на Горизонтѣ Луну во всѣмъ ея величествѣ, и какъ бы вы-

ходящую изъ нѣдръ сея пропасти. Она продолжала свой путь спокойнымъ и безмятежнымъ шествіемъ, подобно мудрецу, который бывъ свободенъ и непричастенъ страха, проходитъ мимо встрѣчающихся ему преткновеній, и оканчиваетъ со славою свой путь, недопуская остановить себя горящему пламени страстей.

ПИСЬМО 37.

Бомстонъ къ Лорѣ.

Калуа.

Будь спокойна, чувствительная душа. Отложи твой страхъ, любезная моя подруга! Я оставилъ Неаполь; нѣтъ для меня уже ни какой опасности. Впрочемъ страшный Везувій смягчилъ свою ярость, ужасъ и отчаяніе начинаютъ изчезать, лучъ надежды возраждается и одушевляетъ нещастныя жертвы сего бича. Но ты, юная моя воспитанница, останешься ли

навсегда добычею чрезвычайной твоей чувствительности? Не уже ли забыла ты совѣты твоего друга, наставленія Едуарда? Уже ли забыла ты свои обѣщанія, клятвы? Не знаешь ли, что дни мои содѣлались драгоцѣннѣе для меня съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ Лору? И такъ изгони изъ души твоей сіи плачевныя мысли, они обременяютъ ее, истощаютъ новое бытіе ея, и погружаютъ въ постыдную недѣятельность. Не ужасаясь подобно робкому младенцу, коего всякое привидѣніе приводитъ въ трепетъ, слѣдуй примѣру младаго воина, который упавши напрягаетъ всѣ силы, встаетъ и не оставляетъ мѣста сраженія, не сдѣлавшись побѣдителемъ и не заслуживъ вѣнка.

Скоро пріѣду я въ Римъ, скоро увижу тебя. Присутствіе и голосъ мой да вдохнетъ въ тебя болѣе силы и бодрости. Ты вѣдаешь, что будучи рабомъ должности, я посвящаю ей пріятнѣйшія мои утѣхи; такъ, она призываетъ меня въ Лондонъ, но я оста-

нусь тамъ столько, сколько требуется для исполненія моего долга. Однако я не могу удалиться отъ юной своей питомицы, отъ моей любезной Лоры, не увидѣвшись съ нею. Впрочемъ я долженъ предупредить опасности, могущія угрожать твоей жизни, и стараться о безопасности дней твоихъ. Гонительница твоя, подстрекаемая ревностію, ободренная моимъ отъѣздомъ, можетъ учинить новыя покушенія, отъ которыхъ я старался тебя предъохранить. Иначе страхъ будетъ отравлять всѣ минуты моего отсутствія, естьли я буду имѣть причину упрекать себя малѣйшимъ небреженіемъ. Да отвратитъ отъ тебя путешествіе сіе всякую печаль; естьлибъ ты знала предметъ онаго, можетъ быть оно былобъ источникомъ пріятныхъ надеждъ для сердца твоего. . . . Но болѣе я ничего не могу тебѣ о томъ сказать.

ПИСЬМО 38.

Бомстонъ къ С. Пріо.

Римъ.

Всѣ мои старанія, чтобъ успокоить Маркизу, безполезны, и всѣ представленія о состояніи Лоры тщетны: ни что не сильно ее увѣрить, что сердце мое не имѣетъ никакого сообщенія съ нею; испытавъ все и видя всѣ предпріятія безполезными къ удаленію меня отъ сей нещастной, къ страсти ея присоединился родъ ярости, заставляющей питать ко мнѣ ужасъ, не желая разорвать вовсе союза со мною. Она признавалась мнѣ, что она вся содрогается, когда увидитъ мою карету, и что одинъ стукъ моихъ ногъ при всходѣ на лѣсницу заставляетъ ее трепетать отъ ужаса. Когда я вхожу къ ней, она дѣлаетъся больною. Пламенная краска и блѣдность покрываютъ попеременно лице ея. Сердце ея стѣсняется, когда я къ ней подхожу; она плачетъ, когда я уда-

ляюсь; часто принужденныя движенія сражаются съ издыхающею ея любовію; смѣшиваетъ ласки съ выговорами, бранитъ, льститъ, проситъ униженно, проклинаетъ. Грозитъ и вмѣстѣ обожаетъ; наконецъ истощившись сраженіемъ чувствъ своихъ, она устремляетъ на меня, не говоря ни слова, свои глаза, какъ статуя.

Состояніе ея меня трогаетъ; но въ моей ли власти перемѣнить его? Я далъ Лорѣ торжественное обѣщаніе не оставлять ее, и не простительно бы было мнѣ пожертвовать своенравію необузданной ревности своимъ обѣщаніемъ и щастіемъ бѣдной дѣвицы, которая всю надежду полагаетъ въ зрѣніи на меня. Раждающаяся ея добродѣтель имѣетъ нужду въ помощи, я долженъ поддержать ее; достоинъ ли бы былъ я намѣренія спасти невинность, естьлибъ будучи неблагодаренъ противъ ея Бога хранителя, не употребилъ я всѣхъ моихъ стараній къ исполненію сего предпріятія. Для чего мнѣ убѣгать взоровъ

достойнаго любви предмета, который ничего не требуетъ, кромѣ позволенія любить меня? Чье сердце будетъ столько нечувствительно, чтобы не смягчилось слезами, ліющимися изъ прекрасныхъ ея глазъ? Гдѣ тотъ благотворительный смертный, котораго полезное самолюбіе не любитъ наслаждаться плодомъ своихъ попеченій?

Я бы желалъ С. Пріо, чтобы ты видѣлъ, какъ она умѣла изгладить и самые малые слѣды минувшихъ своихъ заблужденій. Новое бытіе всю ея оживляетъ, возвращеніе невинности слышно во всякомъ удареніи ея голоса, блистаетъ во всѣхъ взорахъ ея, является во всѣхъ движеніяхъ; даже примѣтно въ пѣніи изображеніе непорочности ея души. *Режіанино* нѣсколько мѣсяцевъ давалъ ей уроки. Естьли слова заимствуютъ нѣчто отъ чувствованія, гармоніи и истинны; то она все сіе имѣетъ безъ сомнѣнія, она превышаетъ стихотворца и музыканта почти всегда. Сего утра пѣла она арію любви, о которой идею

она дала своему учителю. Высочайшій даръ природы начертывался на лицѣ ея живѣйшими красками. Выраженіе прекрасныхъ ея глазъ составляло съ голосомъ столь совершенное согласіе, что она представлялась вдохновенною самою Калліопою.

Сколь она была прелестна! Такъ, я увѣренъ, что въ сію минуту она тронула бы самое жестокое и звѣрское сердце! Суди, С. Пріо̀, суди о впечатлѣніи ею произведенномъ въ душѣ моей! — Вотъ причина воспящающая мнѣ оставить ее, а особливо въ то время, когда наибольшую она имѣетъ нужду въ моей помощи; но весьма важныя дѣла требуютъ моего отъѣзда въ Англію.

Мнѣ не возможно даже будетъ, не смотря на желанія мои, обнять моего вѣрнаго друга и *неразлучныхъ*. Но уповаю, что по возвращеніи моемъ ничто не воспрепятствуетъ мнѣ сіе учинить. Я имѣю нужду въ твоихъ совѣтахъ и присутствіи твоемъ, дабы возстановить спокойствіе

въ сердцѣ моемъ. Надлежитъ дружеству исправить погрѣшности любви.

ПИСЬМО 39.

Маркиза къ Бомстону.

Римъ.

Желанія наши совершились, Милордъ; предметъ твоихъ сопротивленій уже не существуетъ. Мы свободны, ни что не препятствуетъ нашей любви. Мужъ мой умеръ. . . . Теперь только я получила о томъ письмо. Судьба одолжена симъ удовлетвореніемъ природѣ произведшей насъ одного для другаго; но долгъ нашъ есть повиноваться первому данному ею знаку.

Для чего не могу я дать крыльевъ моему письму? Почто любовь моя ограничивается разстояніемъ и временемъ? Возвратись любезнѣйшій бѣглецъ, виновникъ сладчайшихъ моихъ движеній, купно и жесточайшихъ моихъ мученій; возвратись такъ ско-

ро, какъ мысль моя летитъ къ тебѣ, возвратить въ мои объятія примирить оскорбленную любовь, наградить ее приношеніями, посвященными отъ насъ варварскимъ предразсудкамъ.

Что до меня, Едуардъ, я горю исполнить долгъ свой, но опасаюсь, чтобъ не остаться навсегда не исполня опаго. . . . Но я увѣрена въ томъ: ты не перестаяъ меня любить и отличать отъ прочихъ особъ нашего пола. Образъ Маркизы Малатесты еще царствуетъ въ сердцѣ твоемъ: ни Лора, ниже другой достойнѣйшій предметъ не въ силахъ изгнать его. Бѣдные мужчины! сколько бы вы ни скрывались подъ различными видами, стараясь быть веселыми въ то время, когда вздыхаете; и сколькобъ вы ни старались казаться равнодушными и важными, одинъ взглядъ нашъ все открываетъ. Мы усматриваемъ въ одно мгновеніе ока всѣ изгибы души вашей; примѣчаемъ всѣ сокровенности вашихъ мыслей, какъ въ стеклѣ. Сей разумъ, которому ты по-

винуешься съ глупымъ раболѣпствіемъ, ничто иное есть, какъ пустое привидѣніе возвышеннаго ума, дитя робкаго и малодушнаго воображенія, трепещущее и всего боящееся: онъ есть слѣдствіе слѣпаго самолюбія, старающагося безпрестанно присвоить себѣ отличіе, разумѣя подъ симъ послѣднимъ все то, что ему нравится. Нѣтъ, нѣтъ истиннаго разума, кромѣ доставляющаго намъ блаженство. Пріиди, Едуардъ, пріиди въ мои объятія; тогда ты можешь сказать, что обрелъ благополучіе! — Сего довольно: я закрываю письмо, чтобы ускорить сладкое удовольствіе нашего соединенія.

ПИСЬМО 40.

Бомстонъ къ Маркизѣ.

Генуа.

Возможно ли Маркиза? Едва прошелъ часъ послѣ извѣстія о смерти вашего мужа, а вы избираете уже дру-

гаго? Одною рукою вы затворяете его глаза, и въ то же время другую отдаете любовнику! Естьли бы слѣпая и безразсудная страсть не приводила васъ въ заблужденіе, то потеря таковаго супруга не произвела бы въ васъ иной мысли, кромѣ любви къ нему и сожалѣнія. Онъ имѣлъ благородную душу; онъ заслуживалъ лучшую участь. Онъ васъ любилъ, и старался о своемъ возвращеніи. Будучи ревностенъ къ своему благополучію и своимъ правамъ, и въ отчаяніи, видя ихъ похищенными у себя, онъ летитъ изъ Вѣны въ Римъ, изъ Рима въ Неаполь, чтобъ за оныя отмстить. . . . Онъ запечатлѣлъ собственною кровію доказательство нѣжной своей любви; но вы къ нему не чувствительны? . . . . Самая даже смерть его не могла васъ тронуть! Можетъ быть духъ его леталъ около васъ, дабы узнать впечатлѣніе произведенное симъ извѣстіемъ. Одинъ знакъ чувствительности, одна слеза можетъ быть утѣшилабъ его. Но видя вашу радость

и намѣренія, онъ отвратилъ свои взоры отъ сего несноснаго зрѣлища и отлетѣлъ въ пріятнѣйшія страны, дабы тамъ обрѣсти утѣшеніе за свои мученія, и забвеніе своихъ нещастій.

Положимъ, Маркиза, что не печаль о нещастной любви ускорила его смерть, но согласились ли бы вы уступить мѣсто его убійцѣ? Ибо я имѣю довольно причинъ думать, что нещастная его рана не совсѣмъ была излѣчена, когда выѣхалъ онъ изъ Неаполя. Сіе сомнѣніе наполняетъ ужасомъ мою душу. Всѣ желанія мои изчезаютъ при видѣ важной его тѣни, которая носитъ еще знаки сей смертельной раны. Права супруга для всякаго другаго умираютъ съ нимъ, но для убійцы его они переживаютъ его и дѣлаются не нарушимыми. Когда бы человѣчество, добродѣтель, законы и ничего о семъ не предписывали намъ, то единый разумъ не вѣщаетъ ли, что удовольствія совокупленныя съ произведеніемъ людей, не должны быть цѣною ихъ крови; безъ сего,

способы опредѣленныя давать другимъ жизнь, были бы источниками смерти, и родъ человѣческій погибъ бы отъ тѣхъ самыхъ стараній, которыя должны служить къ сохраненію его.

Я осмѣливаюсь сказать, Маркиза, что вашъ Ангелъ хранитель произвелъ въ васъ сію печальную перемѣну съ тѣмъ, чтобъ вдохнуть въ васъ полезныя и спасительныя размышленія, и истребить навсегда пагубную вашу страсть; ибо я не могу отъ васъ скрыть, что смерть вашего супруга кончила навсегда узы, которыя прежде ограничивались его жизнію. Тѣнь его стоитъ между мною и вами съ ужаснѣйшимъ мечемъ; и мечемъ вѣчнаго правосудія она пресѣкла узелъ нашей дружбы. Повѣрьте мнѣ, Маркиза, конецъ сего безразсуднаго заблужденія будетъ началомъ вашего благополучія. Когда смятеніе вашихъ чувствъ не будетъ уже затворять входа вашего сердца и разума, тогда любовь къ истинному благу въ ономъ

окажется, и изгнанная добродѣтель вступитъ въ свои права. Первый на оную взоръ докажетъ вамъ, что она одна только можетъ дѣлать щастливыми; вмѣсто розъ на гробѣ вашего супруга вы прольете слезы раскаянія, и духъ его низспустясь изъ рая на крыльяхъ примиренія, возрадуется о толь долго ожиданной перемѣнѣ.

ПИСЬМО 41.

Лора къ Бомстону.

Римъ.

Я читаю и думаю только о тебѣ! Вотъ единственное мое упражненіе разлучась съ тобою! Всегда съ новымъ удовольствіемъ я начинаю читать Аглинскія книги, оставленныя тобою. Какія чувствованія! Какая острота! Какая Философія! Многія величественныя драммапическія сцены и трогательныя повѣсти сами собою начертались въ моей памяти. Я содѣлалась очень разборчива: уже не нахожу я вкуса ни въ одномъ изъ нашихъ сочи-

нителей, выключая *Данта* и *Аріоста*; изъ сего выходитъ унизительное заключеніе для моего отечества; тамъ, гдѣ превосходнѣйшія сочиненія, должно, чтобъ люди были таковы же! Но имѣю ли я нужду въ книгахъ для сего замѣчанія? Не были ли вы долгое время неоспоримымъ тому доказательствомъ!

ПИСЬМО 42.

Отъ той же, къ тому же.

Для чего, великодушный Бомстонъ! для чего не святой, или какой нибудь небесной духъ меня спасъ? Сдѣлавъ по волѣ изображеніе его, я воздалабъ чистѣйшую благодарность оному. Нещастная! для чего избавитель мой есть прекраснѣйшій изъ человѣковъ? Я не могу боготворить добродѣтелей его, не любя особу его. Но естьлибъ невидимая рука меня спасла; могла ли бы я избрать достойнѣйшій моего боготворенія образъ, кромѣ образа

Едуарда? Несмысленная! зло не содѣлалось ли бы чрезъ то большимъ? Мое нещастіе увеличилось бы новыми заблужденіями. Я сдѣлала бы изъ сего образа идола своего, обожала его, и забывъ для него моего Ангела хранителя, я воздала бы одному то, что собственно принадлежало бы другому.

ПИСЬМО 43.

Бомстонъ къ Маркизѣ.

Лондонъ.

Вскорѣ послѣ вашего письма, я получилъ извѣстіе отъ лѣкаря, имѣвшаго стараніе о вашемъ больномъ мужѣ. Онъ увѣдомляетъ, что услышавъ о печали моей о смерти Маркизовой, которой я поставлялъ себя нѣкоторымъ образомъ виною, почелъ за долгъ увѣрить меня, что рана его совершенно была излѣчена, и что единственная причина его смерти есть гнилая лихорадка. Учтивость, съ каковою старается онъ увѣрить меня,

подаетъ высокое мнѣніе о образѣ его мыслей; онъ, по справедливости облегчилъ мое сердце отъ тяжкаго бремени. Но я еще не спокоенъ. Пока тишина и покой не водворятся въ душѣ вашей, и я не осмѣливаюсь льститься наслаждаться ими. Вы говорите, что я одинъ могу возстановить ихъ. Вы называете меня несправедливѣйшимъ, неблагодарнѣйшимъ, естьли я имѣю жестокость оставить васъ. Ахъ! Маркиза, не нужно препоручать мнѣ ваше благополучіе, я никогда не терялъ изъ виду онаго. Никакой другой законъ, кромѣ непреложнаго закона должности, не препятствовалъ мнѣ до сихъ поръ соединить мою судьбу съ вашею. Союзъ необходимости прерванъ, любовь меня призываетъ, я повинуюсь гласу ея. Важныя дѣла заставляютъ меня остаться еще нѣсколько дней въ Лондонѣ. По окончаніи оныхъ, я возвращаюсь въ землю, которая, находясь подъ пріятнѣйшимъ небомъ, соблюдаетъ для меня драгоцѣннѣйшія сокровища.

ПИСЬМО 44.

Лора къ Бомстону

Римъ.

Сія весна есть первая въ моей жизни, въ которой вкушала я сладчайшія утѣхи. Куда ни пойду, вездѣ образъ любви летаетъ вокругъ меня; духъ твой, ты, Едуардъ, доставляешь сіе удовольствіе, услаждающее мои чувства, и о коемъ, не знавъ тебя, не имѣла я никакого понятія. Когда глаза мои утомленные слезами, склоняются на молодую зелень, они почерпаютъ сладчайшій бальзамъ утѣшенія; пробѣгаю потомъ обширное и пріятное пространство горизонта. Легкой Зефиръ, колеблющій нѣжно траву, прохлаждаетъ жаръ въ моихъ щекахъ, и возраждаетъ въ сердцѣ моемъ миръ и спокойствіе. Я почитаю себя примиренною съ Природою, съ Небомъ, съ самой собою; и сія утѣшительная мысль дѣлаетъ меня щастливою. Естьли Природа добра, Милордъ, я ду-

маю, что и я такова же, когда исполняю законы ея. Чѣмъ болѣе распускаются цвѣты, цвѣтутъ деревья, тѣмъ болѣе я ощущаю внутрь себя новыхъ услажденій.

ПИСЬМО 45.

Бомстонъ къ Маркизѣ.

Вѣна.

Я поѣхалъ чрезъ Вѣну для того, чтобъ отблагодарить доброму лѣкарю за то, что онъ доставилъ мнѣ извѣстія о смерти вашего супруга. Я имѣлъ нужду увѣриться въ томъ совершенно. Невольное подозрѣніе подавало мнѣ еще сомнѣніе о справедливости сихъ извѣстій. Я признаю оныя тѣмъ утвердительнѣе, что слѣдствія оправдали мое подозрѣніе.

Лѣкарь удивленный моею благодарностію, сказалъ мнѣ, что онъ дѣйствительно старался о умершемъ, но что письмо, о которомъ я упоминалъ, не

его собственно. Признаться, продолжалъ онъ улыбаясь, отъ меня требовали онаго; но поелику я имѣю уже много умершихъ на мой счетъ, то мнѣ непріятно было признаться и въ семъ случаѣ.

Какъ! сказалъ я ему печальнымъ голосомъ, и такъ пагубная рана, полученная имъ въ Италіи, стоила ему жизни? — Не рана, отвѣчалъ онъ съ состраданательнымъ видомъ, пожимая мою руку, но нетерпѣніе больнаго; ему надлежало остаться до излѣченія въ Неаполѣ; а болѣе еще тайная печаль, которой не хотѣлъ онъ мнѣ объявить. Сія тоска повредила его здоровье, отравила его кровь и рана лѣченная не съ довольнымъ раченіемъ, ускорила смерть, которую онъ долгое время призывалъ.

Я оставилъ сего честнаго человѣка, не спрашивая у него другихъ подробностей; я чувствовалъ сердце свое отягощенное справедливыми обвиненіями. Маркиза! я оставилъ въ отечествѣ моемъ весьма важныя дѣла,

все оставилъ, и летѣлъ къ вамъ съ искреннимъ сердцемъ. . . . Вы не знаете, коликратно я былъ игрою моей довѣренности; когда вы ослѣплены были огнемъ вашей ревнивости, дни мои подвергались величайшей опасности; и чтобъ отвратить подозрѣніе въ неправедной вашей страсти, вы старались даже очернить меня въ глазахъ тѣхъ особъ, коихъ мнѣніе для меня было лестно. Я вамъ прощалъ все, приписывалъ вашей любви то, что собственно было дѣйствіемъ вѣроломнаго сердца. Но сей послѣдній поступокъ, имѣющій явные признаки души оставившей добродѣтель, возбудилъ во мнѣ негодованіе: такъ Маркиза, сія послѣдняя сѣть, въ которую я едва не впалъ, уязвляетъ жестоко мою честь, и нашъ союзъ не долженъ существовать болѣе. Свѣтъ просвѣтившій меня въ заблужденіи, кончилъ чувствованія впечатлѣнныя тобою въ сердце мое.

ПИСЬМО 46.

Маркиза къ Бомстону.

Римъ.

И такъ! нѣтъ никакого средства отвратить тебя отъ ложныхъ умствованій, тебя ослѣпляющихъ, коимъ ты придаешь имя добродѣтели? Бѣдный суевѣръ! И такъ не возможно открыть тебѣ глаза, и возвратить тебя самому себѣ? Нещастный Мечтатель! ты гоняешься за щастіемъ, и убѣгаешь его, когда оно тебя ищетъ. Ты предпочитаешь обманчивой гласъ хладной философіи гласу женщины, горящей къ тебѣ любовію! Ты отвергаешь блаженство, утѣхи приготовляемыя ею для тебя, и жертвуешь ими призракамъ мудрости и должности. . . И такъ, я оставляю тебя печальной твоей участи, и съ сей минуты ты не будешь имѣть причины опасаться быть отвращеннымъ отъ важныхъ твоихъ упражненій такою женщиною, какъ я! . . .

Не уже ли тщетно подвергалась я нѣсколько лѣтъ тѣмъ строгимъ и смѣшнымъ правиламъ, которыя угодно было ему называть добродѣтелію? Нѣтъ, страсть моя привела меня къ рѣшительной минутѣ. Съ одной стороны усматриваю я послѣдній лучъ надежды; съ другой ужаснѣйшую бездну. Я не могу отступить, а тѣмъ болѣе остановиться. Судьба заставляетъ меня простираться далѣе: едва позволяетъ она ожидать еще послѣдняго твоего знака, чтобъ рѣшиться, какія предпринять мѣры. Упорность, съ каковою я слѣдовала сей нещастной склонности до послѣдней крайности, не должна тебѣ подавать сомнѣнія о послѣднемъ средствѣ. Сердце твое отвергаетъ съ презрѣніемъ то, что составляло бы сладчайшія его утѣхи, естьлибъ умѣло оно цѣнить достоинство любви. . . . Ты называешь коварствомъ, вѣроломствомъ послѣднее усиліе отчаяннаго, но постояннаго сердца. Страсть имѣетъ ли мѣру? Можетъ ли она въ своемъ стремительномъ шествіи

столько быть осторожною, чтобЪ не подавить нѣкоторыхЪ пресмыкающихся, и не потоптать нѣсколько цвѣтовЪ? Она все презираетЪ, лишь бы предметЪ ея желаній былЪ достоинЪ ея. Любовь незнающая жертвовать намѣреніямЪ ея всемЪ тѣмЪ, что можетЪ ей судьба противоположить, есть подлое побужденіе. . . . и едва ли заслуживаетЪ и сіе имя! Она должна носиться превыше трудностей и препятствЪ, такЪ какЪ орелЪ паритЪ надЪ пропастями, не бывЪ ни чемЪ совращенЪ сЪ пути своего.

АхЪ! вѣроломной, говорилЪ бы ты о другой должности, естьлибЪ зналЪ долгЪ любви? Меньшая должность не должна ли уступить большей? и сія добродѣтель, которую ты описываешь столь великою, столь небесною, не позволила ли бы нарушить одинЪ изЪ своихЪ законовЪ, чтобЪ обратить кЪ ней новую особу?

Но несмысленная! предЪ кѣмЪ истощаю я всѣ сіи чувствованія нѣжности! Нѣкогда довольно было одного

слова, чтобЪ изЪ Лондона вЪ РимЪ летѣлЪ онЪ вЪ мои объятія. И такЪ я совсемЪ оставлена! . . . Я послѣдую жестокой своей судьбѣ, и онЪ тому будетЪ радоваться! . . . Тщетно я простирать буду кЪ нему свои руки вЪ послѣднихЪ мученіяхЪ моего отчаянія. . . . Я буду проклинать мою нещастную страсть и благословлять предметЪ оной! Сладкое воспоминаніе протекшихЪ нашихЪ удовольствій соединится сЪ горестію смерти, и послѣднее имя, которое я изреку, будетЪ имя любовника, стоющаго мнѣ жизни! Прощай, МилордЪ; да не вкуситЪ сердце твое тѣхЪ мученій, кои я терплю! Я прощаю тебя! . . . Ты доставлялЪ мнѣ пріятнѣйшія минуты. Желаю, чтобЪ предметЪ достойнѣйшій меня наградилЪ тебя за оныя! Я ласкаюсь надеждою воздать тебѣ оныя сугубо! Нещастная! я льстилась только мечтою: ты былЪ образцемЪ всѣхЪ моихЪ дѣяній. Любовь подавала мнѣ силы, она помогала мнѣ. ТакЪ, МилордЪ, ты обратилЪ бы женщину

къ добродѣтели, къ благополучію; вмѣсто того, теперь изъ одного мученія вовлекъ въ другое, и такимъ образомъ предалъ ее собственному отчаянію и горестямъ.

ПИСЬМО 47.

Бомстонъ къ Маркизѣ.

Лондонъ.

Нещастная Маркиза! въ какія ужасныя пропасти слѣпая страсть ввергаетъ тебя! что долженъ, и что могу я отвѣчать тебѣ? Ты несправедлива противъ меня! Я готовъ принести тебѣ въ жертву все, выключая сей суровой должности, налагаемой мнѣ честію. Не довольно ли дѣлаетъ она меня нещастнымъ? Упреки твои должны ли усугублять мои горести? Не уже ли не знаешь ты, что ни что не пронзаетъ такъ глубоко чувствительное сердце, какъ неблагодарность? Обида тобою мнѣ нанесенная поколе-

бала все существо мое, кромѣ неумолимой должности моей; можно ли надѣяться смягчить строгость ея, когда уже ваши прелести не имѣютъ надъ нею власти? Однако вы призываете ее къ новому сраженію. Повѣрьте, Маркиза, что хладнокровный имѣетъ великія преимущества; и для того я надѣюсь, что побѣда будетъ на моей сторонѣ. Такъ, я это предвижу, и для убѣжденія васъ въ томъ, я хочу сіе сраженіе, сколько будетъ возможно, учинить равнымъ: оно будетъ происходить предъ вашими глазами. Въ ожиданіи сего взглянитe на утѣшительный предметъ, къ которому я желаю съ толикою горячностію васъ проводить.

ПИСЬМО 48.

Лора къ Бомстону.

Римъ.

Многія особы, желающія меня видѣть, не понимаютъ, что заставило

меня избрать монастырь мѣстомъ моего пребыванія; они не знаютъ, что я никогда столько не бываю щастлива, какъ въ отдаленіи отъ нихъ же. Я провождала всякой вечеръ, думая о тебѣ. Сумерки начинали закрывать предметы; день скрывался отъ тѣней ночи; меланхолическая пѣснь соловья, казалось, вѣщала присутствіе Едуарда. Дѣйствительно она услаждала мое воображеніе; ты явился предо мною въ образѣ благодѣтельнаго Генія; движенія твои возвѣщали душѣ моей миръ и спокойствіе. Тишина разпространилась по всему моему существу, подобно лучамъ Авроры, разпространяющимся во мракѣ предшествующемъ ей. Наконецъ сребровидный свѣтъ луны показывался на горизонтѣ, и я, казалось, зрѣла образъ добродѣтели, съ которою ты меня примирилъ. Священный восторгъ оживотворилъ все бытіе мое, и я вскричала: о добродѣтель! я повторяю клятвы, данныя мною, пребыть тебѣ навсегда вѣрною. Но когда ночь совершенно опустила

свою завѣсу, я опять узрѣла Едуарда, и пріятнѣйшее воспоминаніе сопровождало сіе восхитительное явленіе. Ты былъ со мною; я слышала, я видѣла тебя; упоенная сладкимъ волненіемъ моихъ чувствъ, я сѣла на берегу рѣки, какъ старая согбенная монахиня, ударивъ дружески меня по плечу, съ принужденною улыбкою сказала мнѣ: да благословитъ тебя Богъ, младая моя пустынница! что ты такъ поздо дѣлаешь здѣсь? Возвратись со мной! Пріятная погода можетъ тебѣ причинить безпокойство. . . . Я слѣдовала за нею въ Монастырь, не отвѣчая ничего, проклиная досадную ея прозорливость.

ПИСЬМО 49 *.

Бомстонъ къ С. Прiо.

Лондонъ.

. . . .

. . . .

Я надѣюсь скоро быть вмѣстѣ съ тобою; тебѣ извѣстно, съ какимъ намѣреніемъ предпріялъ я сіе путешествіе. Двенатцать лѣтъ проведенныхъ въ безпрестанномъ заблужденіи дѣлаютъ меня подозрительнымъ самому себѣ; для сопротивленія я могъ довольствоваться собою; для выбора мнѣ нужны глаза друга; я поставляю удовольствіемъ сдѣлать все общимъ между нами какъ благодарность, такъ равно и привязанность; однако не обманывайся въ семъ; прежде нежели сообщу

* Сіе письмо и слѣдующія означенныя звѣздочкою, взяты изъ *Новой Элоизы*. Я опустилъ здѣсь то, что ни мало не касалось до приключеній *Едуарда Бомстона*, и сіи опущенныя мѣста означилъ точками.

тебѣ мою довѣренность, я намѣренъ испытать, достоинъ ли ты оной, и заслуживаешь ли заплатить мнѣ за тѣ попеченія, которыя я имѣлъ о тебѣ. Я знаю твое сердце, и онымъ доволенъ; но сего еще недовольно; мнѣ нужно твое сужденіе въ таковомъ выборѣ, гдѣ долженъ присутствовать одинъ разумъ, и гдѣ мой собственной можетъ меня легко обмануть. Я не боюсь страстей; онѣ объявляя открытую войну, увѣдомляютъ насъ о нужной предосторожности, и при всякомъ случаѣ даютъ намъ чувствовать наши ошибки, и коимъ мы повинуемся столько, сколько необходимо они требуютъ; я опасаюсь обманчиваго ихъ коварства, которое часто заставляетъ насъ принужденно дѣлать то, чего мы совсемъ не хотимъ. Для укрощенія своихъ склонностей потребна собственная только помощь; но для познанія тѣхъ склонностей, коимъ мы должны слѣдовать, нужна иногда помощь другихъ. Вотъ къ чему служитъ дружество мудраго, который

совсемъ другими глазами смотришъ на важныя для насъ предметы! И такъ, старайся испытать себя, и будучи добычею тщетныхъ сокрушеній, навсегда ли ты намѣренъ остаться безполезнымъ для себя и для другихъ, или, взявъ опять власть надъ собою, ты хочешь еще привести себя въ состояніе просвѣтить душу друга твоего?

. . . .

. . . .

. . . .

ПИСЬМО 50.

С. Пріо къ Вольмару.

Медіоланъ.

. . . .

. . . .

Твоими попеченіями, о! благодѣтель мой, отецъ мой! я обрѣлъ опять свой разумъ. Содѣлавшись свободнымъ и имѣя здравое сердце, чувствую, что я любимъ всемъ тѣмъ, что мнѣ мило;

будущее представляется мнѣ въ пріятнѣйшемъ видѣ; мое положеніе долженствовало бы быть прелестнымъ; но уже сказано, что я лишился навсегда спокойствія души. Приближаясь къ концу нашего странствованія, я вижу въ ономъ Эпоху участи знаменитаго нашего друга. Я обязанъ, такъ сказать, все сіе рѣшить. Могу ли я, по крайней мѣрѣ, сдѣлать однажды для него то, что онъ дѣлалъ многократно для меня? Могу ли я достойно исполнить одну величайшую и важнѣйшую должность въ моей жизни? Дорогой Вольмаръ! я ношу въ сердцѣ моемъ всѣ ваши наставленія; но для содѣланія ихъ полезными, для чего не могу я носить такъ же и вашу мудрость? Ахъ! естьли бы я могъ узрѣть нѣкогда Едуарда благополучнымъ; естьли бы по его и вашему намѣренію мы собрались нѣкогда всѣ, чтобы болѣе не разлучаться, какое бы желаніе болѣе оставалось для меня! Одно, коего исполненіе не зависитъ ни отъ васъ, ни отъ

меня, ни отъ кого въ свѣтѣ; но отъ того, кто своимъ достоинствомъ одолженъ добродѣтелямъ вашей супруги, и втайнѣ почитаетъ оное вашимъ благодѣяніемъ.

ПИСЬМО 51 *.

С. Пріо къ Гже. Орбе.

Медіоланъ.

. . . .

. . . .

Мы пріѣхали вчера въ Медіоланъ. Чрезъ два дни отъѣзжаемъ отсюда обратно. Въ восемь дней надѣемся быть въ Римѣ, и я льщусь, пріѣхавъ туда, имѣть отъ васъ извѣстія. Сколь желательно мнѣ видѣть тѣхъ двухъ удивительныхъ особъ, которыя возмущаютъ столь долгое время покой одного великаго человѣка! о Юлія! о Клера! надобно быть вамъ подобной, чтобъ сдѣлать его щастливымъ.

ПИСЬМО 52 *.

Гжа. Орбе къ С. Прїо.

Кларансъ.

Мы всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ отъ васъ извѣстій, по сему можете судить, сколько доставляютъ удовольствія ваши письма нашему небольшому семейству; но вамъ трудно отгадать, что изъ всего дома я была одна, которую онѣ менѣе всѣхъ веселили. Они всѣ слышали, что вы благополучно переѣхали Алпійскія горы; что до меня, я думала, что вы были далѣе и проч. и проч.

. . . .

. . . .

Изъ письма Милордова къ Вольмару видно, что онъ дѣйствительно хочетъ приѣхать жить съ нами. Какъ скоро онъ сдѣлаетъ тамъ свой выборъ и сердце его будетъ рѣшено, возвращайтесь оба благополучно. Вотъ желаніе маленькаго общества, а особливо вашей пріятельницы!

ПИСЬМО 53 *.

С. Пріо къ Вольмару.

Римъ.

Сіе письмо да будетъ только между мною и вами. Глубочайшая тайна да закроетъ навсегда заблужденія добродѣтельнѣйшаго изъ смертныхъ. Какимъ опасностямъ принужденъ я подвергаться! О мудрый и благодѣтельный мой другъ! Для чего не имѣю я всѣхъ твоихъ совѣтовъ въ памяти своей, такъ какъ содержу благодѣянія твои въ сердцѣ? Никогда не имѣлъ я столько нужды въ благоразуміи, и никогда недостатокъ его не былъ столько вреденъ моему невѣденію. Ахъ! гдѣ ваши отеческія попеченія? Гдѣ ваши наставленія, ваше просвѣщеніе? Что будетъ со мною безъ васъ! Въ сіи критическія минуты я отдалъ бы всѣ пріятности моей жизни, чтобъ васъ имѣть здѣсь на восемь дней.

Я обманывался во всѣхъ моихъ догадкахъ; до сихъ поръ я былъ въ за-

блужденіи. Одной Маркизы я страшился. Увидѣвъ ее, и будучи пораженъ ея красотою и искуствомъ, я употребилъ всѣ старанія отвлечь отъ нее благородную душу прежняго ея любовника! Чувствуя удовольствіе обратить его къ той сторонѣ, гдѣ не видно было никакой опасности, я говорилъ ему о Лорѣ съ почтеніемъ и удивленіемъ, какое она во мнѣ произвела; ослабляя сильнѣйшую его привязанность другою, я надѣялся наконецъ прервать ихъ обѣ.

Онъ скоро согласился на мои предложенія; онъ даже нарушилъ правила благопристойности, и желая, можетъ быть, наказать мою докучливость своимъ равнодушіемъ, онъ показалъ къ Лорѣ еще болѣе привязанности, нежели сколько казалось имѣлъ. Что мнѣ вамъ еще сказать? Его привязанность всегда одинакова; но онъ болѣе уже ни къ чему не пристрастенъ. Сердце его, обезсилѣнное толь многими сраженіями, впало въ состояніе слабости, которою она воспользовалась.

Весьма трудно всякому другому скрывать любовь долгое время находясь съ нею; судите по самому предмету страсти пожирающей ее. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя смотрѣть на сію нещастную, не тронувшись ея состояніемъ. Начертаніе слабости и унынія, напечатлѣнныхъ на прелестномъ лицѣ ея, погасивъ живость ея физіогноміи, дѣлаетъ ее чрезъ то еще прекраснѣе; и какъ солнечные лучи проходящіе сквозь облака, изъ глазъ ея, помраченныхъ печалію, сверкаютъ пронзительные огни. Самое униженіе ея имѣетъ свою привлекательность скромности. Тотъ, кто ее видитъ, сожалѣетъ объ ней, кто слышитъ голосъ ея, почитаетъ ее; на конецъ я долженъ сказать къ оправданію моего друга, что я только двоихъ знаю въ свѣтѣ, кои могутъ остаться въ безопасности, находясь вмѣстѣ съ нею.

Онъ въ заблужденіи, о Волмаръ! Я вижу это и чувствую; признаюсь вамъ въ горести моего сердца. Я трепещу, разсуждая, до какой степени

заблужденіе можетъ заставить его забыть то, что онъ есть, и чемъ онъ долженъ самому себѣ. Я страшусь, чтобы сія неустрашимая любовь къ добродѣтели, заставляющая презирать его всеобщее мнѣніе, не довела его до другой крайности, и не заставила бы возстать противъ священныхъ законовъ благопристойности и чести. Едуардъ Бомстонъ совершаетъ такой бракъ! . . . вы знаете! . . . . при глазахъ своего друга! . . . Кто сіе позволитъ? . . . Кто сіе снесетъ? . . . и тотъ, кто ему долженъ всемъ! . . . Пусть изторгнетъ онъ лучше изъ меня сердце своею собственною рукою прежде, нежели осквернитъ оную таковымъ недостойнымъ своимъ поступкомъ.

Но что предпринять? Какъ мнѣ поступить? Вы знаете его нравъ. Онъ не слушаетъ ни какихъ моихъ совѣтовъ; и слова его съ нѣкотораго уже времяни ни мало не отвращаютъ моихъ опасеній. Съ начала я не слушался его. Я представлялъ ему и-

стинну не прямо, но въ общихъ выраженіяхъ; взаимно и онъ меня не слушаетъ. Ежели я стараюсь тронуть его сильнѣе, онъ отвѣчаетъ умствованіями и думаетъ, что я уже совершенно опроверженъ. Ежели я болѣе наступаю, онъ огорчается и принимаетъ такой тонъ, которой бы другу долженъ быть не извѣстенъ, и на которой дружество не въ состояніи отвѣчать. Вѣрьте, что я въ семъ случаѣ не робокъ и не боязливъ. Тотъ, кто рачительно исполняетъ свою должность, имѣетъ много причинъ гордиться, но здѣсь дѣло идетъ не о гордости, а о успѣхахъ. Ложныя покушенія могутъ испортить лучшія средства. Я не осмѣливаюсь входить съ нимъ почти ни въ какой споръ; ибо ежедневно я вижу истинну вашего наставленія, т: е: что онъ сильнѣе меня въ умствованіи, и что не должно распалять оное спорами.

Въ прочемъ примѣтно, что онъ сталъ нѣсколько равнодушенъ ко мнѣ; Но не думайте, что я тѣмъ безпокоюсь.

Какъ много сей превосходный человѣкъ во всякомъ случаѣ, унизился одною минутою слабости! Великій, мудрый Едуардъ опасается своего друга, своего произведенія, своего питомца! Даже примѣтно, что нѣкоторыми словами, сказанными о выборѣ мѣста его пребыванія, естьли не женится, онъ хочетъ испытать мою вѣрность собственными моими выгодами. Онъ увѣренъ, что я не долженъ, и не хочу его оставить. О Волмаръ! я буду исполнять свою должность, и послѣдую вездѣ за благодѣтелемъ моимъ! Естьлибъ я былъ низокъ и подлъ, то какія бы я получилъ выгоды отъ своего вѣроломства? Юлія и достойный ея супругъ ввѣрятъ ли дѣтей своихъ измѣннику?

Вы мнѣ часто говаривали, что слабыя страсти никогда не должно перемѣнять другими, они всегда достигаютъ своего конца; но сильнѣйшія вооружать надлежитъ однѣ противъ другихъ. Я почелъ за нужное употребить здѣсь съ пользою сіе правило.

И дѣйствительно, сострадание, презрѣніе предразсудковъ, привычка и все, что управляетъ Едуардомъ въ семъ случаѣ, происходитъ отъ его слабости и дѣлается почти не побѣдимымъ: на противъ того истинная любовь не раздѣльна съ великодушіемъ, и что чрезъ сіе послѣднее нѣкоторые лучше успѣли у нее. Я осмѣлился взять сей не прямой путь, и не отчаявался о удачѣ. Средство сіе кажется безчеловѣчно, я принялъ его съ насиліемъ; однако разсмотрѣвъ все лучше, я надѣюсь оказать тѣмъ услугу самой Лорѣ. Что можетъ она сдѣлать въ томъ состояніи, въ которое вступитъ, какъ не показать прежнее свое безславіе? О естьли бы она могла быть великодушною въ теперешнемъ положеніи! Естьли я знаю сію удивительную дѣвицу, кажется что она рождена болѣе для наслажденія своимъ пожертвованіемъ, нежели своимъ достоинствомъ, которое должна она отвергнуть.

Естьли сіе предпріятіе не удастся, остается еще для меня одно со стороны правительства, по причинѣ ея религій. Но сіе средство должно быть употреблено при послѣдней крайности, и при недостаткѣ другаго; вЪ прочемЪ я приму всѣ возможныя мѣры, чтобы предупредить недостойной и безчестной сей союзЪ. О почтенный ВолмарЪ! Я ревную вашимЪ достоинствамЪ во все теченіе моей жизни. Что бы кЪ вамЪ ни писалЪ ЕдуардЪ, что бы вы ни слышали обЪ немЪ, помните, что нещадя ничего, пока сердце будетЪ биться вЪ моей груди, никогда *Лоретта Пизанна* не будетЪ Лади БомстонЪ.

Естьли вы одобрите мои намѣренія, то сіе письмо не имѣетЪ нужды вЪ отвѣтѣ. Естьли я обманываюсь, наставте меня. Но не медлите; ибо не должно терять ни одной минуты. Я прикажу надпись дѣлать незнакомою рукою; вы поступайте такЪ же, отвѣчая мнѣ. ИзслѣдовавЪ, что предпринять должно, сожгите

мое письмо, и забудьте содержащееся въ немъ: вотъ единая и первая тайна, которую я скрыть хочу во всю жизнь мою отъ двухъ сестръ! И естьли бы я могъ болѣе надѣяться на свои свѣденія, вы бы сами о томъ никогда и ничего не узнали.

ПИСЬМО 54.

Лора къ Бомстону.

Римъ.

Что привело меня, Милордъ! при послѣднемъ нашемъ свиданіи въ то состояніе, въ которомъ не была еще во всю жизнь мою? Сіе было не сновидѣніе; ибо я увѣрена, что ты точно былъ со мною. Впечатлѣніе производимое во мнѣ каждымъ твоимъ посѣщеніемъ, начертавается такъ глубоко въ моемъ сердцѣ, что я не въ состояніи погасить его. Кажется, я еще вижу тебя . . . Благотворность написана на всякомъ взгля-

дѣ твоемъ . . . Ты стоялъ предо мною, не говоря ни слова; но новый источникъ пріятностей и благополучія стремился изъ души твоей, и вливалъ въ меня неизъяснимыя услажденія. Сердце мое разширялось; слезы катились по щекамъ моимъ; я не имѣла силы возвесть глаза свои на тебя, а еще болѣе обратить оные въ другое мѣсто. Ты взялъ мою руку. . . лице твое склонилось къ моему. . . до сей минуты я помню и малѣйшія подробности! . . . Но смятеніе овладѣло моими чувствами; я не видѣла, не слышала ни чего: однако я не была безъ чувствъ; въ семъ изступленіи я чувствовала себя какъ бы вновь рожденною. Сердце мое привыкшее къ мученіямъ и горестямъ моего жребія, было поражено симъ неизъяснимымъ щастіемъ, коимъ оно было упоено. Казалось, бытіе мое увеличивалось! Я была внѣ себя, и когда начинала выходить изъ сего изступленія, ты сидѣлъ уже подлѣ меня; рука твоя меня поддерживала, голова моя лежала

на груди твоей. Я осмѣлилась бросить на тебя взоръ. . . . О Едуардъ! не смотря на улыбку блиставшую на устахъ твоихъ, я примѣтила въ первой разъ слезу, упадающую изъ глазъ твоихъ. Ты жалъ мою руку, всталъ поспѣшно и оставилъ меня въ смятеніи, умножавшемся по мѣрѣ удаленія твоего.

Съ сей минуты покой отлетѣлъ отъ меня; снѣдающій меня огонь, которой дороже мнѣ самой жизни, распространяется во всѣхъ жилахъ моихъ. Безпрестанное желаніе тебя опять видѣть, колеблетъ и безпокоитъ меня ежечастно. . . . Едуардъ! О любезнѣйшій изъ человѣковъ! о тебѣ я только думаю! Духъ твой царствуетъ въ тѣлѣ моемъ, такъ какъ всемогущая любовь въ сердцѣ моемъ! Образъ твой не раздѣленъ съ бытіемъ моимъ. Нещастная! Можетъ быть, ты отъѣхалъ не возвратно! Ахъ! чемъ непожертвовала бы я въ сію минуту, что бы тебя увидѣть только изъ дали? Все, что я имѣю, еще весьма ма-

ло. . . Тысяча жизней, естьли бы я имѣла ихъ, не наградили бы достойно за одно слово изъ устъ твоихъ, за одинъ сей послѣдній взглядъ, за одно сіе движеніе, которымъ умѣлъ ты божественнымъ очарованіемъ поколебать все существо мое. . . Нещастная! Что я? Какъ осмѣливаюсь хвастать симъ душевнымъ благополучіемъ? Но къ тебѣ я взываю идолъ моего сердца. Гдѣ ты, что съ тобою сдѣлалось, обожаемый виновникъ моихъ сладчайшихъ горестей? Не уже ли тебѣ не остается ни какого средства усладить оныя? Возвратись, приложи руку твою къ сердцу моему, и почувствуй какъ оно бьется отъ страха и ужаса! Одинъ твой взглядъ утишитъ смятеніе колеблющее меня. Пріятной звукъ твоего голоса разсыплетъ вдругъ предчувствованія, мятущія меня безпрестанно. Яви мнѣ еще однажды сіе утѣшительное благотвореніе, блистающее въ глазахъ твоихъ. Обрати еще однажды лице твое ко мнѣ, и оставь меня умереть

смертію, пріятнѣйшею жизни. . . Безумная! какой возторгъ колеблетъ меня? Какое бѣшенство заблуждаетъ мысль мою? О небо! что ввергло меня въ сіе состояніе упоенія, въ которомъ я забываю себя? Скажи мнѣ Милордъ, я прошу тебя; изъясни мнѣ, какимъ образомъ единое воспоминаніе сего сладострастнаго смятенія производитъ въ душѣ моей то пріятное потрясеніе, которое составляетъ ея блаженство, дѣлая въ то же время меня нещастною?

ПИСЬМО 55.

Бомстонъ къ Лорѣ.

Римъ.

Се дань, Лора, которою я долженъ былъ тебѣ долгое время! Се священная печать, которою я утвердилъ, именемъ добродѣтели, благородство вознобновленное въ твоей прекрасной душѣ! Сіе значило, *я тебя люблю*. Оно произходитъ отъ сердца, и ни какой

языкъ не въ состояніи сего изъяснить. Се послѣдній знакъ, любезная Лора! которымъ я хотѣлъ себѣ присвоить любви достойную твою особу. . . Се неудержныя стремленія двухъ сердецъ одного къ другому! . . . Се предчувствіе соединенія нашихъ душъ; предвкушеніе сладостей, ожидающихъ насъ! Се тайна, полученная смертными отъ боговъ въ щастливомъ золотомъ вѣкѣ, когда міръ еще былъ чистъ и непороченъ; тайна служащая еще для невинной любви изъясненіемъ пріятнѣйшихъ восхищеній, которымъ порокъ старается иногда подражать; но коихъ онъ не достоинъ чувствовать, или вкушать истинное услажденіе! это былъ. . . такъ, Лора, это былъ поцѣлуй!

ПИСЬМО 56.

Бомстонъ къ Волмару.

Римъ.

Когда я разсматриваю всѣ благи, коими обладаютъ смертные какъ внутрь,

такъ и внѣ себя; нѣтъ, кажется, ни одного, на коемъ бы сердце мое съ такимъ удовольствіемъ остановилось, какъ на образѣ супружескаго союза и ихъ жизни, гдѣ царствуетъ простота и благополучіе. Такъ, ты и Юлія живо представляетесь тогда моему воображенію, и вамъ какъ превосходнѣйшему удивляясь примѣру, сугубыя прелести привлекаютъ на оной мое вниманіе. Когда Юлія на тебя возводитъ глаза, се взоръ чистѣйшей нѣжности, се небесный взглядъ, се добродѣтель ослабляющаяся предъ своимъ возлюбленнымъ! Кто можетъ лучше Юліи, естьли не возродить, по крайней мѣрѣ поддержать и одушевить въ тебѣ склонность поступать благородно при всякомъ случаѣ, сохранить, не смотря на перемѣну судьбы и обстоятельствъ, то равенство духа, ту полную власть надъ порочными страстьми, тотъ покой и ту тишину въ душѣ, которую и мудрый съ трудностію пріобрѣтаетъ? Кто можетъ другой, кромѣ Юліи, доста-

вить тебѣ чистыя и восхитительныя удовольствія, которыя ты въ объятіяхъ ея вкушаешь? Удовольствія, которыхъ требуетъ природа, и сама раздѣляетъ ихъ; наслажденія, которыя добродѣтель позволяетъ и благословляетъ? Кто можетъ такъ, какъ она, снять съ тебя непостоянное бремя судьбы; дать душѣ твоей понятіе о совершенствѣ, которое поставляетъ смертныхъ превыше ихъ самихъ, и возноситъ ихъ на степень геройства? Но я не смысленный! я гонялся слѣпо по сихъ поръ только за мечтами щастія, истаевалъ не наслаждаясь, сражался не побѣждая. Я не былъ ни побѣжденнымъ, ни побѣдителемъ. Я овладѣлъ полемъ сраженія, но безъ всякой пользы, и не иначе могу, можетъ быть, почесться какъ измѣнникомъ. Такъ, любезный мой Волмаръ! я начинаю почитать безженство измѣнною Природѣ, давшей смертнымъ уже нѣсколько вѣковъ способность давать жизнь. Выходящій изъ сего предѣла и не повиную-

щійся всеобщему закону, можетъ ли иначе почесться, какъ измѣнникомъ, и общество не имѣетъ ли права требовать, чтобъ я возвратилъ долгъ Природѣ, извлекшей меня изъ ничтожества? На конецъ, кто я таковъ, который осмѣливаюсь дѣлать изключеніе изъ сего неизмѣримаго цѣлаго? Ты отгадаешь легко причину сихъ правилъ; я желаю прежде старости еще примириться съ Природою, и содѣлаться достойнымъ того благополучія, котораго вы подаете столь трогательной, столь рѣдкой и столь совершенной примѣръ. . . Лора должна положить основаніе сему примиренію; можетъ быть важность онаго тѣмъ содѣлается болѣе. Такъ, Лора, и естьли я не обманываюсь, она опредѣлена мнѣ съ начала времяни, и что однимъ случаемъ только отвращена отъ тѣхъ отношеній, которыя слѣдуя принятымъ предразсудкамъ, долженствовали существовать между нами; но я хочу ихъ возстановить; ты увидишь ее, Волмаръ, и одна чет-

верть часа оправдаетъ выборъ мой въ глазахъ вашихъ.

Маркиза безъ надежды. С. Пріо принудилъ меня ѣхать въ Неаполь, ожидая выздоровленія или смерти ея. Мы завтра отъѣзжаемъ. По возвращеніи моемъ я привезу Лору въ то благополучное обиталище, гдѣ она содѣлается пріятельницею строгой добродѣтели Волмара.

ПИСЬМО 57.

Гжа Волмаръ къ Клерѣ.

Кларанъ.

Вмѣстѣ съ твоимъ письмомъ пришло другое отъ Милорда Едуарда къ моему мужу, въ коемъ онъ всѣмъ намъ свидѣтельствуетъ почтеніе. Оно содержитъ важныя новости, и тѣмъ менѣе ожиданныя, что прежде ничего объ нихъ извѣстно не было. Они должны на другой день отправиться въ Неаполь, гдѣ Милордъ имѣетъ нѣ-

которыя дѣла, а оттуда поѣдутъ посмотрѣть на Везувій. . . Понимаешь ли ты, любезная моя, что имѣетъ привлекательнаго сіе зрѣлище? Возвратившись въ Римъ, Клера, подумай, вообрази. . . Едуардъ намѣренъ жениться. . Но, слава Богу, не на недостойной Маркизѣ; онъ пишетъ, что она больна. На комъ же? . . . На Лорѣ, на любезной Лорѣ! которая. . . но однако. . . какой бракъ! . . . Пріятель нашъ объ ономъ намъ не пишетъ ни слова. Скоро они пріѣдутъ всѣ трое сюда, дабы сдѣлать надлежащія разпоряженія. Но мужъ мой не сказалъ какія; однако онъ надѣется, что С. Пріо останется у насъ.

Я признаюсь тебѣ, что молчаніе его меня безпокоитъ нѣсколько. Мнѣ все сіе кажется не понятно. Я обрѣтаю въ семъ только скучныя положенія и игру сердца своего. Какъ могъ человѣкъ толико добродѣтельный предаваться столь продолжительной страсти къ порочной женщинѣ, какова Маркиза? Какъ могла она, имѣя насиль-

ственный и жестокій характеръ, зачать и питать столь сильную страсть къ человѣку толь мало ей подобному, и какъ хотѣла она дать имя любви ярости, могущей вдохнуть преступленія? Какъ невинное сердце, столь нѣжное, столь безкорыстное, каково сердце Лоры, могло снести прошедшія свои заблужденія? Какъ могла она извлечь себя изъ оныхъ обманчивою склонностію, произведенною для заблужденія пола? Скажи мнѣ, Клера, разлучить два сердца любившіяся, не принадлежа одно другому, не понимая себя; принудить торжествовать любовь надъ самою любовію; изъ нѣдръ порока и поношенія извлечь благополучіе и добродѣтель; избавить своего друга отъ чудовища, доставивъ ему, такъ сказать, подругу. . . Нещастная, но любви и даже почитанія достойная, или какъ я осмѣливаюсь думать, могущая содѣлаться таковою: скажи, содѣлавшій все сіе виновенъ ли? Терпѣвшій сіе достоинъ ли поношенія?

И такъ, Лади Бомстонъ пріѣдетъ къ намъ! къ намъ Ангелъ мой? Какъ ты думаешь о семъ? Какое чудо должна быть сія удивительная дѣвица, испорченная воспитаніемъ, но спасенная сердцемъ своимъ, для которой любовь была путемъ къ добродѣтели? Кто долженъ сему болѣе меня удивляться, меня, учинившей совсѣмъ противное, которую одна склонность заблуждала въ то время, какъ все способствовало къ хорошему моему поведѣнію? Я не столько учинилась безчестною, правда; но взошла ли я на ту степень, на которую она? Избѣгла ли я толикихъ сѣтей, и пожертвовала ли столько? Съ послѣдней степени безславія она умѣла взойти на первую степень чести; она стократно достойнѣе уваженія, и какъ будто бы никогда не была виновною. Она чувствительна, добродѣтельна. . . Чего же у ней не достаетъ, что бы сравниться съ нами? Не воспоминая о заблужденіяхъ ея юности, въ чемъ могу я упрѣкать ее? Отъ кого я мо-

гу надѣяться получить похвалу, и какой чести я буду достойна, не отдавъ ей справедливости? Однако любезная сестрица, я предвижу, что ты не согласна будешь со мною, и недовольна будешь, что Едуардъ заключаетъ таковой бракъ, и что другъ его въ томъ учавствуетъ. О мнѣніе! мнѣніе! сколь трудно свергнуть его иго! оно всегда влечетъ насъ къ неправосудію: прошедшее благо изглаждается настоящимъ зломъ; а прошедшее зло не изгладится ли никогда настоящимъ благомъ?

ПИСЬМО 58.

Бомстонъ къ Волмару.

Неаполь.

Ты любезный мой Волмаръ, не обманулся; сей молодой человѣкъ надѣжнѣе меня, и я не дорого заплатилъ за опытъ увѣрившій меня въ томъ. Безъ него я не могъ бы устоять противъ искушенія, приуготовленнаго

для него. Вамъ извѣстно, что для удовлетворенія его благодарности, и для наполненія души его новыми предметами, я хотѣлъ дать сему путешествію болѣе важности, нежели сколько оно дѣйствительно имѣло. Удовольствовать прежнія склонности, послѣдовать еще однажды прежнимъ привычкамъ, вотъ все, прилагая и относящееся къ С. Прiò, что заставило меня предпринять оное. Отдать послѣднiй долгъ забавамъ моего юношества, извлечь друга совершенно излеченнаго, вотъ весь плодъ, который я хотѣлъ отъ того получить.

Я вамъ писалъ, что сонъ видѣнный въ Вильневѣ мнѣ причинилъ нѣсколько безпокойствъ. Сей сонъ сдѣлалъ мнѣ подозрительными тѣ восторги радости, которымъ онъ предавался, когда я объявилъ, что ему поручено будетъ воспитывать вашихъ дѣтей и жить съ вами. Чтобы лучше то замѣтить въ изліяніи его сердца, я тотчасъ предупредилъ всѣ неудобства, могущія случиться со сто-

роны его; объявя ему, что я самъ буду жить съ вами, не оставилъ его дружеству ни какихъ противорѣчій; но новыя намѣренія принудили меня перемѣнить сіе предпріятіе.

Не болѣе трехъ разъ увидѣвъ Маркизу, онъ сдѣлался одного объ ней мнѣнія со мною. Къ нещастію своему, желая овладѣть его сердцемъ, она обнаружила чрезъ то свои коварства. Нещастная! что въ чинахъ безъ добродѣтели? что въ любви безъ почтенія? Сія горячая и истинная любовь меня восхищала, привязывала, питала; но она очернѣна стала ея душею, и на конецъ произвела во мнѣ омерзѣніе.

Когда онъ увидѣлъ Лору, когда онъ узналъ ее сердце, красоту, умъ и ту безпримѣрную любовь, произведенную для щастія моего; я рѣшился употребить все, дабы дать С. Пріо лучшее понятіе о состояніи ея. Естьли я женюсь на Лорѣ, сказалъ я ему, то не намѣренъ я ее вести въ Лондонъ, гдѣ можетъ кто нибудь ее узнать; но въ такое мѣсто, гдѣ зна-

ютъ почитать добродѣтель во всякомъ, гдѣ она находится: ты будешь исполнять свою должность, и мы непрестанемъ жить вмѣстѣ. Естьли же не женюсь на ней, время мнѣ войти въ себя самаго. Ты знаешь мой домъ въ Оксфорширѣ, избери или воспитывать дѣтей одного изъ друзей твоихъ, или послѣдуй за другимъ въ уединеніе. Онъ отвѣчалъ мнѣ согласно съ моимъ желаніемъ, но я хотѣлъ еще знать отвѣтъ, относительно къ его поведѣнію. Ибо станетъ ли онъ, естьли останется въ Кларанѣ, одобрять тотъ бракъ, который должно ему охуждать, или въ семъ случаѣ предпочтетъ своему щастію славу своего друга; въ одномъ и другомъ случаѣ сдѣлано испытаніе, и сердце его познано.

Съ самаго начала я нашелъ его таковымъ, каковымъ желалъ, т: е: твердымъ противъ моего намѣренія, и вооруженнымъ всѣми причинами, долженствовавшими заставить меня оставить оное. Я зналъ цѣну его пред-

ставленія лучше его самаго: но я безпрестанно съ нею видѣлся. Мнѣ извѣстна ея печаль и нѣжность. Сердце мое совсѣмъ оставившее Маркизу, утвердилось симъ безпрестаннымъ обхожденіемъ. Я находилъ въ чувствованіяхъ Лоры то, что усугубляетъ привязанность ею впечатлѣнную во мнѣ. Я стыдился пожертвовать мнѣнію, которое я презиралъ, тѣмъ почтеніемъ, которымъ я долженъ былъ ея достоинству; и не обязанъ ли я такъ же надеждѣ ей мною данной? Иначе значило бы обмануть ее; сей обманъ былъ бы безчеловѣченъ; на конецъ соединя обязанность съ моею склонностію, и стараясь болѣе о своемъ щастіи, нежели о славѣ, я кончилъ начавъ любить ее справедливо; я рѣшился употребить притворство до возможной степени и даже до самой существенности, естьли не въ состояніи буду иначе извлечь себя изъ онаго.

Однако я чувствую умножающееся въ себѣ безпокойство о семъ

лодомъ человѣкѣ, видя, что онъ не исполняетъ во всемъ пространствѣ порученнаго ему дѣла. Онъ противился моимъ намѣреніямъ, не одобрялъ того союза, который я хотѣлъ заключить; но слабо возставалъ противъ моей любви; говорилъ объ Лорѣ съ толикою похвалою, что думая меня отвратить отъ брака съ нею, умножилъ тѣмъ болѣе мою страсть. Сіи противорѣчія меня огорчали. Я не находилъ въ немъ того постоянства, которое онъ долженъ былъ имѣть. Казалось, что онъ не хотѣлъ наступательно оспоривать моихъ чувствованій, равнодушенъ былъ противъ моего сопротивленія, и опасаясь меня оскорбить, онъ не почиталъ, по мнѣнію моему, должностію своею неустрашимость, которую онъ вдыхаетъ любящимъ его.

Другія примѣчанія умножили мою недовѣрчивость; я зналъ, что онъ видѣлся тайно съ Лорою, я замѣчалъ между ими нѣкіе знаки ихъ согласія: надежда соединиться съ тѣмъ, кото-

раго она такъ горячо любила, не веселила уже ее. Я читалъ ту же нѣжность въ глазахъ ея, но сія нѣжность не была уже смѣшана съ радостію въ моемъ присутствіи; печаль показывалась на нихъ. Часто видѣлъ я какъ она бросала скрытно на сего молодаго человѣка взглядъ, сопровождаемый слезами, которыя она старалась скрывать отъ меня. На конецъ тайна сія простерлась такъ далеко, что я тѣмъ былъ огорченъ. Судите о моемъ удивленіи. О чемъ не могъ я подумать! Не змѣю ли я согрѣвалъ въ нѣдрѣ моемъ? До какой степени не могъ я простирать своего подозрѣнія, и ему приписать прежнюю его несправедливость? Сколь мы слабы и нещастны! Мы сами виною своихъ нещастій; для чего жаловаться, что злые насъ возмущаютъ, когда добрые такъ же возмущаются между ими?

Все сіе подтвердило мое мнѣніе. Хотя я не зналъ причины сей хитрости; однако видѣлъ, что сердце Лоры было непремѣнно, и сіе примѣча-

ніе содѣлало ее для меня еще любезнѣйшею. Я рѣшился изъясниться ей прежде заключенія; но хотѣлъ ожидать послѣдней минуты, дабы самому собою напередъ все ясно узнать. Что касается до него, я оставилъ его доводить дѣло до конца, не говоря объ ней ни слова, и не принимая ни какихъ мѣръ противъ его; предвидя разрывъ неизбѣжнымъ, я не хотѣлъ отвращать его подозрѣнія двадцатилѣтнимъ честнымъ поведеніемъ и любезнымъ ея нравомъ. Маркиза узнала все, что между нами произходило, она занималась Лорою; на конецъ извѣстно ей стало и о бракѣ. Не нужно было болѣе ни чего для возбужденія сильнѣйшей ея ярости. Она писала ко мнѣ письма наполненныя угрозами. Она сдѣлала еще болѣе, нежели что писала. Но какъ это было не новое, и мы имѣли своихъ защитниковъ; то всѣ ея покушенія были тщетны. Я имѣлъ только удовольствіе видѣть при одномъ случаѣ, какъ С. Пріо

умѣлъ платить за ея особу, и не щадилъ своей жизни для спасенія жизни своего друга.

Будучи сражена своею безмѣрною яростію, Маркиза впала въ болѣзнь, отъ которой уже не встала; здѣсь предѣлъ горестей и преступленій ея. Я не могъ слышать о состояніи ея безъ печали. Я посылалъ къ ней Доктора Есвеня; С. Пріо былъ у ней съ моей стороны; она не хотѣла видѣть ни того, ни другаго, не могла даже слышать обо мнѣ, и осыпала меня страшными упреками всякой разъ, когда меня воспоминала. Сіе привело меня въ трепетъ, раны мои готовы были отвориться; разумъ еще побѣждалъ; но я былъ бы подлѣйшій изъ человѣковъ, думая о бракѣ въ то время, когда столь любимая мною женщина была при послѣднемъ издыханіи.

С. Пріо опасаясь на конецъ, что бы я не не принялъ намѣренія ее видѣть, предложилъ мнѣ ѣхать въ Неаполь, и я согласился. На другой день

нашего туда приѣзда, я увидѣлъ его вошедшаго въ мою горницу съ важнымъ и постояннымъ видомъ, держащаго въ рукѣ письмо. Маркиза умерла! вскричалъ я — Слава Богу! прервалъ онъ съ холодностію; лучше умереть, нежели жить для зла; но я не объ ней говорю, выслушайте меня; я ожидалъ его въ молчаніи.

Милордъ, сказалъ онъ, назвавъ меня другомъ, ты научилъ меня носить сіе имя. Я исполнилъ возложенную на меня должность, и видя тебя готоваго забыть себя, я долженъ тебя возвратить тебѣ самому. Ты не могъ иначе разорвать одной цѣпи, какъ посредствомъ другой. Естьли по сихъ поръ дѣло шло только о не ровномъ бракѣ, то я тебѣ сказалъ бы: вспомни, что ты Перъ Аглинской; оставь мирскія чести, или уважай мнѣніе. Но постыдный бракъ! . . . Ты. . . . избери лучшую себѣ супругу. Сего не довольно, чтобъ она была добродѣтельна, она должна быть невинна. . . . Жену для Едуарда Бомстона не

легко найти. Смотри, что я сдѣлалъ. . . .

Тогда онъ подалъ мнѣ письмо. Оно было отъ Лоры. Я не могъ развернуть его безъ смятенія. ,, Любовь ,, возторжествовала, писала она мнѣ, ,, ты хотѣлъ на мнѣ жениться; я до- ,, вольна симъ щастіемъ. Другъ твой ,, изъяснилъ мнѣ мою должность; ,, я исполняю оную безъ сожалѣнія. ,, Обезчестивъ тебя, я влекла бы жизнь ,, нещастную; оставивъ тебя при че- ,, сти твоей, я надѣюсь раздѣлять ,, оную. Пожертвованіе всемъ моимъ ,, щастіемъ столь жестокой должно- ,, сти, заставляетъ меня забыть стыдъ ,, моей молодости. Прощай, скоро я ,, перестану быть какъ въ твоей, такъ ,, и въ своей власти. Прощай навсе- ,,гда! о Едуардъ! не приноси отчаянія ,, въ убѣжище мое; внимай мое пос- ,, лѣднее желаніе! Не отдавай другой ,, того сердца, которымъ я не могла ,, владѣть; есть ли было въ свѣтѣ серд- ,, це, сотворенное для тебя, то сіе ,, было сердце Лоры. ,,

Сильное волненіе препятствовало мнѣ говорить. Онъ возпользовался моимъ молчаніемъ, дабы сказать, что во время отсутствія моего она постриглась въ томъ самомъ монастырѣ, гдѣ жила. Онъ признался мнѣ откровенно, что всѣ сіи разпоряженія принялъ онъ съ ея согласія. — Я не отвергалъ твоихъ намѣреній, продолжалъ онъ съ твердостію, опасаясь обращенія твоего къ Маркизѣ, и желая истребить сію прежнюю страсть склонностію къ Лорѣ. Видя же тебя зашедшаго далѣе надлежащаго, я привелъ въ дѣйствіе разумъ; но пріобрѣтши собственными своими заблужденіями довольное право не довѣрять ей, я испытывалъ сердце Лоры; я нашелъ въ немъ все благородство, нераздѣльное съ истинною любовію, и посредствомъ его я привелъ Лору къ жертвованію, которое она согласна принесть. . . она исполнитъ свою должность; тебѣ остается исполнять свою.

Потомъ приближившись съ восторгомъ, онъ сказалъ мнѣ, прижимая меня къ груди своей. — О другъ мой! я читаю во всеобщемъ жребіи, посланномъ намъ отъ Неба, всеобщій законъ, предписанный имъ. Царство любви прошло, и начинается царство дружества; сердце мое слышитъ только священный гласъ его; оно не знаетъ другихъ узъ, кромѣ привязывающихъ меня къ особѣ твоей. Кларанъ, Оксфортъ, Лондонъ, Парижъ или Римъ; все для меня пріятно, только бы быть съ тобою вмѣстѣ. Ступай, куда хочешь, ищи убѣжища, въ какомъ бы то мѣстѣ ни было, я послѣдую за тобою вездѣ. Клянусь въ томъ торжественно предъ лицемъ самаго Бога; я не оставлю тебя прежде смерти.

Я былъ тронутъ. Ревность и огонь пылали въ глазахъ сего горячаго молодаго человѣка. Я забылъ Маркизу, образъ Лоры изчезъ на минуту изъ моей мысли.

Спустя нѣсколько дней, я услышалъ о смерти Маркизы; уже давно

умерла она для меня. Сія потеря меня не превожила; но мысль о Лорѣ представляется безпрестанно вѣ умѣ моемѣ. Я вижу ее украшенную всѣми добродѣтелями, одаренную всѣми пріятностями, запертую навсегда вѣ сей мрачной монастырь! Тамѣ я усматриваю ее плачущую, сожалѣющую о Едуардѣ; опечаленную, трепещущую при взглядѣ на нещастный свой жребій; колеблемую страхами, мятущуюся подозрѣніями; обвиняющую, можетѣ быть, истинную мою любовь, не вѣ состояніи будучи увѣриться вѣ семѣ жестокомѣ сомнѣніи. На конецѣ я вижу ее предающуюся ужаснѣйшему отчаянію; я слышу ее вѣ объятіяхѣ смерти, тихо идущей избавить ее отѣ нещастій; тщетно призываетѣ она меня, чтобѣ вѣ послѣдній разѣ проститься. . . О Волмарѣ! достойный и добродѣтельный другѣ! успокой меня, вдохни вѣ меня вѣ сіи минуты отчаянія и тоски, всю твердость твоей души и твою философію. Правда, я признаю пользу совѣтовѣ и

намѣреній С. Прі́о, но вижу такъ же, сколь трудно имъ слѣдовать. Вамъ извѣстно, что сраженія между сердцемъ и разумомъ опасны; одна минута забвенія въ послѣднемъ, можетъ сдѣлать побѣдителемъ перваго.

Я съ благодарностію принимаю ваши предложенія съ тѣмъ условіемъ, что мое имущество туда должно быть перенесено, дабы и оно мнѣ не было совсѣмъ безполезно. Я чувствую, что въ Кларанѣ только могу я забыть прошедшія мои заблужденія, и утѣшиться въ потерѣ своей; тамъ, въ нѣдрѣ вашей фамиліи и дружества я могу еще вкушать благополучіе, и возвратить дѣятельною жизнію всѣ тѣ минуты, которыя нещастная любовь похитила у меня. Въ прочемъ, смотря на привязанность С. Прі́о, я не могу иначе заставить его жить съ вами, какъ развѣ самъ буду жить съ нимъ. Одно неудобство остается для меня, относительно ѣзды въ Англію; ибо хотя я не имѣю уже ни какого голоса

въ Парламентѣ, но для меня довольно быть членомъ онаго, дабы продолжать должность сію до конца. Но я имѣю товарища надежнаго друга, которому я препоручу свой голосъ въ текущихъ дѣлахъ.

Я не показывалъ сего письма моему С. Пріо, не читайте его всего вашимъ госпожамъ; намѣреніе сіе должно остаться извѣстнымъ только вамъ и мнѣ. А болѣе сего не скрывайте отъ нихъ ничего, что дѣлаетъ честь моему достойному другу, не щадя даже меня. Прощай! любезный Волмаръ. . . Сожалѣй обо мнѣ; а особливо утѣшай меня; подай мнѣ силы, успокой меня. . . Я вамъ посылаю рисунки для моего дома. Передѣлайте, перемѣните, какъ вамъ разсудится: но прикажите начать работу съ сегоднишнаго дня, есть ли возможно. Я хотѣлъ, чтобы залы для музыки уже не было; ибо мой вкусъ къ ней совсѣмъ погасъ, и ни что для меня не пріятно. Но я оставляю ее только по прозьбѣ С. Пріо,

который предполагаетъ учить въ сей залѣ дѣтей вашихъ. Вы получите такъ же нѣкоторыя книги, для умноженія вашей библіотеки. Но что новаго найдете вы въ книгахъ? о Волмаръ! вамъ остается только учиться читать книгу Природы, что бы содѣлаться мудрѣйшимъ изъ смертныхъ.

ПИСЬМО 59.

Бомстонъ къ Лорѣ.

Неаполь.

Сколь несносна добродѣтель, сколь жестокъ разумъ, когда они противоборствуютъ пріятнѣйшимъ чувствованіямъ нашего сердца! Любезная Лора! сколь великою представляешься ты въ глазахъ моихъ! сколь благородна, сколь чиста любовь твоя! Можетъ быть въ послѣдній разъ я пишу сіе, не для отворенія раны, которую высокія и похвальныя правила начинаютъ затворять; и не для того чтобъ влить въ душу твою горькій ядъ пе-

чалей; но что бы оную излѣчить, излить въ нее спасительный бальзамъ; клясться предъ тобою въ вѣчной любви, въ любви, которую я понесу съ собою за предѣлы гроба! Я хочу тебя утѣшить, раздѣляя твою печаль, и усладить мои горести, изливая ихъ въ твою чувствительную душу. Лора! послѣднѣе твое письмецо содержитъ божественное изображенiе твоей души. Оно исполнено благородства, трогательности, великодушiя. . . Но оно оставило мнѣ печальныя сомнѣнiя; ибо я примѣтилъ въ немъ, не смотря на царствующее вездѣ спокойствiе, такiя чувствованiя, которыя ты старалась скрывать. Я проникнулъ, противъ воли твоей, въ самыя тайныя движенiя твоихъ мыслей. . . . Скажи мнѣ, Лора! можешь ли ты хладнокровно клясться болѣе не быть моею? лишиться безъ сожалѣнiя своей свободы? возложить на себя несносныя узы, не чувствуя тяжести ихъ? Заклинаю тебя, любезная моя прiятельница, помедли еще не много сею

рѣшительною минутою. . . Подожди нѣсколько дней. Я хочу тебя видѣть однажды, прежде нежели оставлю на всегда. О смѣшная должность! О подлое мнѣніе, ненавистный предразсудокъ! чудовище обезображенной добродѣтели, изобрѣтенное смертными для собственныхъ своихъ мученій! не покоритесь ли вы всесильному гласу природы? Она произвела насъ одного другаго, а вы разлучаете. Ахъ Лора! сердце твое не трепетало ли отъ ужаса при семъ безчеловѣчномъ приговорѣ; уста твои не дрожали ли при произнесеніи безразсудной клятвы не думать болѣе обо мнѣ? Или покрайней мѣрѣ не боишься ли ты, учинивъ таковое губительное обѣщаніе, отмѣнить его въ ту же самую минуту? Не обманываешь ли ты себя? Можешь ли ты сносить мое отсутствіе, безъ роптанія на свою судьбу, или помыслить о прошедшемъ нашемъ щастіи, не сожалѣя объ немъ? Исполнишь ли достойно свои обѣщанія, или не будешь ли, можетъ быть,

проклинать ихъ тайно? . . . Сбрось обманчивое покрывало, скрывающее будущность, не утаевай ни чего, открой мнѣ самыя сокровенныя движенія твоей души; и естьли послѣ сего опыта ты не найдешь въ ней тишины и спокойствія, твердости въ твоемъ намѣреніи; тогда, тогда я вооружусь противъ всего, противъ разума, противъ предразсудковъ, противъ мнѣнія; предамся совершенно движеніямъ моего сердца; полечу въ твои объятія, мы убѣжимъ вмѣстѣ въ какую нибудь землю, въ отдаленное отъ шуму свѣтскаго убѣжище, гдѣ будемъ наслаждаться мирно не возмущаемымъ благополучіемъ.

ПИСЬМО 60.

Лора къ Бомстону.

Римъ.

Ахъ, Бомстонъ! письмо твое сколько причинило мнѣ печали! Ты хочешь меня утѣшить, а слезы ручья-

ми катятся изъ глазъ моихъ! Ты хочешь излить бальзамъ въ мои раны, а я терплю несносныя мученія! Какъ, Милордъ! точно ли ты ко мнѣ сіе писалъ? Ты, которой открылъ мнѣ путь къ добродѣтели, который заставилъ меня знать оную, наставилъ меня, который предоставилъ мнѣ вкусить всѣ пріятности ея; ты стараешься поколебать меня, совратить съ сего единаго пути, остающагося къ моему благополучію? Ахъ! я знаю, чего стоитъ совратить меня съ сего пути въ другой разъ! Нѣтъ, Милордъ! ты не разсудилъ о томъ. Чувствомъ сожалѣнія погашено въ тебѣ чувство должности. Ты слѣдуешь только впечатлѣніямъ твоего сердца; не всегда надобно внимать гласу его; ты мнѣ самъ о томъ твердилъ; и лучше остаться нещастною, нежели заслужить презрѣніе. Позволь мнѣ доставить тебѣ плоды собственнаго твоего творенія, наградить твои собственно благодѣянія, и воспользоваться мудрыми твоими наставленіями. Ос-

тавь мнѣ содѣлаться достойною тѣхъ попеченій, которыя ты принималъ для меня, тѣхъ пріятныхъ чувствованій, которыя ты заставлялъ меня вкушать. Оставь мнѣ заслужить твое сожалѣніе, воспоминаніе твое. Бѣги, но не забывай меня. Не жалѣй, но люби меня всегда; я достойна того, совѣсть моя о томъ мнѣ говоритъ. Возвратись въ свое отечество, честь и должность призываютъ тебя туда; покажи примѣръ твоимъ согражданамъ. Добродѣтель твоя да дастъ тебѣ вкушать то щастіе, котораго сердце не могло тебѣ доставить. . . И въ минуты молчанія, спокойствія твоего духа, помысли нѣсколько о Лорѣ, вспомни о той, которая должна быть всегда тебѣ любезна, и я буду довольна. Я твое твореніе, я хочу достойно носить пріятное имя онаго. Въ уединеніи, въ которомъ я буду жить, не совсѣмъ буду одна; окруженная твоими знаками, образъ твой всегда присутствующій будешъ меня укрѣплять, утѣшать. Об-

ращеніе мое будетъ только съ высокими умами, достойными моего бесѣдованія. Въ моемъ уединеніи я исправлю раскаяніемъ мои прошедшія заблужденія; и на конецъ, когда душа моя очистится отъ сквернъ, содѣлавшихъ меня недостойною тебя, тогда природа, произведшая насъ одного для другаго, соединитъ сердца наши тамъ, гдѣ ни какой предразсудокъ, ни какое мнѣніе не въ состояніи будетъ насъ разлучить, ниже положить препоны неизмѣняемымъ утѣхамъ душъ нашихъ! Прощай, Едуардъ! благодарность моя да сопровождаетъ послѣднее мое прощаніе. . . Не приходи меня видѣть, ты можешь поколебать слабый и волнующійся еще мой разумъ. Прощай мой благодѣтель; спустя двѣ недѣли я приму на себя новой чинъ, который будетъ вѣченъ . . . . прощай Едуардъ! . . . . Прощай Милордъ!

ПИСЬМО 61.

Волмаръ къ Бомстону.

Кларанъ.

Я ожидалъ, любезный Бомстонъ, чѣмъ рѣшатся продолжительныя твои приключенія. Весьма странно, что противясь такъ долгое время своимъ склонностямъ, ты ожидалъ, чтобъ на конецъ другъ тебя укрѣпилъ! Хотя, говоря откровенно, опирающійся на другаго, надѣясь на себя, весьма слабымъ почесться можетъ. Въ прочшемъ признаюсь, что я устрашенъ былъ послѣднимъ твоимъ письмомъ, въ которомъ ты увѣдомляешь о бракѣ своемъ съ Лорою, какъ о дѣлѣ совершенно рѣшенномъ. Я сомнѣвался о событіи, не смотря на твои увѣренія, и естьли моя мысль меня обманывала, я не увижу въ жизни моей болѣе С. Пріо. Вы оба сдѣлали то, чего я ожидалъ отъ одного и другаго; и такъ вы хорошо оправдали то мнѣніе, которое я имѣлъ объ васъ. Придите, рѣдкихъ достоинствъ люди, увели-

чить и раздѣлять благополучіе сего дома. Такъ, достойный мой другъ, приди раздѣлять мое щастіе, приди погасить сладкимъ пламенемъ дружбы огнь любви. Ты учинилъ для Лоры все, что могъ и долженъ былъ; есть ли бы ты поступилъ далѣе, ты не сдѣлалъ бы для ней ничего. Нѣтъ, Едуардъ! сердце твое не имѣетъ нужды въ утѣшеніи, но добродѣтели твои заслуживаютъ награжденіе; и ежели дружество можетъ тебѣ оное доставить, отъ меня долженъ ты оное принять. Однакожъ я раздѣляю ту печаль, которую ты долженъ сносить, оставляя сію удивительную дѣвицу; но она щастлива, довольна, она сама тебѣ о томъ сказала, ей должно тебя успокоить. Правда, быть боготвориму двумя женщинами, и на конецъ лишиться обѣихъ, весьма несносно; но ты найдешь въ своихъ добродѣтеляхъ благополучіе безмѣрно совершеннѣе того, которое красота заставляетъ насъ вкушать. Предпочитая умѣренность необуздан-

ности въ наслажденіи удовольствій, ты любилъ долгое время, остался свободенъ, и лучше пользовался жизнію, нежели другіе. О! во снѣ бродящіе слѣпцы, мы проводимъ жизнь, гоняясь только за мечтами! Ахъ! всегда ли мы останемся въ невѣденіи? Изъ всѣхъ страстей человѣческихъ, одна только страсть къ справедливости насъ содѣлываетъ щастливыми?

ПИСЬМО 62.

Гжа Волмаръ къ Бомстону.

Кларанъ.

(На одной почтѣ съ предыдущими)

Ахъ Милордъ! Волмаръ мнѣ говорилъ объ ней! Я угадала все; онъ признался во всемъ! . . . Сколь достойна она жалости и удивленія, сколь она великодушна среди всѣхъ своихъ нещастій! . . . Сколько добродѣтелей, сколько чистосердечія послѣ толь многихъ заблужденій! Такъ, Милордъ! ея

прекрасная душа достойна тебя. Раскаяніемъ и любовію ея довольно изглажены тѣ погрѣшности, въ которыхъ сердце ея не имѣло ни какого участія. Она глазамъ моимъ представляется невиннѣе безчисленной толпы женщинъ, которые носятъ одну только маску добродѣтели! Любовь ихъ погубляетъ почти всѣхъ; но Лору она спасла. Сколь дорога должна быть вамъ такая любовь! Такъ, Милордъ! не смотря на разстояніе, раздѣляющее насъ, я читала въ душѣ твоей, и проникнула душу нещастной Лоры. Онѣ сотворены не иначе быть щастливыми какъ вмѣстѣ! Вы любите, и взаимно одинъ другаго почитаете. Думаешь ли ты, чтобы время и отсутствіе могли поколебать любовь, утвержденную на сихъ основаніяхъ? И такъ, что препятствуетъ тебѣ соединить законами гражданскими тѣ узы, которыя сама Природа вложила въ сердце твое? въ чемъ она виновна? чемъ можно ей упрекать? Она впала въ слабость по незнанію! Она велика доб-

родѣтелію, честна чувствованіемъ, невинна сердцемъ. Она нещастна, оставленна; сколько достоинствъ могущихъ учинить ее любезною твоей благородной и чувствительной душѣ! Прибавьте еще и свою къ ней любовь, которой она подала толь твердыя доказательства; надежду возрожденную вами въ ней, и ты остаешься въ нерѣшимости, какія должно взять мѣры. Чтожъ тебя останавливаетъ? Предразсудки, мнѣнія? Не предпочтешь ли ты ихъ своему щастію, щастію той особы, которую ты любишь, и которую изъялъ ты изъ одной пропасти съ тѣмъ только, чтобъ ввергнуть въ другую?

Есть должности, кои дружествомъ никогда не должны быть обузданы. Я упрекала бы Г. Волмару, С. Пріо былъ бы недостоинъ моего извиненія, естьли бы они иначе поступили; но я, я должна тебѣ открыть все то, что правила и осторожность должны были отъ тебя скрывать. Я была вовлечена въ сіе дѣло чувство-

ваніями привязанности, почитанія и той благодарности, которою я должна тебѣ. . . Такъ, Милордъ, ежели, какъ ты часто говоришь, презираешь народное мнѣніе, есть ли ты за ничто почитаешь достоинства и чести, ожидающія тебя въ твоемъ отечествѣ, изгони колеблющія сомнѣнія, слѣдуй собственнымъ своимъ движеніямъ, и употреби въ пользу совѣты своей пріятельницы, которая ни чемъ инымъ не побуждается къ сему, какъ выгодами твоего благополучія. . . Спѣши къ Лорѣ, увѣнчай самъ ея добродѣтель, давъ ей свою руку; соединись навсегда съ тою, которая столь тебѣ любезна, и о которой ты безпрестанно жалѣешь. . . Пріѣзжай въ Кларанъ, и имѣя уже мѣсто въ нашемъ сердцѣ, занимай оное и въ нашемъ домѣ; пріѣзжай къ намъ раздѣлять пріятное спокойствіе сельской, простой и мирной жизни; пріѣзжай принять награду за всѣ твои благодѣянія отъ руки дружества и любви! . . . И ты, которой нещастіе заставляетъ брать

участіе въ обстоятельствахъ твоихъ, которую собственное сердце дѣлаетъ любви достойною, которую собственная добродѣтель, прекрасная душа заставляютъ почитать, пріѣзжай къ намъ! пріѣзжай Лора! . . . Послѣдуй за достойнѣйшимъ, за добродѣтельнѣйшимъ изъ человѣковъ въ сіе спокойное убѣжище, гдѣ ты будешь въ безопасности отъ гонителей твоихъ; ты содѣлалась уже мнѣ пріятельницею, скоро учинишься моею сестрою; ты увеличишь нашъ щастливой кругъ, гдѣ царствуетъ свобода, довольство и благополучіе. Ты будешь тамъ любима, уважаема. . . . О Милордъ! для чего ты не прочиталъ уже моего письма? для чего не могу я дать ему крыльевъ? Можетъ быть не изрѣкла ли она уже обѣта лишиться тебя навсегда? . . . Ахъ! не теряй ни одной минуты, въ противномъ случаѣ ты приготовишь для себя вѣки горестей и мученій! Я беру на себя оправдать твой поступокъ предъ твоими друзьями. . . Пріятное предчувствованіе утѣшаетъ

меня. . . Такъ, Милордъ! ты найдешь еще ее свободною. . . Лети къ ней, и убѣгай вмѣстѣ съ нею позорища твоихъ нещастiй.

Какъ скоро вы будете на границахъ, въ безопасности отъ преслѣдованiя, дайте знать мнѣ о слѣдствiи вашихъ предпрiятiй. . . Г. Волмаръ не знаетъ, что я къ тебѣ пишу. Я должна въ семъ случаѣ совѣтоваться только съ своимъ сердцемъ. . . но курьеръ отъѣзжаетъ. Прощай Бомстонъ . . . Прощай Лора! сколь не терпѣливо я желаю знать объ васъ!

ПИСЬМО 63.

Бомстонъ къ Гжѣ Волмаръ.

из Швейцарской деревни на границѣ Италiи.

Несравненная Юлiя! тебѣ одной одолженъ я своимъ щастiемъ. Ты возвратила мнѣ жизнь, она мнѣ сдѣлалась драгоцѣннѣе! Тебѣ долженъ я Лорою, и благодарность моя сораз-

мѣрна моему щастію? Откуда начать? что я могу сказать, я, который есмь только тѣнь чувствованій, которыя письмо твое заставило меня ощутить? Душа моя играла между любовію и дружествомъ; волнуясь между разумомъ и моею страстію къ Лорѣ, она была близка къ заблужденію въ лабиринтѣ пороковъ, и я уже падалъ въ пропасть золъ. Колеблемый симъ безчисленнымъ множествомъ чувствованій, которыя казались мнѣ всѣ дщерями добродѣтели, я не зналъ, чему слѣдовать; но письмо твое, обожанія достойная Юлія, открыло мнѣ глаза, оно научило, какія мѣры долженъ я былъ взять; оно было для моего сердца, какъ путеводитель для заблудившагося въ лѣсу путешественника, компасъ для кормщика на неизвѣстномъ морѣ, свѣтъ во тьмѣ. . . Мнѣ представлялось, что я видѣлъ Лору уже отвергшуюся свѣта; глаза ея были томны и омочены слезами, лице блѣдное и унылое, всѣ черты изъявляли отчаяніе. Казалось, я слышалъ жало-

стный ея голосъ, тщетно призывающій Едуарда! дѣлающій ему упреки, что она оставлена! — Вотъ, говорила она, тѣ сладости добродѣтели, которыми столько мнѣ ты хвастался! Минутное очарованіе изчезло, лучъ свѣта возсіялъ въ душѣ моей. Добродѣтель представляла мнѣ уже только одинъ путь, въ которомъ всѣ мои должности и желанія были соединены! Я слышалъ ихъ единодушно взывающихъ во глубинѣ сердца моего! Лора! Лора! Лора! . . . Чѣмъ болѣе сомнѣній, тѣмъ болѣе нерѣшимости, тѣмъ болѣе смятенія. Тишина слѣдуетъ за бурею. . . Одинъ самъ съ собою, съ моею любовію, съ моимъ мужествомъ, съ твоимъ письмомъ, я лечу въ монастырь! я старался не опоздать! . . . Вхожу! . . . . Настоятельница приходитъ ко мнѣ. . . . Я требую позволенія говорить съ Лорою Пизанною! — Она въ уединеніи готовится къ постриженію. Кровь застываетъ въ моихъ жилахъ, колѣна мои трясутся. . . . О сжальтесь надо мною, позвольте, я

имѣю нужду говорить съ нею о весьма важномъ дѣлѣ! я умоляю ваше милосердіе. . . Настоятельница сдѣлала знакъ головою; оставила меня. . . Я не остался долго одинъ; вдругъ я примѣтилъ вдали небесный образъ въ срединѣ монастыря, освѣщаемаго одною только лампадою. По походкѣ, по движенію я узналъ Лору; бѣлое и черное платье дѣлало ее безподобною, прелестно. Никогда не видалъ я въ ней столько пріятностей. Невинность, благородство и чистосердечіе оживляли каждое ея движеніе. Сердце мое летѣло къ ней. Она узнала меня. . . Едуардъ! вскричала она громкимъ и прерывающимся голосомъ. Едва успѣлъ я поддержать ее; она упала безъ чувствъ въ мои объятія! . . . . Мы были одни; я рѣшился возпользоваться симъ непредвидимымъ обстоятельствомъ. Я перенесъ ее безъ всякаго шуму въ мою коляску; люди мои были уже предувѣдомлены. Скоро мы были внѣ города; Луна изливавшая свой колеблю-

щійся свѣтъ, казалось, улыбалась, взирая на мое предпріятіе, и благопріятствовала оному. При помощи лучей ея, я примѣтилъ, что Лора начинала приходить въ чувство, прекрасные глаза ея начали открываться; она услышала мой голосъ, и глаза опять закрылись. Наконецъ стараніями своими я помогъ ей опамятоваться. — Ты ли здѣсь, Едуардъ? сказала она слабымъ голосомъ. Гдѣ я? Великій Боже! не привидѣніе ли это? . . . — Нѣтъ, Лора! нѣтъ, возлюбленная моя! Я, Едуардъ, клявшійся не оставлять тебя до послѣдняго издыханія. Сердце его наконецъ согласилось съ разумомъ. Оно принадлежитъ тебѣ. . . . Оно было твоимъ давно; но будетъ твоимъ вѣчно! Когда совершенно вышла она изъ сего слабаго состоянія, я читалъ ей твое письмо. Вдругъ глаза ея помутились, слезы потекли, сердце ея билось скорѣе, вздохи умножились. Голова ея упала на мою грудь. Она возвела на меня свои слезами орошенныя глаза. — О Едуардъ! . . . О

Юлія! . . . Болѣе не могла она говорить. Я держалъ ее нѣжно въ моихъ объятіяхъ. Такъ, Лора! продолжалъ я, любовь моя преодолѣла всѣ препятствія, противолежавшія нашимъ желаніямъ; скоро мы будемъ въ Кларанѣ, гдѣ утвердимъ соединеніе нашихъ сердецъ союзомъ законовъ; скоро мы увидимъ ту неподражаемую женщину, образецъ пріятельницы, подругу, любезную мать, которую ты желала столь не терпѣливо знать. Тамъ свободны будучи отъ безпокойства, скуки, печалей, почерпая источникъ нашего благополучія въ сердцахъ нашихъ друзей, протекать будутъ дни наши, подобно пріятному сонному видѣнію, въ сладкомъ забвеніи себя самихъ. . . Но для чего, прекрасная Юлія, для чего говорить тебѣ долго о моей подругѣ, которую ты скоро сама узнаешь, и о томъ благополучіи, которое ты заставляешь насъ вкушать? Мы летѣли почтою четверы сутки день и ночь, и пріѣхали безъ всякаго особливаго приключенія. Однако непріяте-

ли наши преслѣдовали насъ близко, но видъ щастія, представлявшійся намъ ободрялъ насъ, подавалъ намъ крылья, и не оставлялъ даже времени подумать о угрожающей намъ опасности.

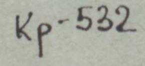
Слуга поѣхалъ напередъ приготовить намъ убѣжище въ сей деревнѣ. Приѣхавши въ оную, я отвелъ Лору въ назначенную ей горницу. Едва вошли мы въ оную, и чувствуя себя въ вольной землѣ и внѣ опасности, страхъ ея премѣнился вдругъ въ радостныя восхищенія, которымъ предавалась она съ избыткомъ. Изъясненіе пріятнѣйшихъ чувствованій одушевило всѣ черты лица ея, и придало имъ новыя прелести. Она бросилась въ мои объятія. . . Ахъ, Юлія! какъ изъяснить вамъ ея взглядъ, какъ описать то пріятное смятеніе, которое восхищало и приводило въ замѣшательство наши души! . . . Но ты увидишь ее, ты будешь сама судить объ ней. Однако я убѣдилъ ее нѣсколько успокоиться, дабы на раз-

свѣтѣ опять пуститься въ толь трудную дорогу.

Едва пѣтухъ возвѣстилъ о пришествіи Авроры, я взялъ перо, дабы выполнить твои приказанія, и вывести васъ изъ безпокойства о нашемъ жребіи, дать отчетъ въ щастливомъ успѣхѣ внушеннаго вами предпріятія. Ужъ скоро мы будемъ участвовать въ вашемъ маленькомъ обществѣ, скоро я буду почитать себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ! Прощай достойная супруга мудраго Волмара! Прощай, любезная и неподражаемая Юлія! Я оставляю тебя, чтобы присоединиться къ вамъ. Лошади уже готовы, я ожидаю только пробужденія моей подруги, дабы привезти ее въ объятія ваши.

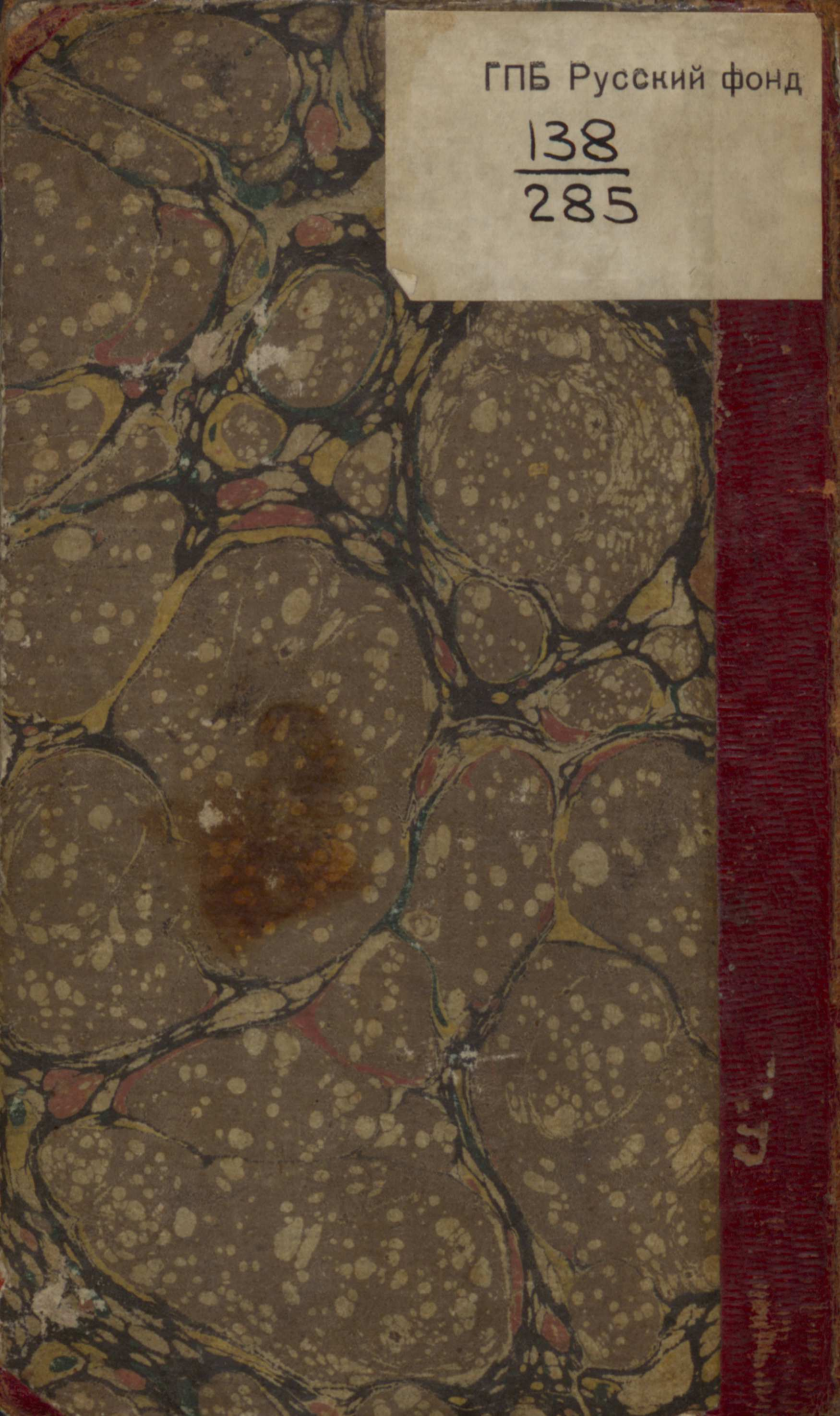
П. П. Пріятель нашъ долженъ быть въ пути. Я оставилъ въ Римѣ бумаги и ваше письмо, которыя должны извѣстить его обо всемъ.

Конецъ.

ГПБ Русский фонд
138
285